

Вопросы ЭКОНОМИКИTM

www.vopreco.ru

В НОМЕРЕ :

Институциональные ограничения модернизации

Адам Смит и современность

Статистика запросов в Google
как индикатор финансовой конъюнктуры

Россия и Китай:
неизбежность судьбоносных перемен

11

2 0 1 1

CONTENTS

E. Yasin — Institutional Constraint of Modernization or Will the Democratization Do Well in Russia?.....	4
---	---

PROBLEMS OF THEORY

A. Sen — Adam Smith and the Contemporary World	25
A. Skorobogatov — Gifts, Gift Exchange, and Market Exchange as Organizational Alternatives	38

TOOLS OF MACROECONOMIC ANALYSIS

I. Pilipenko — The Use of Cost—Benefit Analysis for Evaluating Efficiency of Public Investment Projects (<i>The Case of Sochi-2014 Winter Olympic Games</i>)	57
M. Stolbov — Statistics of Search Queries in Google as an Indicator of Financial Conditions	79

B. Porfiriev, V. Kattsov — Implications of and Adaptation to Climate Change in Russia: Assessment and Forecast	94
---	----

THE CHINESE WAY

V. Gel'bras — Russia and China: The Inevitability of Crucial Changes	109
A. Gruzdev — Financing Platforms of Local Governments and Their Role in Credit Boom in China in 2009—2010.....	122

REFLECTIONS ON THE BOOK

G. Tsagolov — The Great Chinese Convergence (<i>On the New Book by E. P. Pivovarova «Socialism with Chinese Specifics»</i>).....	133
M. Yudkevich — Avner Greif: A Model for Assembly (<i>On the Book «Institutions and the Path to the Modern Economy: Lessons from Medieval Trade»</i>)	142

NOTES AND LETTERS

T. Omel'chuk — Providing Long-term Stability of Russia's Pension System.....	150
---	-----

CRITIQUE AND BIBLIOGRAPHY

Russian Worker: Education, Profession, Qualification / Ed. by V. E. Gimpel'son, R. I. Kapelyushnikov	155
---	-----

Abstracts	158
------------------------	-----

Е. Ясин — Институциональные ограничения модернизации, или Приживется ли демократия в России?	4
---	---

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

А. Сен — Адам Смит и современность	25
А. Скоробогатов — Дары, дарообмен и рыночный обмен на шкале организационных форм	38

ИНСТРУМЕНТЫ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

И. Пилипенко — Использование анализа затраты—выгоды для оценки эффективности государственных инвестиционных проектов <i>(на примере зимних Олимпийских игр-2014 в Сочи)</i>	57
М. Столбов — Статистика поиска в Google как индикатор финансовой конъюнктуры	79

Б. Порфирьев, В. Катцов — Последствия изменений климата в России и адаптация к ним <i>(оценка и прогноз)</i>	94
---	----

КИТАЙСКИЙ ПУТЬ

В. Гельбрас — Россия и Китай: неизбежность судьбоносных перемен	109
А. Груздев — «Финансовые платформы» местных правительств и их роль в кредитном буме в Китае <i>(2009—2010 гг.)</i>	122

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД КНИГОЙ

Г. Цаголов — Великая китайская конвергенция <i>(О новой книге Э. П. Пивоваровой «Социализм с китайской спецификой»)</i>	133
М. Юдкевич — Авнер Грейф: модель для сборки <i>(О книге «Институты и путь к современной экономике: Уроки средневековой торговли»)</i>	142

ЗАМЕТКИ И ПИСЬМА

Т. Омельчук — Обеспечение долгосрочной устойчивости пенсионной системы России	150
--	-----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Российский работник: образование, профессия, квалификация / Под ред. В. Е. Гимпельсона, Р. И. Капелюшников	155
--	-----

Аннотации к статьям номера (на английском языке)	158
Льготная подписка на журнал «Вопросы экономики»	160

Е. ЯСИН,
доктор экономических наук,
профессор, научный руководитель НИУ ВШЭ

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ, ИЛИ ПРИЖИВЕТСЯ ЛИ ДЕМОКРАТИЯ В РОССИИ?*

Для реальной модернизации необходимы радикальные институциональные преобразования, включая полноценную политическую демократизацию. Заряд возможностей, полученный от рыночных реформ, в России еще далеко не исчерпан, и, если его дополнить демократическими институтами, можно придать обществу уверенность в том, что новая Россия встанет вровень с другими развитыми демократическими странами. В сложившихся условиях более предпочтительно постепенное развитие. Стратегическая линия на модернизацию и привлечение к участию в ней как можно более широкого круга граждан должна сохраняться длительное время. Прежние методы, с помощью которых правители поднимали страну на дыбы, сейчас к успеху не приведут.

Модернизация России в историческом контексте: итоги 20 лет

За последние десятилетия Россия прошла немало судьбоносных развилок, которых хватило бы доброму десятку стран лет на 200. М. Горбачев сделал, по существу, выбор между *демократизацией и империей*. Он не хотел распада империи, но демократизация и нарастающий экономический кризис предопределили именно такой исход. Б. Ельцин был поставлен перед другим выбором: *централизованное планирование или рыночная экономика*. В итоге мы имеем работающую, хотя и не столь эффективно, рыночную экономику. Последний выбор был сделан В. Путиным: *бюрократия или олигархия*? Выбор был сделан в пользу бюрократии. Государство поставило под свой контроль не только крупный бизнес, но и практически все ранее независимые общественные силы.

* Настоящая статья написана на основе доклада «Сценарии развития России на долгосрочную перспективу» на семинаре в НИУ ВШЭ 28 сентября 2011.

Сложившаяся при прохождении первых двух развилок управляемая, а значит, неполная демократия ныне стоит на грани перехода в авторитарный режим. Окончательный выбор еще не сделан, мы стоим на четвертой развилке: *модернизация сверху (авторитарная) или снизу (демократическая)?*

Под *модернизацией* в этой статье понимаются: работа по преодолению накопленного отставания с усвоением лучших образцов; период, в течение которого такая работа проводится. Принято различать модернизацию технологическую и институциональную.

В появившейся в 1999 г. «программе Грефа»¹ речь шла об *институциональной модернизации*: вслед за осуществлением основных рыночных реформ и макроэкономической стабилизацией должен был начаться этап модернизации. Этот термин было решено применять вместо слова «реформа», которое вызывало в обществе негативные эмоции. Имелось также в виду, что в отличие от радикальных перемен начала 1990-х годов должна проводиться последовательная систематическая работа по проектированию и выращиванию целостной системы институтов, необходимых для эффективной рыночной экономики и демократического общества. Таким образом, изначально имелась в виду *институциональная модернизация*, реализуемая эволюционным путем, но затрагивающая практически все стороны жизни общества, включая политическую систему.

Технологическая модернизация предполагает обновление технологий, продукции, оборудования, методов организации и управления, а также структурную перестройку экономики в отраслевом, региональном и иных разрезах. Она непосредственно приводит к росту производительности на основе интенсификации потока инноваций. Инновации могут быть «для себя» (внедряемые) и «для рынка» (продаваемые). Инновационная экономика, выводящая страну в группу лидеров мирового развития, характеризуется высокой долей инноваций «для рынка» (10—15% ВВП).

Технологическая и институциональная модернизации взаимосвязаны. Если институциональная система хорошо отлажена и успешно поддерживает рыночные отношения (права собственности, конкуренцию, защиту контрактов), то технологическая модернизация идет беспрепятственно, формируется интенсивный поток инноваций, наблюдается подъем экономики.

В чем же заключается выбор на четвертой развилке? Модернизация может осуществляться или как *целенаправленная* политика, или развитие пойдет спонтанно, *по инерции*. Необходимо также выбрать степень допустимых рисков (в первую очередь политических). *Модернизация сверху* предполагает, что правящая элита ограничивает круг проводимых мер теми, которые может контролировать: обычно ограничиваются институциональные и осуществляются преимущественно технологические изменения. Снижение политических рисков приведет к уменьшению экономических результатов. Не исключено, что модернизация сверху будет мало отличаться от развития по инерции. *Модернизация снизу* (демократическая) более рискованна, предполагает активизацию бизнеса, вовлечение более широких слоев населения в предпринимательскую деятельность,

¹ В 1999 г. возник Центр стратегических разработок (ЦСР) во главе с Г. Грефом, который стал «мозговым центром» президента В. В. Путина. На центр была возложена задача по выработке новой программы.

самоограничение власти правящей элиты. Демократизация — необходимая составляющая этой политики.

Если выбирается модернизация снизу, то нужно определить темп преобразований — быстрый или медленный. Этот выбор также призван оптимизировать соотношение рисков и результатов. Чтобы ограничить поле анализа, условимся, что предлагаются два варианта — *решительный рывок* или *постепенное развитие*.

При сопоставлении уровня производительности труда в России и США² за последние два десятилетия может сложиться впечатление, что модернизации в России в 1989—2008 гг. не было или она происходила очень медленно (см. табл. 1). Улучшение ситуации в 2008 г. по сравнению с 1998 г. не должно вводить в заблуждение. Рост в последнее десятилетие нельзя считать достижением, поскольку это лишь компенсация падения производительности в период кризиса 1998 г. Результаты всего 20-летнего периода показывают, что в целом отставание увеличилось, поскольку для полной компенсации не хватило времени после глубокого трансформационного кризиса.

Т а б л и ц а 1

Производительность труда в России и США в 1989, 1998 и 2008 гг.
(тыс. долл. США 1990 г. на одного работника)

Год	Индекс GK*			Индекс EKS**		
	США	Россия	Россия к США, %	США	Россия	Россия к США, %
1989	47 632	15 787	33,14	71 723	32 345	45,10
1998	55 363	10 359	18,71	83 348	21 225	25,47
2008	65 524	18 750	28,62	99 686	36 995	37,11

* Индекс GK — индекс по методу Гири—Камиса.

** Индекс EKS — индекс по методу Элтета—Кэвеша—Шульца.

Источник: The Conference Board Total Economy Database, Jan. 2010.

На самом деле модернизация происходила все 20 лет. Структура экономики стала рыночной, это несомненный позитивный результат прошедшего периода. Но эффективность рыночной экономики из-за незавершенности институциональных преобразований низка. Если в первом десятилетии преобладала пассивная, разрушительная фаза перестройки, то в следующем появились ресурсы и начался процесс обновления основного капитала. Однако модернизация 2000-х годов не смогла компенсировать параллельно проходивший процесс деградации (поддержка некоторых секторов государством, неполноценная конкуренция), что затормозило и сделало неотличимой модернизацию от развития по инерции.

Проблему повышения конкурентоспособности мог решить российский бизнес, но на это нужны были время и государственная под-

² Для оценки итогов 2000-х годов в России мы используем результаты расчетов В. А. Бесонова на основе данных The Conference Board Total Economy Database при сравнении двух вариантов оценок производительности труда в России и США: по индексам GK — Гири—Камиса и EKS — Элтета—Кэвеша—Шульца. Последний индекс обычно более благоприятен для России, но при сравнении скорости изменения индексов их величина не имеет значения.

держка, направленная на эффективную трансформацию рыночных институтов. Однако бюрократия взяла курс на подавление бизнеса как независимой общественной силы. В итоге с 2003 г. снизилась *естественная деловая активность*³: чтобы уменьшить свои риски, бизнес сократил масштабы и горизонт инвестиций. Негативно сказывались отрицательные (в реальном выражении) ставки по депозитам, что привело к уровню накопления 18–20%, а этого недостаточно для модернизации.

В силу внешних факторов — роста цен на нефть, дешевых финансовых ресурсов на мировых рынках — удавалось поддерживать *искусственную деловую активность*, которая привела к перегреву экономики. Кризис наступил в 2008 г. Благодаря финансовым резервам Россия довольно благополучно прошла его острую фазу. Но факторы, которые поддерживали высокие темпы роста до кризиса, оказались исчерпаны. Уровень деловой активности снизился до естественного в данных условиях. В 2003–2008 гг. темпы роста ВВП составили 7,2–7,3% в год. На 2,2 п. п. ежегодно этот рост обеспечивался увеличением численности работников, на 5–5,1 п. п. — ростом производительности. В дальнейшем число работников будет убывать примерно на 1% в год, и если темп роста производительности сохранится, то максимальный темп роста производства составит в среднем 4%.

Для поддержания такого роста нужны либо деньги — рост доходов от нефтяного экспорта и дешевые кредиты, которые подогревали деловую активность в «тучные годы», либо убедительные для бизнеса институциональные изменения⁴. Речь неизбежно пойдет о значимом снижении коррупции, о демократическом общественном контроле власти и о самоограничении последней. На последнее потребуется много времени. Кроме того, необходимые институциональные изменения сопряжены с ощутимыми политическими рисками, стало быть, не очень приемлемы для правящей элиты. Но при отказе от таких институциональных изменений темп роста ВВП, скорее всего, снизится до 1–3% в год.

Методология анализа: игровые модели Маскина

Чтобы проанализировать варианты политики и оценить динамику модернизации при соответствующих вариантах, мы воспользуемся логикой Э. Маскина⁵.

³ Поясним термин «естественная деловая активность»: имеется в виду уровень деловой активности, который достигается при нормальных рыночных условиях — наличии устойчивого спроса на продукцию и положительных реальных (за вычетом инфляции) ставок процента по депозитам и кредитам. При этом инфляция не должна превышать 2–3%. Деловая активность может быть ниже естественной, если инфляция высокая и ставки по кредитам делают их недоступными для большей части предприятий. Активность может быть и выше естественной, если ставки по кредитам низкие, то есть деньги дешевы и доступны.

⁴ Россия после кризиса: выбор пути // Ведомости Форум. 2011. № 5. С. 89.

⁵ Maskin E. Culture, Cooperation and Repeated Games: доклад / Симпозиум им. С. Хантингтона, ГУ–ВШЭ, Москва, 23–25 мая 2010.

Для описания процесса формирования культуры как совокупности социальных норм Маскин использует игру «дилемма заключенного». Два игрока могут выбирать между «кооперацией» (K), требующей приложения усилий, и «дезертизмом» (D), то есть бездельем. Если оба они решают сотрудничать, то каждый (по предположению Маскина) получает выигрыш 6, а с учетом издержек 4 — чистый выигрыш 2. Но если сотрудничать решает один, то каждый получит выигрыш 3, причем K получит чистый результат $(3 - 4 = -1)$, а $D - (3 - 0 = 3)$. На одном шаге D получает выигрыш, а K проигрывает. Тогда на втором шаге, если оба выбирают стратегию D , никто не выигрывает ничего. Но если бы они выбрали стратегию K , то оба выиграли бы по 2. Стратегия кооперации в повторяющейся игре выгодна обоим, и те сообщества, где доминирует кооперация, в перспективе выигрывают, усваивая эту стратегию как социальную норму и тем самым развивая культуру деловых отношений. Если на этом фоне кто-то однажды выберет D , то он даст повод и другому дезертировать на следующем шаге. Если потеря сотрудничества закрепится, сообществу грозит упадок. Напротив, если сообщество жило по стратегии D , а затем нашлась группа «мутантов», которые перешли к стратегии K , то ее выгоды становятся поводом для других также перейти к сотрудничеству. В более ранней работе Маскина показано, что в повторяющихся играх все исходы лежат между K и D , доля K зависит от социальных норм, но точные прогнозы получить невозможно⁶. Суть культурного развития состоит в увеличении доли K .

В центре нашего внимания — реакция на ту или иную политику различных слоев общества, групп интересов. Картина общественных взаимодействий чрезвычайно сложна, для ее анализа приходится пользоваться крайне упрощенными моделями, надеясь, что одна из них «уловит» характер взаимодействий, наиболее существенных для реализации выбранных вариантов политики. В нашем случае игроки — государство, бизнес и общество. Их поведение определяется уровнем доверия как основы кооперации. Выбор игроками доверия или недоверия обусловлен правилами игры, вытекающими из проводимой политики. Наши дальнейшие рассуждения будут качественными, и условными числами мы пользоваться не будем.

Исходная ситуация — это стартовая площадка, описанная нами выше; цель — модернизация России. Для анализа выбраны следующие варианты политики: 1) модернизация сверху (авторитарная); 2) решительный рывок; 3) постепенное развитие.

После этого, используя результаты анализа вариантов политики, попытаемся построить возможные сценарии развития, которые будут вариантами прогноза.

Модернизация сверху (Игра I)

При модернизации сверху *государство* выступает инициатором действий и принуждает бизнес и общество выполнять свои предписания (например, инициативы, нацеленные на технологические и структурные изменения). Исполнение обеспечивается бюрократией, включая силовые структуры. Правила этой игры предполагают, что

⁶ Fudenberg D., Maskin E. The Folk Theorem in Repeated Games with Discounting or Incomplete Information // *Econometrica*. 1986. Vol. 54, No 3. P. 533–554.

для повышения действенности предписаний государства его представители могут превышать свои полномочия, в том числе используя их в личных и групповых интересах, поскольку бизнес и общество не могут контролировать некоторые правила игры.

Бизнес осуществляет экономическую деятельность, располагает активами и привлекает по найму работников, составляющих ресурс общества. Бизнес нацелен на максимизацию своих доходов, но инициативы государства ограничивают его естественные устремления. В результате интересы бизнеса и государства в рамках политики модернизации сверху расходятся, поскольку рыночный конкурентный механизм согласования интересов не работает. Тогда государство должно либо прибегать к принуждению, либо создавать стимулы для нужных ему представителей бизнеса. Последние будут стремиться получить максимальную выгоду от навязываемой им кооперации, а остальные представители бизнеса окажутся в неравных условиях конкуренции. В итоге между государством и бизнесом складывается обстановка взаимного недоверия, ведущая к некооперативному поведению каждой стороны. Отказаться от сотрудничества ни одна из сторон не может, но результаты его не могут быть высокими, а цели модернизации не достигаются или достигаются не в полной мере.

Если *общество*, под которым мы понимаем множество потребителей и наемных работников, лишено возможности контролировать деятельность государства и бизнеса, участвовать в формировании и работе органов власти, то оно испытывает недоверие и к государству, и к бизнесу. Именно такой порядок вынужденно возникает при политике модернизации сверху. Общество в таких условиях уверено, что все изменения будут происходить за его счет, к выгоде государства и бизнеса. Если у общества нет возможностей для легитимной защиты своих интересов, оно прибегает к таким методам, как понижение качества работы, саботаж и воровство.

Таким образом, политика модернизации сверху ведет к образованию *треугольника недоверия*, где для всех участников игры характерно некооперативное поведение. Это снижает уровень деловой активности и вероятность успеха модернизации сверху.

Попробуем разделить игру на раунды, качественно отличные друг от друга.

Первый раунд

Институты и структуры, призванные обеспечивать выполнение инициатив государства и правящей элиты, лишь формируются: демократические институты ограничены, повышается статус и сфера действия силовых структур, выстраивается «вертикаль власти». Необходимого поведения бизнеса государство добивается путем усиления давления на него, угрожая лишением прав собственности. При этом возможно усиление коррупции. Для манипулирования общественными настроениями устанавливается контроль над СМИ и в сфере образования.

Изменения такого рода относительно легко воспринимаются в привыкшем к авторитаризму и уставшем от нестабильности обществе. Стабильность и более простые правила игры сначала приносят позитивные результаты, поскольку выше уверенность в соблюдении порядка, в предсказуемости действий игроков, в том числе некооперативных.

Но это не оказывает позитивного влияния на модернизацию, так как в рыночной экономике (ее основные принципы не подвергаются сомнению) локомотивом развития является бизнес, чьи права ущемляются в этом случае. Усиливаются бюрократия и та часть бизнеса, которая получает выгоды от связи с бюрократией и делится с ней. Но даже эта часть бизнеса теряет активность в силу неравенства условий конкуренции. Чтобы компенсировать недостаточную активность бизнеса, государство пытается повысить свою роль в экономике, организует крупные проекты с государственными инвестициями и привлечением лояльных представителей частного бизнеса. Но заметных результатов нет: модернизация связана с рисками, а в этой ситуации рисков избегают все.

Модернизация сверху (авторитарная) иногда приносит успех, но только при определенных предпосылках. Во-первых, если она осуществляется в отсталой стране, находящейся в начальной фазе выхода из аграрной стадии развития, что предопределяет изобилие дешевой рабочей силы, в лучшем случае приученной к систематическому труду. Во-вторых, если есть возможность заимствовать передовые технологии, в том числе путем покупки или привлечения инвестиций из более развитых стран. В-третьих, при наличии открытых рынков, на которые можно экспортировать значительную долю производимой продукции по сравнительно низким ценам. Россия явно не относится к числу стран, где модернизация сверху может быть успешной, поскольку не выполнены первое и третье условия.

Второй раунд

Второй раунд начинается, когда проявляются последствия воздействия институтов, введенных ранее для повышения роли центральной власти. Ощутимо снижается уровень деловой активности (недостаточные инвестиции, отток капитала, короткий горизонт планирования). Заметно усиливается коррупция, а конкуренция при неравных условиях слабеет. Ограничение демократических институтов облегчает управление вручную, но устраняет общественный контроль. Рост возможен только на основе притока извне ренты или инвестиций, внутренних мотиваций оказывается недостаточно. Ясно, что модернизация, ведущая к сокращению отставания, в этих условиях невозможна, поэтому в конце второго раунда либо меняется политика, либо наступает стагнация.

В России, по крайней мере с 2003 г., проводится политика модернизации сверху. Сейчас мы находимся где-то в начале второго раунда: все признаки исчерпания этого варианта налицо. Структура власти, созданная в 2003–2005 гг. для проведения такой политики, стала основным препятствием для ее реформирования.

Решительный рывок (Игра II)

Решительный рывок — это один из вариантов модернизации снизу. Ее цель — с помощью институциональных реформ и развития культуры⁷ создать условия для активизации инициативы и энергии людей⁸. Это главный резерв России для ответа на вызовы XXI в. и развития современной инновационной экономики.

Как осуществить этот переход? Суть решительного рывка в том, что в первую очередь трансформируется политическая система, чтобы в итоге сложился минимальный набор признаков *либеральной демократии*. Необходимость менять в первую очередь именно политическую систему вызывает споры. Так, Д. Медведев пишет: «Демократия стала массовой, когда массовым стало производство самых необходимых товаров и услуг. Когда уровень технологического развития западной цивилизации сделал возможным всеобщий доступ к элементарным благам, к системам образования, медицинского обслуживания, информационного обмена»⁹. С этим можно согласиться. Но для решения многих сегодняшних проблем России нужны бóльшая свобода, защита от произвола и коррупции бюрократии, общественный контроль над бюрократией и бизнесом, повышение доверия людей к публичным институтам. Поэтому нужно говорить о параллельном движении, в котором следующий шаг определяется степенью насущности задач. Сейчас насущной представляется демократизация.

Для осуществления демократизации в России необходимо ликвидировать *персоналистский режим*, не совместимый с демократией, и провести *реальное разделение властей*. Необходимо перейти к *политической конкуренции* и многопартийной системе, представляющей основные интересы и убеждения граждан, гарантирующей свободу собраний и ассоциаций, отказ от формального членства в партиях или от требования минимального числа членов при регистрации партий для участия в выборах. Для обеспечения свободных и честных выборов избирательное законодательство должно быть изменено. Кроме того, должно быть обеспечено *верховенство права* — независимость судебной власти и равенство всех перед законом. Необходим *демократический контроль за исполнительной властью*, *подчинение бюрократии интересам общества*. Это может быть достигнуто в результате принятия закона о парламентских расследованиях. Необходима также свобода СМИ. В свою очередь *децентрализация* означает повышение роли местного самоуправления и предоставление более широких прав муниципальным образованиям.

⁷ Культура понимается нами как совокупность социальных норм, в этом случае — регулирующих экономические отношения.

⁸ Модернизация снизу напоминает модель культурного развития Маскина, суть которой в том, чтобы, начав двигаться от ситуации треугольника недоверия, прийти к треугольнику доверия и кооперативному поведению, воспользоваться потенциалом, скрытым в активизации человеческого фактора. В связи с этим следует упомянуть о двух моделях М. Олсона: 1) государство на службе общества, когда политико-экономические институты настроены на работу государства в пользу граждан, вызывая со стороны последних доверие к нему и содействие; 2) общество на службе государства, когда первое выполняет функции «тяглового сословия», поставляющего ресурсы государству и «служивому сословию», с понятным взаимным недоверием. Модернизация снизу — процесс перехода от второй модели к первой, от законов, которые большинству выгодно нарушать, к законам, выгодным для большинства и потому исполняемым не из-под палки. (Олсон М. Возвышение и упадок народов. Экономический рост, стагфляция, социальный склероз. Новосибирск: ЭКОР, 1998).

⁹ Медведев Д. Россия, вперед! // президент.рф/news/5413. 2009. 10 сент.

Следует подчеркнуть, что речь идет о правах и свободах, гарантированных Конституцией и заблокированных нынешней правящей элитой. Список легко расширить, но меры из приведенного нами можно считать желательными и первоочередными.

Первый раунд

Каким образом сторонники демократических преобразований, убежденные в необходимости политических реформ, придут к власти? Либо в результате выборов, либо вследствие раскола правящей элиты.

Победа на выборах в обозримое время исключена, поскольку для этого нужно предварительно провести через парламент изменения в избирательном законодательстве, предупреждающие злоупотребление административным ресурсом правящей элиты на выборах. Поэтому, даже если либерально настроенным политикам удастся прийти к власти, рывок будет неизбежно менее решительным, поскольку для успешной модернизации их приход должен быть *легитимным*.

Вариант раскола в правящей элите может показаться более реалистичным, но раскол до поры до времени никому не выгоден. Некоторые исследователи пороговыми условиями мирного перехода к демократии (порядку открытого доступа) считают: 1) признание верховенства права внутри элиты; 2) бессрочное существование организаций, независимо от воли короля или лидера; 3) консолидированный контроль над основными структурами¹⁰. В данный момент наиболее вероятно сильное противодействие элиты внутренним расколам, поэтому шансы радикальных демократов прийти к власти призрачны.

В обществе распространены настроения недоверия и недовольства, которые активно не проявляются. Но высокая степень конформизма ведет к неприятию норм и ценностей, которые в других странах содействовали креативному, инновационному развитию и модернизации общества на этой основе.

Конформизм. Учет российских традиций, когда речь шла об экономических реформах, не был важен (слишком очевидной была необходимость быстрых перемен). Но при адаптации к новым политическим институтам их нельзя оставить без внимания. Данные Левада-Центра показывают, что общество может предпочесть нынешней ограниченной демократии авторитаризм (см. табл. 2). Об этом свидетельствуют изменившиеся за 2000—2009 гг. общественные предпочтения: популярность существующей модели выросла, но скорее за счет уменьшения привлекательности демократической модели западного типа, в то время как советская политическая система кажется многим гражданам все еще привлекательной.

Т а б л и ц а 2

Предпочитаемые политические системы (в % к числу опрошенных)

Год	Советская политическая система	Система, подобная нынешней	Демократия западного типа
2000	45	13	25
2009	38	25	18

Источник: Левада-Центр (www.levada.ru).

¹⁰ Норт Д., Уолли Дж., Вайнгайт Б. Насилие и специальные порядки. М.: Европа, 2011. С. 266—270.

Общественные настроения изменчивы, но низкие оценки демократии в России устойчивы, а в последнее десятилетие даже наблюдался консервативный откат. Опросы показывают, что большинство россиян отвергают либеральную демократию. На вопрос «В какой мере для России подходит „западный“ вариант общественного устройства?» в 2011 г. лишь 6,6% респондентов ответили «целиком подходит», 35% были уверены, что «совершенно не подходит для российских условий», а еще 30,9% считали, что «не вполне подходит, вряд ли может прижиться»¹¹.

Бизнес, более всех заинтересованный в преобразованиях, органически склонен к осторожности. Решительный рывок будет его отталкивать непредсказуемостью последствий. Общество, включая интеллектуальную и оппозиционную часть политической элиты, находится сейчас в состоянии так называемого *квазистационарного равновесия Келера*¹². Этот термин, предложенный Л. Россом и Р. Нисбетом, обозначает состояние, когда общество находится в напряжении, а «движущие силы» перемен сталкиваются с «силами сдерживания», вследствие равновесия между ними никакие значимые перемены не представляются возможными. По мере роста напряжения увеличивается вероятность *неустойчивого равновесия*, когда перемены наступают не при логически объяснимых условиях, а при повышении вероятности *мобилизации*, то есть массовых выступлений, возможно, по случайным поводам с непредсказуемыми последствиями¹³.

Вернемся к признакам либеральной демократии. Ликвидацию персоналистского режима и предупреждение его появления вновь, создание реальных условий для политической конкуренции вряд ли поддержат большинство избирателей. Скорее, многие проголосуют за тех, кто обещает стабильность, величие державы и рост пенсий. Эти избиратели не видят беды в единоличной власти или несменяемом правлении группы лиц, практически неподвластной законодательному контролю. Преобладает мнение, что России нужна «твердая рука». Несмотря на то что равенство всех перед законом занимает первое место во всех рейтингах актуальных задач, стоящих перед обществом, «твердая рука» кажется важнее, и граждане мирятся ради нее с выборочным правосудием, неравными условиями конкуренции, ограничением своих прав и свобод.

Второй раунд

С учетом сказанного проблемы первого раунда — сложности легитимации демократических преобразований, конформизм об-

¹¹ www.levada.ru.

¹² Росс Л., Нисбет Р. Человек и ситуация. М., 2000.

¹³ Маскин пишет о возможностях ухода от траектории культурного развития на какие-либо боковые траектории. В его терминах решительный рывок начинается с того, что группа «мутантов» захватывает власть и от имени государства предлагает бизнесу и обществу кооперативную стратегию (К). Бизнес сначала будет воздерживаться от активных действий, предпочитая либо дезертирство (Д), либо чередование стратегий Д и К. Общество, питавшее до этого недоверие к власти, может теперь проявить высокое доверие, даже эйфорию, но новое настроение вряд ли будет устойчивым. При малейшем разочаровании весьма вероятен новый приступ недоверия и конформизма. Чтобы испытать надежность своих выводов о развитии культуры вследствие выгод кооперативного поведения, Маскин построил альтернативную стратегию АЛБТ (см.: *Maskin E. Culture, Cooperation and Repeated Games...* Р. 4). В результате ее применения низка вероятность возврата к кооперативной стратегии. Выходы есть, но нам важно показать угрозы чрезмерно рискованной политики.

щества и его возможное сопротивление переменам, угроза потери стабильности и массовых мобилизаций с непредвиденными последствиями — имеют очень серьезные основания. Хотелось бы, чтобы еще одна попытка демократизации и модернизации России стала успешной. Самое нежелательное развитие событий во втором раунде этой игры — *новый откат*, возвращение к авторитарному или близкому к нему режиму.

Еще одна неудача будет воспринята как доказательство того, что демократия вообще противопоказана России, что она ведет не к подъему, а к упадку экономики и снижению благосостояния граждан. Еще один затяжной цикл авторитаризма в ответ на очередную попытку вырваться из его объятий будет означать новую волну неверия в жизненные силы и будущее страны.

Не исключено, что политика решительного рывка могла бы оказаться удачной, а минимум правил либеральной демократии удалось бы легко ввести. Без сложностей прошла бы адаптация к ним общества. Однажды, в начале 1990-х годов, нечто похожее получилось, но все же менее удачно, чем хотелось. Опасения за судьбу новых попыток заставили меня описать результаты этой игры в мрачных тонах — так я их оцениваю.

Постепенное развитие (Игра III)

Постепенное развитие — вариант модернизации снизу, но без рывков. Предполагается поток институциональных изменений, по отдельности не столь существенных, но вместе шаг за шагом ведущих к осязаемому развитию культуры и повышению продуктивности экономики. Особенность нашей страны, как и других стран с формирующимся рынком, в том, что она стремится культивировать институты, оправдавшие себя в иных странах и в иной культурной среде.

Для «взрачивания» нового института обычно сначала принимается закон. При его подготовке проектируют новый институт и, по идее, должна состояться публичная дискуссия, облегчающая прохождение закона и его последующее применение. В отличие от стран, где институт рождается на собственной почве, а закон лишь оформляет, легализует его существование, у нас принятие закона, как правило, обозначает начало дела. Далее начинается выращивание института¹⁴: принятие закона порождает поток прецедентов его применения, позитивных или негативных для него. Соотношение между ними зависит, в частности, от сил поддержки и сопротивления. Возможные реакции — усвоение (после периода адаптации), отторжение и извращение. Усвоение характеризуется прохождением барьера большинства (норма воспринимается и применяется большинством заинтересованных субъектов, получает признание). Отторжение или извращение (привносит в принятую форму иное содержание, вопреки духу закона) означают, что либо институт неудачно спроектирован, либо силы сопротивления сильнее. Тогда надо возвращаться к проекту и переделывать его, то есть начинать работу заново.

¹⁴ Кузьминов Я. И., Радаев В. В., Яковлев А. А., Ясин Е. Г. Институты: от заимствования к выращиванию. Опыт российских реформ и возможности культивирования институциональных изменений: доклад / VI Международная научная конференция ГУ—ВШЭ. М., 2005.

Подобные процессы мы наблюдали все последние годы. Борьба групп поддержки и сопротивления, движущих и сдерживающих сил по поводу усвоения различных нововведений институционального характера составляла содержание экономической и социальной жизни в России. Приведем один пример.

Плоская шкала подоходного налога введена в 2002 г. вместо прогрессивной шкалы с максимальной ставкой 35%. Собираемость прогрессивного налога была низкой, функцию укрепления социальной справедливости он явно не выполнял.

Плоская шкала — это единая ставка 13%. Такой налог Россия ввела одной из первых в мире, резко упростив его администрирование, что само по себе было важно в условиях слабого государства и низкой дисциплины налогоплательщиков. Поступления подоходного налога выросли на 20%. Нельзя сказать, что доходы населения были полностью выведены из «тени», но такая задача не стояла. Целью были большая прозрачность и сокращение издержек администрирования. Дополнительный эффект вывода дохода из «тени», однако, укрепил репутацию налога, его ввели в нескольких странах Восточной Европы, а инициаторы иных налоговых нововведений, например снижения единого социального налога (ЕСН) в 2004 г., обосновывали это ожиданием увеличения поступлений от налога при снижении его ставки, ссылаясь на опыт плоской шкалы.

Приверженцы социальной справедливости регулярно предлагают вернуться к прогрессивной шкале. Но думается, что это невозможно, даже если возрастет налоговая дисциплина, поскольку выгоды плоской шкалы, ее практичность слишком очевидны. Социальной справедливости можно достигать иными средствами, например повышая налог на недвижимость, транспортные средства и наследство.

Это пример удачного изменения института, с позитивными прецедентами и успешной практикой применения. Но можно привести и другие известные примеры, но не столь удачные — реформа образования, пенсионная реформа.

Из подобных элементов складывается экономическая и общественная жизнь. Борьба разных групп интересов по поводу образующих содержание общественной и экономической жизни процессов определяет развитие общества. Если преобладают негативные прецеденты, то мы имеем дело с траекторией стагнации, а возможно, и деградации, упадка. Если, напротив, начинают преобладать позитивные прецеденты, направленные на развитие культуры, повышение креативного потенциала общества, то уместно говорить о модернизации. Если наблюдается модернизация, пусть медленная, без рывков, сопровождающихся заметными взлетами и падениями, но с позитивной равнодействующей, значит, мы имеем дело с *постепенным развитием*.

Первый раунд

Постепенное развитие в нашем случае является вариантом модернизации снизу. Иными словами, для активизации бизнеса и всех слоев общества с целью повысить продуктивность, а на этой основе — ускорить развитие экономики, предполагается постепенное (в противовес решительному рывку) перемещение решений и самостоятельных действий вниз, смена модели «государство берет дань с общества» на модель «государство служит обществу». Соответственно должен повышаться уровень доверия между государством, бизнесом и обществом.

Постепенность и децентрализация будут специфическими свойствами данной игры. Предпосылкой придания игре этих свойств выступает изначальная нацеленность правящей команды на проведение соответствующей политики. Ее надо публично декларировать, общество должно быть уверено, что декларации подкреплены реальными действиями и результатами. Отсюда следует, что в правящей команде необходимы хотя бы частичные изменения, в ней появятся новые люди, приверженные идеям перехода к демократической модернизации.

Постепенность будет гарантироваться присутствием представителей прежней команды. А потому неизбежны столкновения разных взглядов, борьба противоречивых интересов. Поэтому важно, чтобы в первом раунде осуществлялись меры, не вызывающие острых конфликтов, но позволяющие формировать институты конкурентной рыночной экономики и демократизации, активизировать широкие круги бизнеса и общества. Это означает поэтапное самоограничение прежде всего федеральной исполнительной власти, ее публичный отказ от тех или иных полномочий, в том числе неясных.

В первом раунде возможно ускоренное продвижение *пакета социальных реформ* — жилищной, пенсионной, здравоохранения и образования. Предпочтительно, чтобы при авторитарной власти, видящей перспективу дальнейшей демократизации, были осуществлены наиболее сложные, непопулярные этапы этих реформ. В ходе *жилищной реформы* первичный рынок жилищного строительства необходимо демополизировать, должен начаться переход от продажи квартир в новых домах к их аренде, упрощено оформление землевладения. Это возможно при снижении инфляции до уровня, обеспечивающего доступность ипотеки. Обязательная составляющая *пенсионной реформы* — введение обязательных пенсионных взносов с начала трудовой жизни, повышение пенсионного возраста. Но при этом оплата труда бюджетников должна вырасти. Введение обязательного медицинского страхования с полисами для всех — неотъемлемая часть *реформы здравоохранения*. Полисы должны покрывать государственный минимум бесплатных медицинских услуг. В ходе реформирования *образования* должен быть окончательно внедрен ЕГЭ и введены государственные именные финансовые обязательства (ГИФО), обеспечивающие конкуренцию между вузами, закрытие или преобразование вузов, не отвечающих стандартам качества и не привлекающих достаточного объема ресурсов. Все меры должны обсуждаться и проходить экспериментальную проверку при участии широкой общественности.

Постепенный поворот от авторитарной к демократической модернизации снизу наиболее уместен для начала нового этапа *реформы местного самоуправления*, активизации гражданского общества. В первом раунде необходимо добиться *верховенства права*: судебная и правоохранительная системы могут подвергаться преобразованиям относительно независимо от других институтов, с опережением, чтобы люди были лучше подготовлены к игре по новым правилам.

Поскольку в находящейся у власти команде и в обществе будут противостоящие группы — либералы и силовики, «голуби» и «ястребы», реформаторы и консерваторы, — постепенная модернизация снизу, безусловно, будет иметь черты компромисса между ними.

Любые позитивные шаги по пути модернизации снизу, пусть постепенной, а стало быть, и демократизации, поддержат большая часть интеллектуальной элиты и гражданские организации. Консерваторы выступят против, осуждая отступление от традиций и узко понимае-

мых национальных интересов. Левые и коммунисты на первых порах поддержат модернизацию снизу, поскольку они заинтересованы в демократических институтах для достижения большей, в их понимании, социальной справедливости. Но по многим пунктам реформ они окажутся в оппозиции.

В СМИ неизбежна волна критики федеральной власти за медлительность, которую многие будут трактовать как неуверенность или следствие борьбы в руководстве из-за каждого шага: одни стараются действовать, другие — выхолостить суть, чтобы цели действий не достигались. Критика нередко будет справедливой. Нужно демонстрировать позитивные перемены, убеждать людей в твердом намерении власти ограничивать себя, менять свой статус — от господства к служению. Если заметных сдвигов не будет, развитие пойдет по варианту инерции или модернизации сверху. Треугольник недоверия будет сохраняться.

Бизнес встретит изменения в политике с привычным скепсисом и пока не наберет убедительных доказательств, не будет позитивно реагировать, рискуя капиталами. Поэтому экономическая динамика может оказаться неуверенной.

Но вклад частного бизнеса решающий. Для технологической модернизации нужны крупные инвестиции в секторы экономики, которые могут стать конкурентоспособными на мировом или внутреннем рынке. Надо обеспечить переоснащение предприятий современным оборудованием, обучение работников, повышение производительности (хотя бы до 50% от уровня США). Для этого нужны сильные мотивации, уверенность, готовность рисковать, планировать на много лет вперед. Одних правовых гарантий и финансовой поддержки государства для экономического подъема будет недостаточно.

Общество, видимо, позитивно, но пассивно поддержит перемены. Можно ожидать и таких консервативных реакций, как в случае с ЕГЭ. Но ограничить бюрократию и бизнес в погоне за прибылью можно только при последовательной демократизации, что означает свободу слова, верховенство закона и политическую конкуренцию.

Второй раунд

Если бы был избран проект постепенных реформ, то во втором его раунде должны были бы развернуться события, по содержанию сходные с событиями первого раунда решительного рывка.

Действительно, рано или поздно, но минимальный пакет либеральных демократических реформ при модернизации снизу все равно должен быть реализован. Это критический пункт на пути институциональной модернизации снизу. Сначала возможны изменения в партийном и избирательном законодательстве, обеспечивающие легитимность последующих решений, затем гарантии против личной власти. После этого «низы» подключаются к деятельности, за которой они до сих пор в лучшем случае наблюдали. Эти меры по демократизации предваряются постепенными шагами. Все это поможет убедить бизнес и общество в целеустремленности действующей власти.

Нельзя исключить торможения преобразований, но оно маловероятно. Скорее следует ожидать низких темпов роста, стагнации или даже нарастающего отставания, поскольку властям будет трудно удерживать квазистационарное равновесие. Но нужно понимать: либо модернизация останавливается, либо она продолжается в условиях демократических преобразований. Пусть они будут более или менее умеренными, но следует ожидать привлечения различных общественно-политических сил к решению общественных проблем, к публичной политической деятельности, а стало быть — к политической конкуренции, борьбе за власть.

В рамках второго раунда постепенных реформ города и муниципальные образования получают право самостоятельно вводить налоги и сборы, возникнут условия для свободных местных выборов, которые станут важнее федеральных. Развивается гражданское общество. Реформы образования, здравоохранения, пенсионной системы, рынка жилья и коммунальных услуг способствуют активизации населения.

Если власти будут осуществлять проект постепенного развития всерьез, они разработают планы его реализации и подходы к решению конфликтов между силами поддержки реформ и противодействия им, к адаптации новых институтов, преодолению ими барьеров распространения. Но проблем, связанных с реальной демократией и адаптацией свойственных ей институтов, не избежать. Рост доверия между государством, бизнесом и обществом и усиление кооперативного поведения будут свидетельствовать об успешности проводимой политики.

Результаты игр в модернизацию

Итак, игры закончены. Мы рассматриваем их не как прогнозы, а как размышления о возможных процессах и событиях при тех или иных предпосылках. Что они показали? Мы оценили исходное положение в России и очертили диапазон, в котором могут развиваться события в рамках широкого набора вариантов политики: от инерционного развития или модернизации сверху до решительного рывка, прежде всего в области демократизации.

Оба крайних варианта политики с высокой вероятностью ведут к дестабилизации и новым серьезным потрясениям. При консервативном первом варианте (модернизация сверху) пройдет больше времени, прежде чем произойдут позитивные изменения. А кризисные явления, сопровождаемые спонтанными протестами населения, будут глубже. Объяснение простое: ответственная за проводившуюся политику правящая элита к моменту дестабилизации будет находиться у власти и, по всей вероятности, станет сопротивляться изменениям. При неудачно проведенном решительном рывке возможен откат назад.

Основной и несколько неожиданный вывод из игр: *постепенное развитие в направлении модернизации и демократизации наиболее вероятно и предпочтительнее других вариантов политики*. Безусловно, движение по этому сценарию будет сопровождаться словесными баталиями, очевидными поражениями в отдельных сражениях, многократными переходами от эйфории к унынию и обратно. Это более длительный

процесс, чем решительный рывок в случае его удачного исхода. Но с учетом распределения субъективных вероятностей это наиболее надежный путь, который с меньшими издержками ведет к цели.

На фоне подъема экономики и укоренения рыночных отношений постепенное усвоение и распространение либерально-демократических норм и ценностей представляется несомненным. И чем больше они укореняются, тем слабее влияние революционно-социалистического, радикального лагеря, а также консервативно-черносотенных сил. Примером может служить период отечественной истории между 1905 и 1913 гг., наполненный событиями: поражение революции, разгон I и II Государственной думы, успехи аграрной реформы, разочарования, убийство П. Столыпина.

Сегодня надо готовиться к длительной борьбе, компромиссам, не всегда последовательным решениям, институциональным ловушкам, характерным для модернизации по сценарию постепенного развития. Однако критический период с введением минимума комплементарных институтов либеральной демократии в этом случае необходим.

Постепенное развитие создает, пожалуй, наилучшие предпосылки для ответа на вызовы, с которыми сталкивается страна. Если удастся *высвободить инициативу и энергию людей с помощью демократизации*, избавления от бюрократического произвола, то мы преодолеем культурный барьер, препятствующий повышению инновационного потенциала России до уровня развитых стран. Это, видимо, наш единственный шанс.

Сценарии на будущее

Реальное развитие не будет напоминать наши игры, но на их основе можно выделить основные сценарии развития. Поскольку ожидаемые институциональные изменения происходят медленно и со сдвигами, прогнозный период 40 лет — до 2050 г.

В середине XVIII в. на пространстве от Нидерландов до Англии начала доминировать современная рыночная экономика, которая коренным образом изменила экономику и образ жизни. В России эти процессы начались после отмены крепостного права в 1861 г., но из-за противостояния традиционалистских и современных институтов пока не завершились. Советский этап привел к реставрации бюрократических иерархических структур и разрушению заложенных ранее основ современной рыночной экономики. В начале 1990-х годов рыночная экономика была восстановлена. Но в ходе тяжелого трансформационного кризиса конфликт между бюрократией и бизнесом обострился. Необходимая политическая стабилизация привела к свертыванию демократических институтов. Естественная деловая активность снизилась, как и потенциал роста экономики и благосостояния граждан.

Возможно, это диалектически неизбежный этап: от олигархического капитализма к государственному и только потом к нормальному — конкурентному. Но очевидно, что страна не будет развиваться при госкапитализме с чиновничьим произволом, коррупцией и подавлением предпринимательской инициативы. Кризис 2008—2009 гг. исчерпал возможности использования конъюнктурных факторов роста.

Возможный максимум

Сценарии развития России рассматриваются нами относительно развития США; уровень душевого ВВП США приравняется

к технологической границе. Допускаем, что с 40 тыс. долл. в 1998–2000 гг. она повышается в среднем за год на 1–2%, а к 2030 г. увеличится в 1,2–1,6 раза, к 2040 — в 1,3–2,1 раза, а в 2050 г. — в 1,5–2,5 раза. Абсолютная величина в 2050 г. при средних темпах роста в указанных выше диапазонах составит примерно 80 тыс. долл. (см. рис. 1).

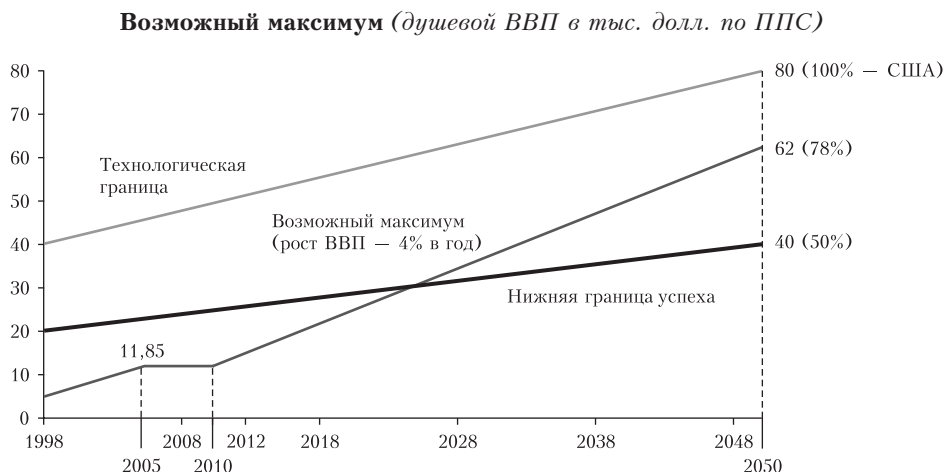

Рис. 1

В 2005 г. душевой ВВП России составил 11,86 тыс. долл.¹⁵, то есть 28,5% от уровня США. Условимся также, что 50% технологической границы (уровня США) будет нижней границей успеха российской модернизации. Для расчетов примем душевой ВВП России равным 12 тыс. долл. по ППС в 2010 г. При предельных темпах роста российского ВВП 4% душевой ВВП в 2050 г. составил бы 78% от уровня технологической границы. Это очень хороший результат, показывающий, что успех возможен.

Сценарий модернизации сверху

Сценарий модернизации сверху (инерционный) реализуется в данный момент. Этот сценарий означает, что серьезная модернизация не получится, она будет идти так же, как в 2004–2010 гг. Крупные проекты, финансируемые из государственных и принудительно привлеченных средств крупного бизнеса, не обеспечат высоких темпов экономического роста.

В отличие от докризисного периода не будет быстрого роста цен на нефть и дешевых денег. Если цена на нефть все годы будет держаться выше 100–105 долл./барр., но в силу энергосбережения ее динамика не будет превышать темпы роста мировой экономики, то не следует ожидать ускорения роста. При сохранении незащищенных прав собственности, коррупции, чиновничьего произвола и правового нигилизма другой основы для роста не будет.

¹⁵ Это последний точный расчет по ППС, с учетом динамики курсов валют.

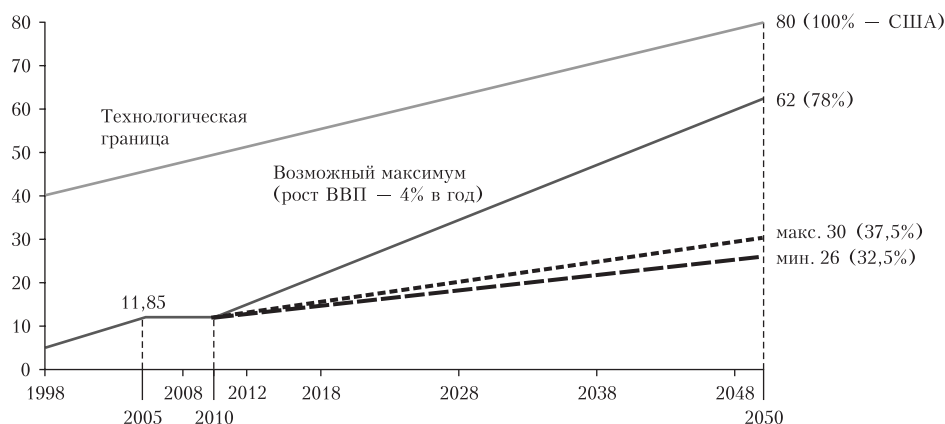
Сценарий модернизации сверху (душевой ВВП тыс. долл. по ППС)

Рис. 2

Деловая активность и благоприятный климат для бизнеса составляют основу инвестиций и повышения эффективности. В 2002–2007 гг. валовое накопление основного капитала составило 18–20% ВВП при необходимых 25–30%. Эффективность капитала была низкой: ввод 1 кВт установленной мощности угольных электростанций обходился в 2500 долл. против 1800 долл. в ЕС и 720 долл. в Китае. Один километр современного шоссе стоит 10–15 млн долл. против 2–5 млн долл. в Австралии, Канаде и Швеции¹⁶.

Максимальные темпы роста при этом сценарии составят 1–2% в год на предстоящие 40 лет (см. рис. 2). К 2050 г. душевой ВВП увеличится примерно в два раза, до 26 тыс. долл. (32,5% уровня технологической границы). Если среднегодовой рост составит 2% (верхняя граница указанного диапазона), то к 2050 г. душевой ВВП достигнет 30 тыс. долл. (37,5% уровня технологической границы).

Сценарий модернизации снизу с постепенным развитием

Согласно сценарию модернизации снизу с постепенным развитием, начиная примерно с 2018 г. движение по инерции перейдет на траекторию модернизации (см. рис. 3).

Преобразования для перехода к либеральной демократии займут четыре-пять лет. В это время сформируется необходимое общественное мнение, будут осуществляться необходимые, но непопулярные реформы в социальной сфере. В результате масштабной приватизации доля госсектора сократится с 50 до 15–20%. Реформа местного самоуправления приведет к снижению уровня централизации. В этот период рост может быть на 1 п. п. ниже, чем при инерционной траектории.

Затем проявятся позитивные результаты перемен: возрастет доверие бизнеса и населения к государству, усилится деловая активность, увеличится приток иностранных инвестиций, активизируется гражданское общество. Темпы роста возрастут в среднем до 3% в год. Согласно

¹⁶ Бессонов В. А., Гимпельсон В. Е., Кузьминов Я. И., Ясин Е. Г. Производительность и факторы долгосрочного развития экономики: доклад / X Международная конференция ГУ–ВШЭ. М., 2009.

Сценарий модернизации снизу (душевой ВВП тыс. долл. по ППС)

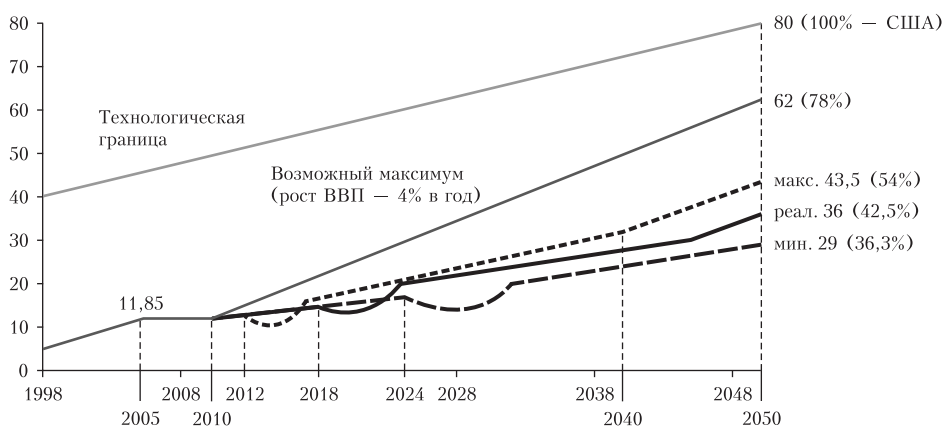

Рис. 3

этому, на наш взгляд, реалистичному варианту сценария, к 2050 г. душевой ВВП достигает 36 тыс. долл. (42,5% уровня технологической границы). Если реформы начнутся в 2024 г., то к 2050 г. душевой ВВП не будет отличаться от инерционного сценария и составит 29 тыс. долл.

Если подготовка к реализации основного пакета мер начнется сразу после президентских выборов 2012 г., то позитивные результаты институциональных изменений проявятся раньше. Темпы в среднем составят 3% в год, а при благоприятном развитии событий в последние десять лет периода темпы роста увеличатся до 4% в год. Тогда к концу расчетного периода душевой ВВП достигнет 43–44 тыс. долл. (54% уровня технологической границы).

Примем эти показатели за максимум для сценария *модернизации снизу с постепенным развитием*. Россия оказалась бы на пути к новым достижениям, более высоким значениям уровня технологической границы, уже в сообществе развитых стран, с ощущением, что на исторический вызов она смогла дать убедительный позитивный ответ.

Пессимистический сценарий

Предположим, что в близкой перспективе цены на нефть снизятся до 50–60 долл. и сохранятся на этом уровне 20 лет. Тогда возможны отток капитала и снижение инвестиционного потенциала. Институциональные реформы не будут проводиться. Правящий режим, напротив, стремясь не допустить дестабилизации, будет усиливать давление. Или наоборот — обострение кризисных явлений приведет к власти радикалов, которые попытаются спасти ситуацию методом решительного рывка. И в том, и в другом случае возможны непредсказуемые последствия, сопровождающиеся каскадом кризисных явлений.

Не желая крайностей, допустим, что пессимистический сценарий предполагает поддержание душевого ВВП на нынешнем уровне или, в худшем случае, его снижение не более чем на 10% к 2050 г. (12,5–14% уровня технологической границы, см. рис. 4). В инновационную

Пессимистический сценарий (душевой ВВП тыс. долл. по ППС)

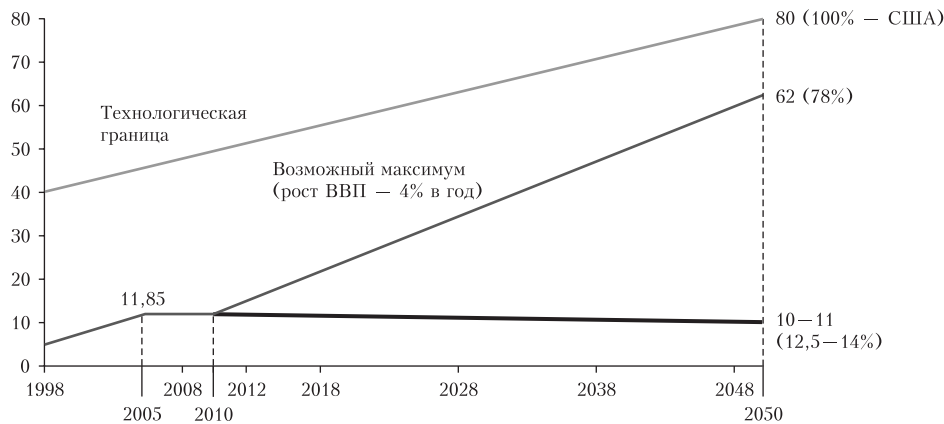

Рис. 4

эпоху прежние факторы, обеспечивавшие конкурентные преимущества России — многочисленное население, военное превосходство, богатые природные ресурсы, — в тех же масштабах не будут работать, поэтому преодолеть отставание не удастся.

Если оглянуться назад, то период российской истории после падения цен на нефть в 1986 г. можно интерпретировать именно таким образом. Подъем 1999 — 2008 гг. следует считать восстановительным ростом после трансформационного кризиса. В течение этого периода качественных изменений, которые должны были бы привести к масштабной модернизации, не произошло.

* * *

Разумеется, предложенные рассуждения и расчеты не учитывают даже сотой доли успехов и неудач, которые будут иметь место в реальности. Опираясь на приблизительные оценки важнейших показателей, была предпринята попытка согласовать их примерные значения в будущем с основными вариантами политики. Естественно, описание последствий развития событий по каждому варианту, как и последствий смены курса модернизации, стали в основном плодом наших догадок и убеждений, питаемых опытом и интуицией. Но если кто-нибудь скажет, что может предложить более точные результаты, то я позволю себе усомниться.

Два обрисованных альтернативных сценария — «модернизация сверху» и «модернизация снизу — постепенное развитие» — являются, на мой взгляд, наилучшей основой для выбора политики. Вариант решительного рывка может быть представлен максимумом сценария модернизации снизу, но его удачная реализация маловероятна.

Вероятнее всего развитие будет иметь черты этих альтернативных сценариев. Несомненно, будут осуществляться институциональные изменения, что позволит говорить о модернизации снизу. От состава руководства и общей политической и экономической обстановки будет зависеть, насколько серьезными станут изменения и когда они

произойдут. Наш анализ показывает, что откладывание реформ, прежде всего демократических, означает отказ от них и повышает вероятность худших последствий инерционного развития. Выгоды постепенной модернизации окажутся, видимо, наибольшими, если основные перемены начнутся в ближайшие четыре-шесть лет, а за это время экономика, социальная сфера и общественные настроения будут к ним подготовлены.

Меня можно упрекнуть в преуменьшении темпов роста, например в сценарии *модернизация сверху*. Правительственные эксперты ожидают не 1—2, а 2—3% роста, и тогда различия между сценариями стираются. Занижая возможности обоих сценариев, я старался подчеркнуть растущее отставание в сфере институциональных изменений и медлительность перемен. Различия между сценариями *модернизация сверху* и *модернизация снизу* объясняются нарастанием институционального провала при сценарии модернизации сверху из-за опасений перемен со стороны правящей элиты. Это обстоятельство должна понимать российская элита, поскольку оно важнее количественных показателей любых прогнозов.

Прочитирую Д. Асемоглу и Дж. Робинсона: «В недемократическом обществе элита получает политику, которую она хочет; при демократии граждане имеют больше влияния, чтобы получить то, что хотят они. Поскольку в условиях демократии элита проигрывает, естественно, у нее есть стимулы, чтобы выступить против нее или свергнуть ее, однако большинство демократий возникают тогда, когда они создаются элитой»¹⁷. Хочется сказать, обращаясь к элите: «Это сделаете вы. А можете сделать и нечто лучшее».

Глубоко убежден, что сценарий постепенной модернизации с отложенной демократизацией близок к оптимальному с точки зрения национальных интересов. Конечно, принять его означало бы для части правящей элиты пойти на определенные жертвы, материальные и имиджевые. Конечно, ей придется обосновывать отказ от прежней политики и поворот к переменам, но дело того стоит! Если для достижения экономической и политической стабилизации потребовалось ужесточить режим, учитывая опасность сепаратизма, то сейчас нужда в этом отпала, напротив на первый план выходят задачи модернизации. Мы считаем абсолютно необходимым новый поворот в политике для перехода к новой модели экономического роста!

¹⁷ Цит. по: Норт Д., Уолли Дж., Вайнгаст Б. Указ. соч. С. 263.

А. СЕН,
*профессор Гарвардского университета,
лауреат Нобелевской премии по экономике*

АДАМ СМИТ И СОВРЕМЕННОСТЬ*

Быть в родном университете Адама Смита в Глазго, чтобы вместе с другими учеными отмечать юбилей первого издания важнейшей книги — «Теории нравственных чувств» (1759) — огромная честь для меня. Значимость воздействия этой книги на философию, политику, социологию и экономическую науку в течение нескольких веков не подлежит сомнению. Ее влияние еще будет рассмотрено, но сегодня важнее говорить об актуальности идей и аналитических достижений Смита. Роль «Исследования о природе и причинах богатства народов» (1776) ни у кого не вызывает сомнений, а вот «Теорию нравственных чувств» почти не обсуждают. Это упущение мы попытаемся восполнить.

В чем актуальность идей Смита? На этот вопрос трудно ответить, потому что мысли Смита сегодня можно понимать слишком широко. Многие предложенные Смитом стратегии рассуждения еще не изучены, хотя его часто цитируют. Мы будем исходить из того, что именно эти идеи сегодня имеют значение.

1

Особый вклад Смита, который, безусловно, *не* был упущен и сегодня вполне осознан, заключается в том, что его идеи помогли придать новую форму предмету экономической теории. Смита принято называть отцом современной экономической науки, и общепризнанно, что он внес наибольший вклад в ее становление как научной дисциплины. Возможно, говорить об экономике как «научной дисциплине» несколько странно, учитывая, с чем профессиональные экономисты сталкиваются сегодня. Действительно, «наука» — не первое слово, которое приходит на ум в период гигантского кризиса, предсказать который и предло-

* Sen A. Adam Smith and the Contemporary World // Erasmus Journal for Philosophy and Economics. 2010. Vol. 3, No 1. P. 50—67. Публикуется с разрешения автора. Статья написана по материалам лекции, прочитанной в Университете Глазго 2 апреля 2009 г. по случаю 250-летней годовщины публикации «Теории нравственных чувств» А. Смита.

жить способы экстренно спасти «плохо залатанный» мир экономики представители экономической науки не смогли.

Этот новый скепсис основан на давних сомнениях по поводу правомерности категории «социальная наука». Экономика или социология могут быть достойным предметом для размышлений и раздумий, но можно ли их считать научными дисциплинами? Нельзя не вспомнить совет У. Х. Одена:

Всего,
В чем есть частица «социо»,
Не делай ты¹.

Смит, безусловно, *делал* социальную науку, и не одну. Много о социальных науках вообще и об экономической науке, а также о рыночной экономике в частности нам известно именно из его работ. Долг Смиту щедро воздается в современных экономических публикациях, но, к сожалению, не все рассуждения читателей отражают подлинный смысл его идей. Многие хотят видеть в Смите только гуру рыночной экономики — человека одной идеи, пропагандирующего лишь совершенство и самодостаточность рынка. Мне представился случай «поворчать» в недавнем очерке в «*New York Review of Books*» о том, что индекс *цитируемости* Смита значительно превышает индекс его *читаемости*². Такое упрощенное восприятие идей Смита, конечно, очень далеко от того, что классик в действительности утверждал.

В своих исследованиях Смит объяснил, почему (а в особенности — как) развитие рыночной экономики оказалось эффективным, но он также выявил необходимость поддерживать рынок с помощью других институтов, чтобы обеспечить его жизнеспособность. Смит показал условия, при которых рынкам могут потребоваться ограничение, корректировка и дополнение со стороны других социальных институтов, чтобы предотвратить неустойчивость, неравноправие и устранить бедность.

2

Один из более тонких аспектов теории Смита, который ныне, похоже, почти предан забвению, — это его указание на невозможность объяснять бедность, не рассматривая проблему неравенства. Уровень доходов, необходимых индивиду для достижения минимальной работоспособности и получения возможностей, растет по мере общего прогресса экономики и увеличения доходов других членов общества. Например, по мнению Смита, чтобы «появиться на людях без стыда» в богатом обществе, человеку могут потребоваться более высокие стандарты в одежде и применительно к другим видам публичного

¹ Auden W.H. Under Which Lyre. A Reactionary Tract for the Times // Harper's Magazine. June 1947. P. 508–509 (рус. пер. см.: Оден У. Х. С какой лирой // zhurnal.lib.ru/t/tworskaja_elena_m/underwhichlyre.html).

² См.: Sen A. Capitalism Beyond the Crisis // New York Review of Books. 2009. Vol. 56, No 5.

потребления, чем в более бедном. Это относится и к другим личным ресурсам, необходимым для участия в жизни общества, а во многих случаях — даже для элементарного самоуважения.

В огромном массиве современной литературы на тему социологии «относительной депривации», по существу, разрабатываются идеи, обозначенные Смитом в «Богатстве народов»³. Это имеет важные последствия для борьбы с бедностью и, несомненно, для оценки процесса экономического развития. Популярная сегодня позиция в публичном секторе экономики — говорить, что следует сконцентрироваться на устранении бедности, не решая проблему неравенства, — нежизнеспособна. Смит, опровергая этот тезис, показывал, что бедность влечет за собой неравенство, — мысль, безусловно, значимая для современной политической дискуссии.

С другой стороны, Смит с поразительной проницательностью выявил пагубное влияние тех, кого он называл «расточителями и спекулянтами». Сегодня, в свете кризиса в финансовом мире, такой анализ приобретает колоссальное значение. Молчаливая уверенность в «мудрости» рыночной экономики, из-за которой в основном и были свернуты устоявшиеся нормы регулирования в США, привела к тому, что на деятельность «расточителей» и «спекулянтов» не обращали внимания, но степень такого пренебрежения потрясла бы основоположника рациональной аргументации в пользу рыночной экономики.

Интересно в данном контексте отметить, что И. Бентам написал Смиту пространное письмо, в котором высказывал сомнения по поводу этой стороны его анализа, оспаривая, в частности, замечания Смита о «расточителях и спекулянтах»⁴. По мнению Бентама, те, кого Смит называл «спекулянтами», были также инноваторами и пионерами экономического прогресса. Однако Бентам не смог переубедить Смита, хотя выражал надежду на это, однажды убедив себя, что взгляды Смита теперь сходны с его собственными⁵. Смит понимал различие между деятельностью инноваторов и дельцов, и нет свидетельств того, что его взгляды изменились. Если мы попытаемся понять природу и причины финансового кризиса, то обнаружим, что даже сейчас, спустя более чем два века, это различие остается значимым.

3

Смит не считал чистый рыночный механизм абсолютным идеалом. Не говорил он и о том, что имеет значение лишь мотив личной выгоды. В «Теории нравственных чувств» Смит чрезвычайно ясно

³ *Smith A.* An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations / R.H. Campbell, A.S. Skinner, W.B. Todd (eds.). Oxford: Clarendon Press, 1976 [1776, 1789] P. 351–352 (рус. пер.: *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Соцэкгиз, 1962. С. 28). Об отношении между относительным недостатком и бедностью см.: *Runciman W.G.* Relative Deprivation and Social Justice: a Study of Attitudes to Social Inequality in Twentieth-century England. L.: Routledge, 1966; *Townsend P.* Poverty in the United Kingdom. Harmondsworth: Penguin, 1979.

⁴ *Bentham J.* To Dr. Smith, on Projects in Arts, &c. // *The Works of Jeremy Bentham* / J. Bowring (ed.). Edinburgh: William Tait, 1843. Vol. 3. Letter XIII.

⁵ См: *Bentham J.* Of wealth // *Ibid.* Ch. III, part. 426 и сноски.

и убедительно продемонстрировал важность мотивов, которые выше своекорыстия, и даже вышел за пределы более утонченной мотивации, которую он называл «благоразумием».

В этой книге есть два важных утверждения. Первое (эпистемологическое): человеком управляют не только личная выгода или даже благоразумие. Второе (из области практического разума): имеются весомые этические и практические причины поощрять мотивы, отличные от своекорыстных (в грубой или более утонченной форме).

Последнее утверждение — одно из самых актуальных в современных дебатах по поводу глобальной финансовой катастрофы. Пожалуй, наиболее отчетливо оно выражено в том разделе «Теории нравственных чувств», где Смит утверждает, что хотя «благоразумие» есть «добродетель, приносящая человеку наибольшую пользу [...], человеколюбие, справедливость, великодушие, желание общественного блага суть добродетели, весьма полезные для прочих людей»⁶. Последний экономический кризис ясно показал, что для достижения нормального общественного устройства необходимо отказаться от нерегулируемого и неограниченного своекорыстия. Даже Дж. Маккейн, кандидат в президенты США от республиканской партии, летом 2008 г. в своих предвыборных выступлениях указывал на «жадность Уолл-Стрит». Действительно, в последние годы к тому, что мы уже знали из прошлых исследований о недостатках мотивационной ограниченности, прибавились и другие весомые доводы.

Хотя Смит часто обсуждал значимость мотивов, отличных от личного интереса, он заслужил репутацию наиболее ярого сторонника идеи личного интереса как центральной для каждого человека. Например, представляя в двух известных и содержащих подробную аргументацию статьях свою «теорию личного интереса», в которой предполагается, что этот интерес «преобладает у большинства людей», известный чикагский экономист Дж. Стиглер утверждал, что придерживается идей Смита⁷. При этом Стиглер не был единственным — многие авторы постоянно ссылаются на Смита, обосновывая свои социально-теоретические взгляды. Очевидно, многих экономистов привлекала теория рационального выбора, в которой рациональность отождествляется с разумно преследуемым личным интересом, а некоторые по-прежнему находятся под влиянием этой концепции. Следуя такой моде в современной экономической теории, целое поколение политических аналитиков и специалистов по «экономическому анализу права» продолжают практиковать все то же примитивное мастерство, цитируя Смита и претендуя на то, что нашли у него поддержку своих ограниченных и упрощенных теорий человеческой рациональности.

Кто-то с самого рождения ни на что не претендует, кто-то становится непритязательным со временем, но ясно, что многое из непритязательных

⁶ Smith A. The Theory of Moral Sentiments / D.D. Raphael, A.L. Macfie (eds.). Oxford: Clarendon Press, 1975 [1759, 1790]. P. 189—190 (рус. пер.: Смит А. Теория нравственных чувств. М.: Республика, 1997. С. 190).

⁷ См.: Stigler G. Smith's Travel on the Ship of State // History of Political Economy. 1971. Vol. 3, No 2. P. 237; Stigler G. Economics or Ethics? // The Tanner Lectures on Human Values / S.M. McMurrin (ed.). Salt Lake City: University of Utah Press, 1981. Vol. 2. P. 176.

положений Смиту было навязано⁸. Причина вольного толкования его идей в том, что вопрос о рациональности и адекватности личного интереса как мотивации сводят к гораздо более узкому вопросу, какая мотивация необходима для объяснения стремления людей к обмену в рыночной экономике. Смит утверждал, что нет никакой другой мотивации для экономического обмена на рынке, кроме личного интереса. В наиболее известном и широко цитируемом абзаце из «Богатства народов» он писал: «Не от благожелательности мясника, пивовара или булочника ожидаем мы получить свой обед, а от соблюдения ими своих собственных интересов. Мы обращаемся не к гуманности, а к их эгоизму»⁹.

Мясник, пивовар и булочник хотят получить наши деньги в обмен на мясо, пиво и хлеб, которые они изготавливают, а мы — потребители — хотим их мяса, пива и хлеба и готовы заплатить за это свои деньги. Обмен приносит пользу всем, и нам не нужно быть неистовыми альтруистами в стремлении к такому обмену. Это частный вопрос о мотивации при сделке, но не утверждение об уместности своекорыстия для экономического успеха в целом.

К сожалению, нередко при изучении экономической теории из работ Смита приводят лишь процитированный абзац, хотя здесь Смит обсуждает только *обмен* (а не распределение или производство) и, в частности, *мотивацию*, лежащую в основе обмена (а не то, что делает нормальный обмен устойчивым: например, доверие и уверенность друг в друге). В других текстах Смит подробно рассматривает роль иных мотиваций, которые влияют на человеческое поведение. Например, он утверждал: «Бумажные деньги, состоящие из банкнот, которые выпускаются лицами, обладающими безупречным кредитом, и подлежат оплате по требованию без всяких условий и фактически всегда оплачиваются немедленно по предъявлении, во всех отношениях равны по стоимости золоту и серебру, поскольку в любой момент в обмен на них можно получить золото и серебро»¹⁰.

Смит показал, почему такая уверенность не всегда имеет место. И если сторонники устоявшейся интерпретации Смита в духе «мясника—пивовара—булочника» не способны понять причины последнего кризиса (поскольку у людей по-прежнему есть основания *стремиться* к обмену даже сегодня, когда для этого гораздо меньше *возможностей*), то Смит не удивился бы, увидев чудовищные последствия взаимного недоверия среди людей.

Он также показал, что иногда наше моральное поведение тяготеет к простому соблюдению устоявшихся конвенций. Смит отмечал, что человеку, «способному к размышлению», легче увидеть силу некоторых моральных аргументов, чем «большинству людей»¹¹. Но в его

⁸ Вопрос ошибочного толкования подробно рассматривается в: *Sen A. Adam Smith's Prudence // Theory and Reality in Development: Essays in Honour of Paul Streeten / S. Lall, F. Stewart (eds.). L.: Macmillan, 1986. P. 28–37; Sen A. On Ethics and Economics. Oxford: Blackwell, 1987.*

⁹ *Smith A. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. P. 26–27 (Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. С. 28).*

¹⁰ *Ibid. P. 292. (Там же. С. 239).*

¹¹ *Smith A. The Theory of Moral Sentiments / D. D. Raphael, A. L. Macfie (eds.). Oxford: Clarendon Press, 1975 [1759, 1790]. P. 192; Смит А. Теория нравственных чувств. С. 303.*

работах нет никакого указания на то, что люди при выборе своего поведения в целом систематически уклоняются от влияния иных побуждений — более широких, чем преследование личного интереса. Важно учесть: Смит осознавал, что даже когда на поступки человека влияют соображения морали, он может не замечать этого и считать свой выбор действием, которое соответствует твердо установленным социальным практикам. Вот что он отмечает в «Теории нравственных чувств»: «Большинство людей поступают прилично и в продолжение всей жизни не совершают ни одного поступка, заслуживающего порицания, вовсе не испытывая при этом чувства, которое заставляет нас одобрять такой образ действий. Они поступают единственно на основании общепринятых правил»¹².

Это внимание Смита к силе «общепринятых правил» играет существенную роль в анализе человеческого поведения и его социальных последствий. Но ни осознанный выбор, ни следование установленным правилам поведения не должны приводить, по мнению Смита, к неизменной погоне за личным интересом. Это обстоятельство имеет важнейшие последствия для практического разума в добавление к его эпистемологическим достоинствам. И рассуждения индивидов, и социальная конвенция могут существенно повлиять на то, в каком обществе мы живем. Мы не заключены в какие-либо жесткие рамки безусловного приоритета эгоизма. Мошенническая верхушка нечистоплотного бизнеса (такого как, например, American International Group, Inc.) не обречена на неотвратимое стремление к воровству; она *выбирает* воровство в соответствии со своими наклонностями, не пускаясь при этом в рациональные рассуждения, не говоря уже о соображениях морали.

4

Мысли Смита очень важны для объяснения нынешнего глобального кризиса и для выработки способов не только выхода из него, но и строительства приемлемого, порядочного общества. Однако в его трудах освещаются и такие фундаментальные понятия, как справедливость и беспристрастность. Так как моя книга «Идея справедливости»¹³, в значительной степени основанная на концепции Смита, завершена, возможно, я смогу показать, какие из моих аналитических рассуждений заимствованы у Смита.

Хотя тема социальной справедливости обсуждалась веками, она стала особенно популярной в XVIII—XIX вв. благодаря европейскому Просвещению. Такому развитию способствовал политический климат, связанный с социальными и экономическими трансформациями в Европе и Америке. В области теории справедливости ведущие мыслители Просвещения разделились на два лагеря, различиям между которыми уделяется гораздо меньше внимания, чем они того заслуживают.

Первый подход был введен Т. Гоббсом в XVII в. и унаследован

¹² Smith A. The Theory of Moral Sentiments. P. 162.

¹³ Sen A. The Idea of Justice. L.: Allen Lane; Cambridge, MA: Harvard University Press, 2009.

в разных аспектах такими выдающимися мыслителями, как Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо и И. Кант. Эти авторы сосредоточились на определении идеально справедливых институциональных структур для общества. Такой подход можно назвать «трансцендентальным институционализмом», и он имеет две отличительные черты. Во-первых, основное внимание уделяется идеалу справедливости, а не соотношениям справедливости и несправедливости в сравнительной перспективе. Речь при этом идет не о сравнении возможных обществ, каждое из которых может быть несовершенным, а о характеристиках общества, которое нельзя превзойти (*transcended*) в смысле справедливости. Исследование направлено на определение природы «справедливого», а не на поиск критерия, согласно которому что-то одно «менее несправедливо», чем другое.

Во-вторых, в поисках совершенства трансцендентальный институционализм сосредоточен на исправлении институтов, а не на том, какие общества реально возникнут после этого. Природа общества, которое возникает из любого данного набора институтов, должна зависеть и от неинституциональных характеристик — от реального поведения людей и их социального взаимодействия. При разработке возможных последствий одного набора институтов, а не другого, принимаются некоторые особые поведенческие предпосылки, причем довольно жесткие. С этими допущениями в рамках трансцендентального институционализма осуществляется поиск идеально справедливых институтов, а не путей и способов исправления реальной ситуации в обществе.

Обе эти черты имеют отношение к способу мышления в рамках общественного договора, который был инициирован прежде всего Гоббсом и которому далее следовали Локк, Руссо и Кант. Гипотетический «общественный договор», который должен быть заключен, связан с идеальным набором институтов как альтернативой хаосу, который в противном случае возникнет в обществе. Итоговый результат заключается в построении теории справедливости, которая фокусируется на трансцендентальном определении идеальных институтов и правил.

Но некоторые теоретики эпохи Просвещения — Смит среди них был, возможно, главным — в отличие от трансцендентального институционализма использовали набор сравнительных подходов, связанных с формами социальной реализации справедливости (ставшими следствием реально существующих институтов, поведения и других факторов). Разные версии такого сравнительного анализа можно найти, например, в работах Смита и маркиза де Кондорсе¹⁴, И. Бентама и М. Уолстонкрафт, К. Маркса и Дж. Ст. Милля, не говоря о ряде других новаторов мысли XVIII—XIX вв. Все они хорошо знали подход Смита. Маркс даже упрекал Милля за то, что тот осмелился выразить свою солидарность со Смитом: как далеко пойдет маленький человек, удивлялся Маркс, стремясь поместить себя в один ряд с великим.

Хотя у этих авторов были различные представления об условиях справедливости и они предлагали разные способы сопоставления обществ, можно утверждать, рискуя лишь немного преувеличить, что

¹⁴ Основатель математической теории общественного выбора, который находился под сильным влиянием идей Смита.

все они сравнивали общества, которые существуют в реальности или могут появиться, но не ограничивали свой анализ трансцендентальными поисками идеального справедливого общества. Сосредоточившись на сопоставлении реальных социумов, они часто были более всего заинтересованы в устранении очевидной несправедливости, которую обнаруживали в мире: рабства или нищеты, вызванной неправильной политикой, бессмысленно жестоких уголовных кодексов или растущей эксплуатации, унижительного положения женщин.

Различия между двумя подходами — *трансцендентальным институционализмом*, с одной стороны, и *сопоставлением реализовавшихся последствий*, с другой — весьма существенны. Первая традиция в значительной степени стала основой сегодняшнего мейнстрима политической философии в рамках теоретических исследований справедливости. Наиболее убедительное и авторитетное описание такого подхода к справедливости можно найти в работах ведущего политического философа наших дней, Дж. Ролза¹⁵. Действительно, в своей «Теории справедливости» (1971) он сформулировал «принципы справедливости», предназначенные для определения идеально справедливых институтов.

Ряд других выдающихся современных теоретиков справедливости также двигались в направлении трансцендентального институционализма (в широком смысле слова). Я имею в виду Р. Дворкина, Д. Готье, Р. Нозика и других философов. В их теориях представлены разные — но неизменно важные — идеи, касающиеся необходимых условий «справедливого общества». Все эти теории объединены общей целью: определить справедливые правила и институты (хотя такое определение имеет разные формы). Характеристика абсолютно справедливых институтов стала главной целью современных теорий справедливости.

Эта традиция не соответствовала духу Смита, целью которого были реальные последствия реформ (а не справедливые институты и установления), и сопоставления (а не трансценденция). Различие двух подходов выражается в вопросах, на которые теория справедливости должна дать ответы. Главная задача для Смита — понять, как можно достичь справедливости в жизни, а Ролз стремился прежде всего ответить на вопрос о том, как определить идеально справедливые институты. Подход Смита имеет двойной эффект. Во-первых, Смит идет по сравнительному, а не трансцендентальному пути, во-вторых, он сосредоточивается на формах действительной реализации справедливости в исследуемых обществах, а не только на институтах и правилах. Учитывая современный баланс сил в политической философии, можно утверждать, что подход Смита предполагает радикальное переформулирование теории справедливости.

¹⁵ Ролз объяснял в «Теории справедливости»: «Моя цель состоит в представлении концепции справедливости, которая обобщает до более высокого уровня знакомую теорию общественного договора. Ее мы находим, например, у Локка, Руссо и Канта» (см.: *Rawls J. A Theory of Justice*. Cambridge MA: Harvard University Press, 1971. P. 10; рус. пер.: *Ролз Дж. Теория справедливости*. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1995. С. 25–26). См. также: *Rawls J. Political Liberalism*. N. Y.: Columbia University Press, 1993). Следование традиции общественного договора Ролз подчеркивал уже в труде «Справедливость как честность» (*Rawls J. Justice as Fairness: A Restatement* // *Philosophical Review*. 1958. Vol. 67, No 2. P. 164–194).

Детально теорию справедливости я рассмотрел в книге «Идея справедливости»¹⁶. Здесь выделяю для обсуждения одну специфическую черту подхода Смита, центральную для предложенной мною теории. Речь идет об интеллектуальной сфере, которая должна стать частью теории справедливости: что нужно сделать, чтобы добиться беспристрастности как одного из основных требований теории справедливости?

5

Мысленный эксперимент Смита связан с методикой «беспристрастного наблюдателя», который может быть и знакомым, и незнакомым. Этим предложенная идея отличается от иных допустимых позиций в рамках теории общественного договора, согласно которым необходимо знать взгляды людей в том обществе, где этот договор заключается. Хотя исследование «рефлексивного равновесия», проведенное Ролзом, может затрагивать взгляды иностранцев, в его структурированной теории «справедливости как честности» соответствующих точек зрения придерживаются члены общества, в котором осмысливается так называемое «исходное положение». Метод «беспристрастного наблюдателя» Смита тяготеет к «открытой беспристрастности», в противоположность тому, что можно назвать «закрытой беспристрастностью»¹⁷ традиции общественного договора, ограничивающей спектр возможных точек зрения сторонами договора, то есть согражданами суверенного государства.

Разумеется, и Смит, и Кант многое могли сказать о значении беспристрастности. Представление этой идеи Смитом менее значимо для современной моральной и политической философии, но все же существенные точки соприкосновения между подходами Смита и Канта имеются. В сущности, методика «беспристрастного наблюдателя» играет ключевую роль в анализе понятий беспристрастности и честности, столь важных для мыслителей европейского Просвещения. Идеи Смита повлияли не только на философов Просвещения. Из переписки М. Герца с И. Кантом в 1771 г. известно, что последний хорошо знал «Теорию нравственных чувств» (хотя, увы, называл убежденного шотландца «англичанин Смит»¹⁸). Эта переписка состоялась до выхода классических работ Канта по этике («Основоположения к метафизике нравственности» и «Критика практического разума»), и вполне возможно, что Смит оказал воздействие на Канта.

В данном контексте меня интересуют не столько сходство между идеями Смита, с одной стороны, и позицией Канта и Ролза — с другой, сколько их различия. Смит считал бы внутренний диалог между членами общества темой, заслуживающей более тщательного изучения, в связи с необходимостью абстрагироваться от мнения других людей даже

¹⁶ Sen A. The Idea of Justice.

¹⁷ Подробнее см.: Sen A. Open and Closed Impartiality // Journal of Philosophy. 2002. Vol. 99, No 9. P. 445—469.

¹⁸ См.: Raphael D. D., Macfie A. L. Introduction // Smith A. The Theory of Moral Sentiments. P. 31.

в пределах одного общества. Смит писал: «Мы не можем судить о причинах, побудивших нас к поступку или вызвавших в нас соответствующее чувство, если мы не отрешимся, так сказать, от самих себя и не постараемся посмотреть на них с некоторого расстояния. Необходимо, стало быть, взглянуть на них глазами постороннего человека и с такой точки зрения, с которой он, вероятно, посмотрел бы на них»¹⁹.

Ролз на первый план выводит отношение личности к социальным нормам, свое исследование он ограничивает рамками локальной социальной группы. Но практическая реализация такого подхода потребовала бы большего, чем абстрагирования от идентичности в пределах локальной группы. В этом отношении методика закрытой беспристрастности в теории Ролза может показаться ограниченной.

Можно спросить: почему мы вообще говорим о недостатках такого подхода? Действительно, поскольку критика в адрес Ролза поступала и от философов-коммунитаристов, и от сторонников культурного партикуляризма, можно считать узо́сть теории Ролза ее достоинством, а не недостатком. Однако я бы отметил два существенных основания в пользу того, что публичная дискуссия о справедливости должна выходить за рамки отдельно взятого общества. Первое из них касается важности *интересов* других людей — соседей как далеких, так и близких — для предотвращения несправедливости в отношении тех, кто не относится к одной из сторон общественного договора. Второе связано с наличием у других людей *перспектив* для расширения взглядов на соответствующие принципы. Эти перспективы необходимо учитывать, чтобы избежать непродуманного сужения ценностных горизонтов в пользу представителей данной локальной группы.

Первый довод — о взаимозависимости интересов — мог быть очевиден для Смита. Об этом свидетельствует, например, его интерес к истории злодеяний во времена британского владычества в Индии, включая голод 1770 г. Здесь не могла сработать концепция справедливости, основанная на общественном договоре между британцами. Эти проблемы актуальны и сегодня. Экономическая политика США влияет как на жизнь американцев, так и на жизнь граждан других стран. Если какую-то тему на саммите «большой двадцатки» в Лондоне в апреле 2009 г. и можно назвать определяющей, то это необходимость учитывать взаимозависимость государств в глобальном мире. Реакция США на варварские теракты 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке повлияла на жизни сотен миллионов людей по всему миру — не только в Ираке и Афганистане. Приведем другой пример: СПИД и подобные ему эпидемии перемещаются с континента на континент, из страны в страну, но лекарства, изобретаемые и производимые только в определенных странах, важны для жизни и свободы людей на всей планете. Здесь можно вспомнить, скажем, о политике в области охраны окружающей среды, направленной на смягчение последствий глобального потепления.

Взаимная зависимость проявляется, когда чувство несправедливости в одной стране воздействует на жизнь и свободу жителей других

¹⁹ Smith A. Theory of Moral Sentiments. P. 110 (Смит А. Теория нравственных чувств. С. 125–126).

государств. «Несправедливость где-либо — это угроза справедливости повсюду» — писал Мартин Лютер Кинг в апреле 1963 г. в письме из Бирмингемской тюрьмы²⁰. Недовольство, вызванное несправедливостью в одном государстве, может быстро распространиться и на другие страны. Отношения, которые раньше существовали только между соседями, сегодня характерны для удаленных друг от друга регионов, имеющих торговые, культурные и научные связи. Поэтому в современном мире рассмотрение многообразных интересов и ценностей вряд ли можно ограничивать представителями какого-то отдельно взятого общества.

6

Говоря о взаимозависимости интересов, нельзя не упомянуть и второй довод в пользу «открытого» подхода к анализу требований беспристрастности — такой подход помогает избежать возможной узости и локальной интерпретации ценностей. Очевидно, что если мы рассматриваем требования справедливости в пределах конкретной территории (страны или региона), то упускаем контраргументы, которые едва ли возникли бы в рамках локальной политической дискуссии, но возможны за пределами данного региона и допустимы с позиции беспристрастного наблюдателя. Именно такому ограниченному взгляду, связанному с национальными традициями, Смит противопоставил свою доктрину «беспристрастного наблюдателя», рассматривая ее как мысленный эксперимент: задавать вопросы о том, как некая практика или процедура выглядела бы с точки зрения незаинтересованных людей как в далеких, так и в более близких к ним странах.

Особенно активно Смит стремился избегать национальной зашоренности в юриспруденции, а также в моральных и политических рассуждениях. В «Теории нравственных чувств» в главе «О влиянии обычая и моды на чувство одобрения или неодобрения в деле нравственности» он приводит различные примеры того, насколько опасной может быть узость взглядов в дискуссиях, замкнутых внутри некоторого общества:

«[...] убийство новорожденных младенцев было делом обыкновенным почти для всех племен Древней Греции, даже для афинян, самых просвещенных среди них. Если по каким-либо причинам отец встречал затруднения в воспитании ребенка, то никем не порицался, если губил его голодом или выбрасывал на съедение диким зверям. Подобный обычай мог возникнуть, вероятно, только во времена самого дикого варварства. Воображение свыклось с ним, а затем всеобщая привычка к нему уже мешала видеть всю его чудовищность. Он существует и в настоящее время у диких народов, и, разумеется, только у них его можно понять и извинить. Дикарь до такой степени лишен необходимейших для существования предметов, что ему часто грозит голодная смерть, и он оказывается не в силах прокормить ни ребенка, ни самого себя: поэтому нет ничего удивительного, что он зачастую покидает его. Человек, убегающий от неприятеля, с которым нет возможности бороться, и бросающий своего ребенка, чтобы бежать быстрее, разумеется, заслуживает нашего прощения, ибо, пытаясь спасти дитя, он мог

²⁰ О значении глобальной справедливости для справедливости локальной см.: The Autobiography of Martin Luther King, Jr. N.Y.: Intellectual Properties Management; Warner Books, 2001.

бы доставить себе только одно утешение — умереть вместе с ним. Нет поэтому ничего удивительного, что у диких народов родители сохраняли за собой право решать, могут они или нет воспитывать своих детей. Но в более поздние века Греции это ужасное право было предоставлено родителям исходя из соображений интереса и пользы, которые ничем не могли быть оправданы в ту эпоху. Непрерывавшийся обычай до такой степени укрепил это ужасное право, что оно не только допускалось извращенными правилами нравственности обыкновенных людей, но против него по общественным соображениям не смели выступать даже философские учения. Так, Аристотель полагал, что гражданские власти должны в некоторых случаях поддерживать его. Платон придерживался того же мнения: в сочинениях его, хотя и проникнутых чувством глубокого человеколюбия, не встречается в этом отношении никакого опровержения»²¹.

Смит считал, что нужно наблюдать чувства как бы с «некоторого расстояния», чтобы изучать не только влияние безусловного интереса, но и власть укоренившихся традиций и обычаев.

К сожалению, обсуждать практику детоубийства в Древней Греции можно и сегодня, пусть применительно не ко всем обществам, но другие примеры, которые приводил Смит, актуальны для всего современного мира. В частности, Смит настаивал, что наказание должно быть справедливо «в глазах всего человечества»²². Еще не так давно на юге Америки было распространено линчевание, там эту практику считали совершенно справедливой. Методика наблюдения «на расстоянии» может быть полезна сегодня при рассмотрении различных проблем: от побивания камнями женщины, виновной в нарушении супружеской верности, в талибанском Афганистане, до выборочного прекращения беременности, если зародыш женского пола, в Китае, Корее и некоторых частях Индии²³, широкого применения смертной казни в Китае и США (неважно, сопутствуют ли ей публичные празднества, по-прежнему проводимые в некоторых регионах страны). США сегодня, вслед за Китаем, Ираном и Саудовской Аравией, занимают четвертое место по количеству казней, опережая Пакистан. Закрытой беспристрастности явно не хватает качества интеллектуальной работы, благодаря которой беспристрастность и честность приобретают такое значение для теории справедливости.

Вопрос о перспективах оценки со стороны особенно важен в контексте сегодняшних дискуссий в США. Например, в Верховном суде не так давно состоялся спор о правомерности смертного приговора за преступления, совершенные несовершеннолетними. Требования справедливости, реализуемые даже в такой стране, как США, не могут не зависеть от оценки этого вопроса в других частях мира — от Европы и Бразилии до Индии и Японии. Незначительным большинством голосов Верховный суд вынес решение не назначать смертный приговор несовершеннолетнему лицу, даже если казнь совершится после наступления совершеннолетия. Комментируя вынесенный вердикт, судья Скалиа заявил, что большинство при вынесении решения было склонно «следовать совету сходно мыслящих иностранцев». Большинство американских судей действительно ссылались на мнение представителей

²¹ *Смит А.* Теория нравственных чувств. С. 208—209.

²² *Smith A.* Lectures on Jurisprudence / R. L. Meek, D. D. Raphael, P. G. Stein (eds.). Indianapolis: Liberty Press, 1982. P. 104.

²³ См.: *Sen A.* The Many Faces of Gender Inequality // The New Republic. 2001. Sept. 17. P. 35—40.

других стран по этой проблеме, в связи с чем может возникнуть вопрос об объективности решения. Говоря о подобных проблемах, нельзя не вспомнить Смита, утверждавшего, что необходимо внимательно рассматривать вопрос «на расстоянии» — именно в этом состоит неотъемлемое свойство техники «беспристрастного наблюдателя».

Мнимая убедительность узконациональных ценностей часто связана с неведением по поводу того, что вполне достижимо и допустимо в опыте других людей. На оправдание детоубийц в античной Греции, о котором писал Смит, очевидно, повлиял недостаток знаний об опыте других обществ, где подобные деяния запрещены, но при этом общество не сползает в хаос. Помимо локального знания, ценность которого неоспорима, имеет значение и глобальное знание, которое может пригодиться в дискуссиях о локальных ценностях и практиках.

По Смиту, методика «беспристрастного наблюдателя» не требует, прислушиваясь к чужим голосам, почитать при этом каждое суждение, приходящее извне. Готовность изучить аргументы, предложенные где-либо, не тождественна готовности согласиться с каждым из них. Мы можем отвергать многие из таких суждений — иногда даже все, но противоположные мнения, способные изменить наше отношение к традициям, укоренившимся в нашей культуре, все равно будут существовать. Доводы, которые сначала можно воспринять как «чужеземные» (особенно если они действительно изначально исходят из других государств), могут обогатить наши суждения, если мы постараемся воспринять их правильно. Многие граждане США или Китая могут относиться равнодушно к тому, что смертная казнь запрещена в других странах, например, в большей части Европы и в большинстве американских стран (фактически США — единственная страна американского мира, где осуществляются систематические гражданские казни). И все же, если аргументы против применения смертной казни серьезны, имеет смысл принять их во внимание²⁴.

7

В заключение хочу сказать, что можно рассматривать идеи Смита с точки зрения как современного ему общества, так и их значимости для природы человеческого общества в целом, то есть и для современности. Здесь я следовал последнему направлению и никогда не перестану восхищаться широтой взглядов Смита, не теряющих своей актуальности. Возможно, сравнение Смита с Шекспиром покажется преувеличением, но, на мой взгляд, все же кое-что общее у них есть: они протягивают нам руку сквозь времена. Если мы действительно видим здесь необычайную глубину мысли, то необходимо воздать классикам по заслугам.

Перевод с английского П. Авдониной

²⁴ Здесь возможна аргументация и в обратном направлении: аргументы в пользу смертной казни, выдвинутые в США, Китае или какой-либо другой стране, где используется эта система наказания.

ДАРЫ, ДАРООБМЕН И РЫНОЧНЫЙ ОБМЕН НА ШКАЛЕ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ФОРМ

Исторический опыт XX в., как и самостоятельное развитие экономической теории, привели к постепенному отказу от восприятия рынка и плановой системы как самодостаточных институтов, которые могли бы обеспечить социально-экономический прогресс. Благодаря этому внимание ученых привлекли альтернативные институциональные структуры, их преимущества и недостатки, а также возможности их совместного использования. При этом особый интерес, естественно, стали вызывать организационные альтернативы, которые могли бы претендовать на самостоятельное значение, представляя собой «третий путь», отличный от рынка и перераспределения. Одной из наиболее известных таких альтернатив стала организационная форма *дарообмена*, предложенная классиком сравнительного анализа экономических систем К. Поланьи. В книге «Великая трансформация» он выдвинул тезис об искусственности, сравнительной молодости и быстром отмирании рыночной экономики. Теоретическим контекстом этих рассуждений оказалась предложенная им типология форм организации, в рамках которой он выделял рынок, перераспределение, домашнее хозяйство и дарообмен. При этом наибольшие споры среди обществоведов вызвал именно дарообмен ввиду неоднозначности критериев, на основании которых он мог бы быть выделен в качестве самостоятельной организационной альтернативы. В настоящей статье предложен анализ дарообмена с целью определить его место среди других организационных форм.

Дарообмен: альтернатива рынку или его разновидность?

Как и многие другие англоязычные научные понятия, термин «reciprocity» не имеет общепринятого и удовлетворительного русского эквивалента, из-за чего его либо оставляют без перевода, используя тяжеловесный англицизм «реципрокность», либо переводят как «дарообмен». Дело в том, что буквальный смысл английского слова — взаимность — не исчерпывает всей полноты его смысла как научного термина.

Вслед за Поланьи реципрокными в литературе стали обозначать отношения, предполагающие возникновение встречных обязательств в ответ на предоставление каких-либо благ, но при отсутствии формальных соглашений, определяющих эти встречные обязательства. Отсутствие согласия среди обществоведов по поводу обозначаемой этим термином организационной формы выразилось в том, что если одни вслед за Поланьи придают ей самостоятельное значение в ка-

честве альтернативы рынку, то другие рассматривают ее как разновидность последнего¹.

Предоставление благ в рамках дарообмена *как бы* обусловлено дружественным расположением дарующей стороны, именно это и определяет специфику подобного рода отношений. Двусмысленность дарообмена как института связана с этой «как бы» дружественностью. Несомненно, что кто-то действительно руководствуется этими чувствами и дарит, не ожидая благодарности, и тогда есть основания считать эти отношения обычным дарением — чистым трансфертом, не обусловленным поиском индивидуальной выгоды. Для многих других, однако, отношения дарообмена напрямую определяются встречными обязательствами получающей стороны, что сближает эти отношения с обменом. Таким образом, дарообмен — неустойчивая, неоднозначная организационная форма, которая в зависимости от доминирующей мотивации может смещаться в сторону дарения или обмена² (рис. 1).

Рис. 1

На рисунке 1 наглядно представлена шкала рассматриваемых нами отношений, где по краям располагаются трансферты как акты чистого альтруизма и чистого эгоизма, предполагающие соответственно бескорыстное дарение и грабеж. Взяв крайнюю левую точку как представляющую сугубо дружеские отношения и двигаясь вправо по этой шкале, мы наблюдаем все большее «охлаждение любви», логическим завершением которого становится «ненависть» — готовность нанести другим любой ущерб ради собственной выгоды. В качестве промежуточных позиций выступают различные формы взаимных поставок. Трансферты и взаимные поставки имеет смысл различать по их формальности и горизонтальности.

С обеих точек зрения данная шкала «сходится» к середине. Отношения рыночного обмена представляют собой эталон формальности. Развитая К. Марксом концепция товарного фетишизма ярко выражает идею сугубо формального характера отношений, присущих этому виду обмена, при котором отношения людей сводятся к отноше-

¹ См., например: Капелюшников Р. И. Деконструируя Поланьи (заметки на полях «Великой трансформации») // Препринт WP6/2005/02. М.: ГУ ВШЭ, 2005. С. 18–19.

² Именно в этом смысле наш как будто нелогичный термин «дарообмен» можно признать удачным. Данный термин образован на основе двух взаимоисключающих понятий и тем самым наводит на мысль о неустойчивости обозначаемых им отношений.

ниям товаров/денег или — в более широком смысле — к отношениям между социальными статусами.

При удалении от центра в любую сторону происходит нарушение этого «равновесия» за счет того, что степень взаимности в случае обоих типов обоюдных поставок снижается³, поэтому и горизонтальный, и вертикальный дарообмены, располагающиеся по сторонам от центра, характеризуются меньшей формальностью. Ведь встречные обязательства получателя дара в рамках как горизонтального, так и вертикального дарообмена едва ли характеризуются такой строгой определенностью, как взаимные обязательства в рамках рыночного обмена.

Разграничение дарообмена по принципу горизонтальности отражает различие между теми дарообменными сделками, в которых такое неравенство может возникнуть лишь по причине неоговоренного, неопределенного характера получаемого сторонами выигрыша, и теми, в которых имеет место очевидное и принятое сторонами неравенство в распределении выигрыша от сделки. В последнем случае возникает ярко выраженная вертикаль отношений, на которой сверху располагается получающий основную часть выигрыша. С этим связано и различие между данными видами дарообмена, сводящееся к тому, от кого исходит инициатива поставки (в случае горизонтального дарообмена — по инициативе дающего, а в случае вертикального — по инициативе получающего). При горизонтальном дарообмене поставка со стороны дающего свидетельствует о признании получающей стороны как входящей в круг своих, в отношении которых следует проявлять добрую волю и давать, в идеале не ожидая благодарности.

Вертикальный дарообмен также неоднороден в плане асимметричности отношений и меры заключенной в нем эксплуатации, которая будет возрастать при переходе от таких его форм, как клиента, к данничеству и далее к невольничеству. Вертикальный дарообмен скорее характеризует отношения между группами или представителями групп, рассматривающих друг друга как чужих. Враждебная группа может выступать в качестве «кочующего бандита», значит, ориентироваться на грабеж при условии короткого горизонта планирования в отношениях со своей жертвой. Если же враг считает для себя целесообразным эксплуатировать свою жертву в течение длительного времени, срабатывают стимулы «оседлого бандита»⁴.

Между чужими складываются долгосрочные и, благодаря этому, договорные, хотя и асимметричные отношения. Отношения грабителя и жертвы трансформируются в агентские отношения между хозяином и зависящим от него субъектом. Жертва приобретает положение клиента, данника, невольника, когда в обмен на те или иные услуги хозяин обеспечивает ей необходимые условия для жизни и труда⁵.

³ Можно сказать, что термин «reciprocity» — взаимность — по своему прямому смыслу лучше всего подходит как раз к рыночному обмену.

⁴ McGuire M. C., Olson M. The Economics of Autocracy and Majority Rule: The Invisible Hand and the Use of Force // Journal of Economic Literature. 1996. Vol. 34, No 1. P. 72–96.

⁵ Скоробогатов А. С. Жизнь или свобода: рациональные основы принудительного труда в исторической перспективе // Журнал институциональных исследований. 2009. Т. 1, № 1. С. 57–72.

Отношения между хозяином и его клиентом характеризуются меньшей формальностью по сравнению с рыночным обменом, поскольку «обязательства» доминирующей стороны проистекают не из права или формального договора, а из простого осознания им, что проявить добрую волю в отношении зависимого лица выгодно.

Дарообмен как система неформальных взаимных поставок оказывается основной и едва ли не единственной формой организации в традиционном обществе. Отношения между людьми здесь целиком строятся на личных связях, обусловленных, как правило, родством, но и дружбой, знакомством, соседством, общей верой и т. п. Обратной стороной этого становится деление людей на своих и чужих, при котором чувство расположения к своим дополняется враждебностью к чужим. В случае различных традиционных сообществ такая неприязнь может колебаться от резкой враждебности до обычного недоверия к чужакам.

Делению на своих и чужих соответствуют двойные стандарты поведения — распространение принципов честности, справедливости, а еще лучше, прощения и милосердия на своих при допустимости в отношении чужих самого отъявленного хищничества. Чужой — это потенциальный враг и потому источник страха. Он может убить и ограбить, поработить или обложить данью — таким должно быть восприятие окружающих локальных миров каждым локальным миром. Здесь мы имеем дело с гоббсовским естественным состоянием «войны всех против всех», где под войной следует подразумевать не столько настоящую войну, сколько «волчье» отношение локальных миров друг к другу. Внутри каждого мира — родственная сплоченность, а в отношениях между ними — готовность что-то вырвать у другого.

Сообщество своих неизбежно ограничивается кругом людей, по меньшей мере, знакомых друг с другом, что придает ему сугубо локальный характер. Чем уже круг людей, с которыми прямо или косвенно связан человек, тем неформальнее его отношения с ними⁶. В результате традиционное общество оказывается множеством локальных групп, где внутригрупповые отношения характеризуются дарением и горизонтальным дарообменом (левая сторона шкалы), а межгрупповые отношения — отрицательным дарением-грабежом и вертикальным дарообменом (правая сторона шкалы).

Выбор между дарением и дарообменом со своими и с чужими определяется горизонтом планирования: при коротком горизонте выбирается дарение — положительное или отрицательное, а при длительном — дарообмен — горизонтальный или вертикальный. Дарообмен, таким образом, выступает в качестве смягченной формы дарения, обязанной своей спецификой длительности оформляемых им отношений (рис. 2). Иными словами, дарообмен выступает формой долгосрочного сотрудничества как внутри локальных сообществ, так и между ними.

⁶ В этом же смысле можно сравнивать деревенских и городских жителей, у которых различие в масштабе их социальных миров создает разницу в степени формальности отношений.

Зависимость между горизонтом планирования и выбором традиционной формы отношений к своим и чужим

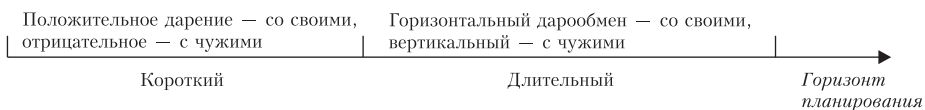

Рис. 2

Несамодостаточность локальных групп

Жизнь в локальном мирке в потенциально враждебном окружении чужих домашних хозяйств и локальных миров обычно нестабильна, поскольку отсутствует самодостаточность⁷ как в силовом, так и в экономическом смысле. В силовом отношении локальная группа не самодостаточна вследствие уязвимости для внешней агрессии со стороны более крупных сообществ. Экономически она не обладает самодостаточностью из-за разницы в производимых продуктах, которая обусловлена различным местоположением, производственными навыками и привычками в локальных мирах⁸.

Обе проблемы решаются за счет роста численности локальной группы. Поскольку это повышает способность противостоять потенциальной агрессии других групп, каждое локальное сообщество вынуждено стремиться увеличивать число своих членов⁹. Экономическая несамодостаточность должна стимулировать грабительские побуждения в отношении друг друга, но в случае равного силового потенциала этот воинственный настрой должен уступить место конструктивным отношениям обмена. Поэтому обеспечиваемый численностью силовой потенциал группы не только избавляет ее от потерь, связанных со взаимной хищнической ориентацией в отношениях с другими группами, но и предоставляет ей выгоды взаимного сотрудничества. Последнее может позволить расширять силовые и экономические возможности локальных групп — через вступление в союзы друг с другом.

Поскольку локальное сообщество несамодостаточно, то и свойственный ему дарообмен не является полноценной организационной альтернативой рынку или перераспределению. С ними дарообмен объединяет одно: они выполняют функции координации и стимулирования, выступают средством размещения ресурсов. Но они далеко не

⁷ Идея такой самодостаточности в определенной степени содержится в предложенной Поланьи типологии обществ, в которой общество с доминированием дарообмена выступает как полноценная альтернатива обществам с другим устройством. См.: *Polanyi K. The Great Transformation: the Political and Economic Origins of Our Time. Boston: Beacon Press, 1944. Ch. 4* (рус. пер.: *Поланьи К. Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени. М.: Алетейя, 2002*).

⁸ Такие группы И. Валлерстайн обозначал как «кланово-реципрокные общества», приписывая им небольшой размер, минимальное разделение труда с «реципрокным обменом» между членами группы, труд в качестве главного ресурса, воспроизводство численности как условие выживания, а также непродолжительное существование из-за уязвимости — экономической, военной или же перед силами природы. См.: *Wallerstein I. A World-System Perspective on the Social Sciences // British Journal of Sociology. 1976. Vol. 27, No 3. P. 343–352.*

⁹ Именно так Д. Норт объяснял рост численности населения в доисторическом мире. См.: *North D. C. Structure and Change in Economic History. N. Y.: Norton, 1981. P. 84.*

равнозначны как организационные схемы в том отношении, что рынок и перераспределение допускают гораздо более широкий круг отношений. Именно из-за этого лишь рынок и перераспределение оказываются альтернативными организационными предпосылками разделения труда и связанного с ним роста благосостояния. Подобно домашнему хозяйству, традиционные отношения дарообмена могут выступать лишь необходимым дополнением этих форм организации. Но ключевое отличие дарообмена от рынка и перераспределения заключается в том, что *сам по себе, в отрыве от них, он не может выступать в качестве организационной основы ни для роста силового потенциала, ни для разделения труда* и соответственно экономического прогресса.

Таким образом, неустойчивости локального сообщества соответствует и неустойчивость дарообмена как организационной формы. Члены локальных групп стремятся не только выжить, но и улучшить свою жизнь, а значит, обеспечить безопасность, получать выгоды от торговли. Для этого необходимо выйти за пределы личных отношений, преодолеть узкие рамки традиционного локального сообщества. Такие процессы должны создавать тенденцию к устранению характерных для последнего высоких перегородок между своими и чужими и соответственно к выравниванию отношений к людям, входящим и не входящим в группы своих.

Чем «больше» мир, частью которого является человек, тем формальнее его связи с ним. И типичный представитель традиционной локальной общины — бескорыстный друг со своими и хищник с чужими — по мере расширения своего социального круга все чаще вынужден иметь дело с людьми посторонними, незнакомыми, не вписывающимися в разряд своих или чужих. Его связи с миром неизбежно становятся более формальными, а его отношение к окружающим все более утрачивает родственный или враждебный характер, уступая место вынужденной нейтральности «экономического человека».

Для последнего хищничество исключается социальным порядком, защищающим всех друг от друга, а родственное отношение — тем, что он имеет дело с посторонними ему людьми. И единственное, что остается рациональному индивиду в его отношениях с людьми, — это корыстный расчет в конструктивных рамках, то есть именно та линия поведения, которую А. Смит считал выражением разумного эгоизма «экономического человека».

Указанное укрупнение общества, приведшее к уходу со сцены социально-экономической жизни традиционных локальных групп, произошло в рамках европейской цивилизации. Сложившийся социальный порядок, относимый А. Грейфом к разряду «индивидуалистических»¹⁰, формирует у индивидов стимулы к сотрудничеству: эти стимулы создает третья сторона — инстанция, наказывающая за нарушение частных соглашений или иных принципов правопорядка. Наличие такой инстанции делает возможными значительно более частые и конструктивные

¹⁰ Greif A. Cultural Beliefs and the Organization of Society: A Historical and Theoretical Reflection on Collectivist and Individualist Societies // Journal of Political Economy. 1994. Vol. 102, No 5. P. 912–950.

отношения между незнакомыми людьми, чем в условиях традиционной отчужденности локальных сообществ.

Однако столь полное растворение традиционной локальной общины в большом обществе незнакомых людей, ставшее определяющим для истории западного мира, оказалось не единственным путем преодоления ограничений общины. На это указывает Грейф, выделяя отличный от западного «коллективистский» тип общества, в котором отношения сотрудничества строятся на повторяющихся связях с людьми определенной группы, а с представителями других групп отношения носят некооперативный характер¹¹. По существу, общество здесь выступает как совокупность слабо связанных друг с другом локальных групп. В пределах этих групп такое общество пользуется традиционным преимуществом выстраивать легкое и дешевое сотрудничество, без громоздких институтов третьей инстанции.

На примере средневековых североафриканских купцов Грейф показал организационные последствия этих преимуществ. Они выражались в том, что отношения между поручителями и исполнителями имели горизонтальный характер, поэтому одни и те же люди легко могли меняться местами относительно друг друга в зависимости от обстоятельств. Богатый/оседлый в этом случае мог выступать в качестве поручителя и исполнителя в отношении бедного/кочующего. Выполнение договоренностей внутри группы обеспечивалось за счет неформального принуждения, проистекающего из долгосрочных связей в пределах круга знающих друг друга людей. Действенность такого рода принуждения исключала необходимость «эффективной зарплаты»¹², которая обычно устанавливалась на европейских торговых предприятиях того времени. В то же время коллективистские структуры создавали больше возможностей для социальной мобильности. Типичной организационной формой здесь были партнерства или иные организации, предполагающие участие в предприятии как капиталом, так и трудом; в результате не было жесткого разделения между хозяевами и наемными работниками.

Все это резко отличало социальное и организационное строение коллективистских обществ от индивидуалистических. В последних, как это проиллюстрировал Грейф на примере генуэзских торговых предприятий той же эпохи, отношения между поручителями и исполнителями имели строго вертикальный характер, жестко распределяя места в обществе и отдельных фирмах между богатыми и бедными, между хозяевами и наемными работниками, создавая предпосылки для антагонизма между капиталистами и пролетариатом. Ведь наемные работники, как правило, не имели возможностей продвигаться по службе и не были кровно заинтересованы в успехе нанимавших их предприятий. При отсутствии стимулов, связанных с участием в предприятии и неформальным принуждением, важным стимулирующим средством была «эффективная» зарплата. Таким образом, коллективистские структуры соотносились с индивидуалистическими

¹¹ Greif A. Op. cit. P. 913.

¹² Зарплаты, при данном уровне контроля блокирующей стимулы к отлыниванию от работы. См.: Скоробогатов А. С. Лекции и задачи по теории контрактов. СПб.: СПб филиал ГУ—ВШЭ, 2006 С. 110—113.

как горизонтальные связи с низкой зарплатой против вертикальных с высокой зарплатой.

Обратной стороной преимущества в виде легко достигаемого сотрудничества в локальных группах выступает не преодоленная отчужденность между группами с вытекающими отсюда высокими (сравнительно с индивидуалистическим обществом) издержками выстраивания отношений между ними. Относительная значимость этого ограничения зависит от целесообразного масштаба предприятия и определяемого этим круга его связей. Получая возможность расшириться, индивидуалистические и коллективистские структуры реализовывали себя по-разному: первые предполагали интеграцию в виде расширения системы деловых отношений, а вторые — сегрегацию, выражавшуюся в разбиении существующей группы на изолированные подгруппы.

Конвергенция институтов дружбы и вражды к нейтральному рынку

Итак, горизонтальный и вертикальный дарообмен, с одной стороны, и более прогрессивные организационные формы рынка и перераспределения — с другой, выступают не столько как застывшие и взаимозаменяемые институциональные схемы, сколько как сменяющие одна другую по мере растворения традиционных «мини-систем»¹³ в крупных обществах. Действительно, в некоем первоначальном состоянии должны были бы господствовать домашнее хозяйство и горизонтальный дарообмен во внутриклановых отношениях и вертикальный дарообмен в отношениях между кланами.

Отсутствие силовой и хозяйственной самодостаточности локальных сообществ, способствующее как росту численности сообществ, так и возникновению военного и экономического сотрудничества между ними, создает тенденцию к формированию крупного общества. Этот процесс может подстегивать и то обстоятельство, что по мере роста численности и плотности населения выгоды от обмена и стимулируемой им специализации должны становиться все более очевидными¹⁴. Поланьи считал, что формированию национального рынка, то есть систематической торговле на широком территориальном и «человеческом» пространстве, должно предшествовать развитие двух более архаичных видов торговли — локальной торговли и торговли на дальние расстояния¹⁵. Однако эти два вида торговли предполагают выстраивание отношений соответственно со своими и чужими, то есть отношений, развивающихся из первоначальных дружбы и вражды.

¹³ Wallerstein I. Op. cit. P. 346.

¹⁴ Эту стихийную рациональность Д. Норт и Р. Томас предложили считать фактором, объясняющим рост населения в средневековой Европе, в результате которого сформировались территориальные государства на основе феодальных поместий. См.: North D. C., Thomas R. The Rise and Fall of the Manorial System: a Theoretical Model // Journal of Economic History. 1971. Vol. 31, No 4. P. 777—803. См. также критический анализ этого объяснения в: Fenoaltea S. The Rise and Fall of a Theoretical Model: The Manorial System // Journal of Economic History. 1975. Vol. 35, No 2. P. 386—409.

¹⁵ Polanyi K. Op. cit. Ch. 5.

Какой должна быть эволюция взаимоотношений внутри локальной группы по мере увеличения ее численности? Едва ли можно предполагать, что акты бескорыстного дарения должны становиться все более типичными. Ведь подобного рода самоотдача обычно совершается в отношении наиболее близких людей. По мере же роста локальной группы круг отношений в среднем у человека становится шире и ему приходится иметь дело с людьми, все более «дальними». Соответственно дары должны становиться все менее бескорыстными, все более обусловленными встречными дарами, а это, в свою очередь, позволяет говорить о некоей тенденции. Речь идет о том, что по мере расширения круга общения отношения между людьми должны смещаться от актов дарения в сторону обмена. Дарообмен в данном случае оказывается лишь некоей промежуточной стадией развития внутригрупповых отношений формального рыночного обмена.

Отношения между локальными группами могли бы обнаруживать некую «встречную» тенденцию. Враждебность к окружающим локальным группам, неизбежно выливающаяся в регулярные войны ради захвата добычи, может смягчаться при осознании воюющими сторонами выгод от обмена. Результатом могут быть все более частые «организованные перемирия»¹⁶, заключаемые ради осуществления торговли. Так, расширяющаяся локальная торговля дополняется торговлей на дальние расстояния. Таким образом, развитие как внутри-, так и межгрупповых отношений может иметь определенную внутреннюю логику: различия между ними стираются за счет приобретения ими все более формального и взаимовыгодного характера. Здесь налицо некая *конвергенция дружбы и вражды к нейтральным отношениям обмена*.

Межклановый дарообмен, хотя и имеет ярко выраженный эксплуататорский характер, есть признак прогресса, поскольку здесь намечается долгосрочное сотрудничество с чужими. Готовность завладеть человеком из чужого мира или обложить его данью представляет собой уже более «дружелюбное» отношение к нему по сравнению с чисто грабительским настроением «кочующего бандита». Рабство и данничество становятся признаками возникновения конструктивных отношений между чужими, что означает расширение узких рамок отношений между людьми, сначала ограниченных только миром семьи или клана. Отношения рабства или данничества опять-таки могут смещаться в сторону еще большей дружелюбности. Длительные взаимоотношения между господами и рабами могут придать их отношениям патриархальный характер, когда рабы воспринимаются как члены семьи и между ними и господами формируются доверительные отношения¹⁷.

По мере превращения мелких клановых сообществ в крупные общества незнакомых людей должны изменяться и системы принуждения, так или иначе стимулирующие людей к сотрудничеству. И если в сообществах такие стимулы обеспечиваются длительностью

¹⁶ Polanyi K. Op. cit. P. 59.

¹⁷ Эту тенденцию хорошо иллюстрирует традиция славянских племен, промышлявших охотой на людей, относиться к захваченным рабам, которые длительное время оставались в пределах племени, как к полноправным товарищам. См.: Фроянов И. Я. Рабство и данничество у восточных славян. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1996. С. 39.

отношений между знакомыми людьми, то в обществах они исходят от принуждающей третьей инстанции. Возникновение таковой обычно связывается с зарождением государства как организации, располагающей над отдельными сообществами.

По мере исчезновения перегородок между локальными мирами, превращения множества мирков в один большой мир, на смену институтам дружбы и вражды должны приходить четкие «правила игры». В отсутствие последних никакое сколько-нибудь крупное социальное образование не будет устойчивым. В большом обществе все всем — чужие, и никаких непосредственных стимулов не быть друг другу «волками» у людей нет. Такие стимулы могут иметь место только в отношении своих, то есть заведомо ограниченного круга людей. Поэтому если мы возьмем некое изначально большое общество и оставим его без правил игры, а также без силы, принуждающей людей соблюдать их, оно неизбежно распадется на локальные мирки своих, в той или иной мере настроенные друг против друга. Роль *государства* в том, чтобы принудить каждого следовать определенным правилам поведения в окружении чужих людей. В этом нет необходимости в рамках ограниченного сообщества своих, поскольку здесь отношения людей имеют личный, а не формальный характер: все друг друга хорошо знают и действуют на основе «неявных соглашений», сформировавшихся в течение всей истории сообщества.

Итак, никакое крупное общество не может существовать без государства, соответственно без государства не может быть развитой рыночной торговли или, другими словами, персонифицированного обмена. Поланьи особенно настаивал на искусственном происхождении развитой рыночной экономики в Западной Европе, и это зачастую воспринималось (в том числе и им самим¹⁸) как выпад против идеи о сугубо естественном характере рынка. Но если оценить всю значимость того факта, что человек в отношениях с чужими людьми (каковыми он неизбежно будет окружен в большом обществе, предполагающем персонифицированный обмен) будет обнаруживать тенденцию к оппортунистическому поведению, то значение государства становится очевидным. И его роль не только в обеспечении соблюдения правил игры, но и в создании сколько-нибудь конкурентной среды, каковая, если учесть склонность людей «кучковаться» в мелкие группы и образовывать закрытые отрасли, едва ли может быть признана чем-то естественным.

Государство — способ организации крупной общности людей, в рамках которой становится возможным прогрессирующее разделение труда. Свою организующую роль государство может выполнить, либо позволив существовать рынку, создавая и защищая права собственности, либо взяв распределительные функции на себя. Иными словами, отношения сотрудничества между незнакомыми людьми организуются с помощью горизонтальных рыночных обменов или вертикальных перераспределительных связей. Рыночная и командная экономики оказываются двумя основными способами организовать конструктивное сотрудничество незнакомых людей. И то и другое позволяет решить проблему координации и стимулов, необходимых для глубокого разде-

¹⁸ Polanyi K. Op. cit. Ch. 6.

ления труда. В этом смысле рынок и перераспределение — адекватные организационные альтернативы.

«Панглоссианское» видение социального мира, заключенное в теореме Коуза, казалось бы, исключает необходимость принуждения, исходящего от третьей стороны: наш мир — наилучший из возможных, поскольку при наличии возможности улучшения, будь то в экономической или политической сфере, она будет использована посредством добровольных сделок. Как показывает М. Олсон, причина, по которой такой идеал редко воплощается в реальности и для приближения к нему требуется государственное принуждение, состоит в том, что существует целая сфера жизни, связанная с «грабежом», а не с обменом, и несовершенство мира проистекает из несовершенства его адаптации к этой сфере¹⁹. Как вытекает из логики дилеммы заключенных, взаимовыгодным сделкам всегда мешает альтернатива в виде грабежа.

Любая добровольная сделка будет таковой лишь в рамках определенной системы стимулов, в заданных институциональных условиях, принуждающих людей предпочесть сделку грабежу. Идеальный мир коузианских сделок может существовать только в локальных сообществах, где длительные связи между их членами придают сделкам между ними самоисполняющийся характер, не требуют внешнего принуждения. В крупных же обществах случайные связи между незнакомыми людьми не могут обеспечить такого рода «антистимулов» к грабежу, остается только институциональная альтернатива в виде принуждения с третьей стороны. Возможность коузианской сделки для мелкого общества и невозможность — для крупного означает, что преодолеть анархию путем общественного договора можно лишь в первом случае, но не во втором. Крупное же общество может состояться лишь в результате его захвата «оседлым бандитом»²⁰.

Сосуществование традиционного дарообмена и рыночного обмена

Организационные формы рынка и государства возникают на почве архаичных организационных структур автаркии и дружбы-вражды и частично их вытесняют по причине роста населения, отражающего силовую и экономическую несамодостаточность традиционных локальных сообществ. Но вытеснение это может быть только частичным, потому что производство для себя и неформальные отношения имеют свои преимущества эффективности, ради которых они оказываются целесообразными в качестве дополнения к рынку или государству.

Как особое организационное устройство со своими непреходящими преимуществами, традиционное общество существовало во все времена. Изменялся лишь его удельный вес среди прочих элементов правопорядка. На языке французской социологии, традиционный уклад, бывший когда-то всеохватной общественной системой, со вре-

¹⁹ Olson M. Power and Prosperity. Outgrowing Communist and Capitalist Dictatorships. N.Y.: Basic Books, 2000. Ch. 3.

²⁰ Ibid. P. 91.

менем понизил свой статус до подсистемы, освободив место для других подсистем, таких как рыночная или гражданская. Результатом стало усложнение общества за счет умножения образующих его подсистем²¹.

Лишь частичное растворение традиционных сообществ родственников в обществе незнакомых людей означает нередко определенное раздвоение социального мира на по-прежнему существующий мир своих и изменяющий свое содержание мир чужих. Человек, продолжая дарообменные отношения с первыми, систематически вступает в неперсонифицированные обменные отношения со вторыми. Относительный удельный вес этих двух миров в разных крупных обществах может сильно различаться. В упомянутых «коллективистских» обществах традиционные отношения могут не уступать по значению неперсонифицированным отношениям в определении устройства этих обществ и условий выживания их членов.

К этой разновидности нередко относят современный постсоветский капитализм, обозначаемый И. В. Розмаинским как «семейно-клановый»²², поскольку характер и направление деятельности его типичных экономических агентов во многом определяется традиционным дуализмом своих и чужих. Благодатной почвой для таких традиционных отношений в сложном обществе становится неспособность государства обеспечивать надлежащий правопорядок, поэтому гражданам приходится искать защиты на локальном уровне — через самоорганизацию в форме тех или иных групп взаимной поддержки, включая криминальные структуры.

Важным фактором живучести традиционных отношений могут быть не выгодные большей части общества ограничения рынка, в силу чего отношения дарообмена развиваются там, где в отсутствие этих ограничений был бы рынок²³. Наконец, сильная потребность во взаимном страховании как условии выживания, характерная для примитивных обществ, может существовать и в крупных обществах, опять-таки способствуя сохранению традиционных отношений²⁴.

Одновременное существование людей в параллельных социальных мирах может ослаблять создаваемый общественной системой эффект координации, когда возникает неопределенность относительно институтов, в рамках которых должно осуществляться то или иное взаимодействие. Эта неопределенность в рамках французской социологии обозначается как «касание» подсистем. Если в качестве примера взять рассматриваемые здесь традиционные отношения, встроенные в слож-

²¹ В рамках французской социологической школы (теории соглашений) принято выделять семь подсистем для описания сложного общества. См.: *Скоробогатов А. С.* Институциональная экономика. Курс лекций. СПб.: СПб филиал ГУ—ВШЭ, 2006 С. 27—32.

²² *Розмаинский И. В.* Основные характеристики семейно-кланового капитализма в России на рубеже тысячелетий: институционально-посткейнсианский подход // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2004. Т. 2, № 1. С. 59—71.

²³ В качестве примера такой замены Капелюшников приводит «блат» как форму дарообмена, распространенную в СССР. См.: *Капелюшников Р. И.* Указ. соч. С. 14. Другой яркий пример архаичной формы обмена в советское время, обремененной своим существованием ограничениями рынка, — это своеобразная торговля вразнос, выражавшаяся в том, что на рабочих местах или в магазинах появлялись «спекулянты», предлагая вступить в запрещенные сделки.

²⁴ См.: Там же. С. 16—17. Примером может служить господствовавшее в русской деревне в течение длительного времени общинное землепользование, дававшее каждому возможность выжить в суровых природных условиях.

ное общество, неопределенность может возникнуть, когда неясно, по какой схеме — традиционной или рыночной — должны строиться те или иные отношения. Обычно люди понимают, с кем имеют дело — со своим или чужим, в зависимости от чего и применяют надлежащую схему. Но в сложном обществе возникновение долгосрочных контактов между чужими может создать неравновесную ситуацию, когда чужой еще не стал своим, но ожидаемое долгое сотрудничество заставляет задуматься о выгодах выстраивания с ним традиционных отношений.

Эту неопределенность можно проиллюстрировать с помощью известной дилеммы «сдавать или не сдавать кровь», которая здесь изменена применительно к рассматриваемым традиционным отношениям. Такая дилемма может возникнуть и в ситуации приема гостей, когда возникает вопрос об их участии в покрытии расходов на застолье. Хозяева могут либо потребовать соответствующей денежной компенсации за организованное ими застолье (рыночная подсистема), либо угощать их бесплатно (традиционная подсистема). Это может породить высокую степень неопределенности во взаимоотношениях индивидов относительно распределения расходов на застолье, что иллюстрируется в таблице.

Т а б л и ц а

**Пример «касания» рыночной и традиционной подсистем:
организация застолья**

Хозяин/гость	Рыночная подсистема	Традиционная подсистема
Требовать участия в покрытии расходов на угощение	«здравомыслящий»	«скряга»
Предоставлять угощение бесплатно	«транжир»	«гостеприимный»

Хозяин может действовать на основе рыночной или традиционной подсистемы, и гость может оценивать его действия с точки зрения той и другой подсистем. Определенность в их взаимодействиях будет иметь место, когда действия хозяина и оценки гостя осуществляются в рамках одной и той же подсистемы (благоприятные оценки «здравомыслящий» и «гостеприимный»). Когда же они находятся в различных подсистемах, будет иметь место неопределенность в их взаимоотношениях (неблагоприятные оценки «скряга» и «транжир»).

Такого рода нарушения координации в обществах с развитыми традиционными отношениями могут служить частичным объяснением того, почему именно такие общества, как правило, не входят в число наиболее преуспевающих в современном мире. Поэтому традиционный дарообмен, характерный для локальных мини-систем и едва обеспечивающий выживание их членам, когда он в значительном объеме сохраняется в сложном обществе, вероятно, свидетельствует не столько о его «естественности»²⁵, сколько о наличии в нем серьезных препятствий для реализации выгод от горизонтального и/или вертикального рынков.

²⁵ Эпитет Поланьи для характеристики доиндустриальных форм организации и строения общества. См., например: *Polanyi K.* Op. cit. P. 35, 42. См. также: *Капелюшников Р. И.* Указ. соч. С. 7—8.

Дарообмен и отношенческие контракты

Наличие трансакции, перехода прав собственности, организованной неформальным образом, позволяет отнести дарообмен к формам организации, основанным на отношенческих контрактах²⁶. Эти контракты наилучшим образом подходят для организации долгосрочных отношений, предполагающих взаимозависимость сторон, когда основным средством принуждения к выполнению договоренностей выступает угроза прекращения отношений, переход от стратегии сотрудничества к стратегии соперничества. О. Уильямсон обозначает это как «частный порядок улаживания конфликтов»²⁷. В доиндустриальном, а в еще большей степени — в доисторическом мире социальные связи организуются с помощью отношенческих контрактов по причине локальности образуемых ими социальных общностей, что неизбежно придает долгосрочный характер отношениям между одними и теми же людьми.

Данный вид организации и в индустриальном мире находит рациональное применение, то есть используется не только как пережиток традиционного общества и препятствие для действия рынка, но и как альтернатива последнему в качестве способа организации. Рациональный выбор этой организационной формы в индустриальном мире отличается от изначальной вынужденной привязанности к ней в мире доиндустриальном. Этот выбор определяется стремлением получить наибольшие выгоды от существующих технологий, использование которых предполагает осуществление самостоятельными хозяйственными единицами коспециализированных инвестиций. Такие совместные специфические инвестиции сторон привязывают их друг к другу, создают тесную взаимозависимость между ними, что требует надлежащей организации их отношений.

Любые формы организации так или иначе сводятся к каким-то соглашениям, а «соглашения без меча — это лишь слова»²⁸. Соответственно тип «меча» — угрозы нарушителю соглашения — оказывается основным критерием разграничения организационных форм. Рыночная форма организации принуждает к выполнению соглашений через механизм конкуренции. Наказание, допускаемое этим механизмом, состоит в смене делового партнера. Например, неявная угроза покупателей продавцу некоего товара заключается в том, что они будут покупать этот товар у другого продавца. Иерархическая форма организации принуждает к выполнению соглашений через угрозу наказания от вышестоящей третьей стороны. Двусторонняя репутация связана с угрозой утраты этой репутации в глазах другой стороны, что чревато потерями, связанными с переходом от взаимовыгодного сотрудничества к изматывающей друг друга борьбе. Выбор организации, таким образом, сводится к выбору угрозы за нарушение соглашения, действенность и альтернативная стоимость которой, определяющие ее выбор, будут зависеть от применяемой технологии.

²⁶ Уильямсон О. И. Экономические институты капитализма. СПб.: Лениздат, 1996. Гл. 3.

²⁷ Там же. С. 269.

²⁸ *Hobbes T. Leviathan or the Matter, Forme, and Power of a Common-Wealth Ecclesiasticall and Civill. L.: Andrew Crooke, 1651. P. 103.*

Тесная взаимозависимость сторон выводит их за пределы действия как рынка с его стимулирующим механизмом в виде конкуренции, так и формальной третьей инстанции. Таким образом, не только отсутствие организационных альтернатив рынка и третьей инстанции заставляет прибегать к дарообмену как единственной организационной форме, как это характерно для традиционных мини-систем, но и их несоответствие технологиям, требующим коспециализированных инвестиций.

Дарообмен в усложняющемся обществе

Характерным свойством доиндустриального мира была тенденция располагать занятие хозяйством в низу социальной иерархии, делая его «проклятием слабости»²⁹. То, что в доиндустриальном мире хозяйство иначе соотносилось с прочими сферами общественной жизни, чем в мире индустриальном, по-разному трактовалось в различных направлениях философии истории. Одно из важных разграничений между ними связано с принимаемым допущением относительно степени преемственности между прошлым и настоящим, от которой зависит возможность использовать современные методы для анализа прошлого.

Формалисты считают, что аналитические методы и модели, развитые применительно к современным условиям, применимы и к прошлому. В этом смысле подавляющая часть экономической теории, как и социологии и политологии, в своих исторических построениях относится к формализму. В слабой форме «экономический формализм» покоится на предпосылке о рациональном поведении в условиях редкости и стабильных предпочтений, которые при общем для всех стремлении к лучшему должны сформировать максимизирующее поведение. В сильной форме такой подход приписывает обществам далекого прошлого и современные элементы организации³⁰.

В противоположность формалистам *субстантивисты*, к которым относятся М. Вебер, К. Поланьи и М. Финли, исходят из того, что современные модели и понятия не применимы к обществам, существовавшим в прошлом, особенно в далеком. Люди прошлого имели иные понятия о семье, собственности, труде и пр. и потому, в частности, не могли быть рациональными максимизаторами³¹.

Согласно схеме Поланьи, хозяйство, включающее разные виды обмена, во все времена было составной частью социальной жизни и в плане своей значимости находилось на равных с прочими ее элементами. После промышленной революции впервые возникает специфически экономическое поведение, которое связано с действиями «экономического человека», ориентированного исключительно на достижение личной выгоды. Экономическое поведение вызывает

²⁹ Подробнее см.: Скоробогатов А. С. Институциональное понимание истории // Экономика и институты / Под. ред. А. П. Заостровцева. СПб.: Леонтьевский центр, 2010. С. 170–190.

³⁰ Buchholz T. G. Biblical Laws and the Economic Growth of Ancient Israel // Journal of Law and Religion. 1988. Vol. 6, No 2. P. 389–427.

³¹ См., например: Finley M. I. The Ancient Economy. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1985. Ch. I.

к жизни особую — рыночную — сферу, одновременно устраняя или подавляя прочие виды поведения и сферы общественной жизни с «прививкой» им в последнем случае хозяйственных стереотипов мышления и поведения. Так, вместо просто торговли, охватывавшей в прошлом лишь незначительную часть не только общественной, но и просто хозяйственной жизни, возникла рыночная торговля, подчинившая себе всю общественную жизнь. Это привело к разрушению традиционной ткани общества, поскольку в отличие от традиционной торговли, опосредованной социальными связями и культурными установками, рыночная торговля имеет чисто экономический характер³². Поскольку до этого крушения традиционных отношений между людьми рациональный расчет не играл большой роли в поведении типичного индивида, для изучения доиндустриального общества экономическая теория не пригодна.

Справедливость такой оценки экономической теории легко обосновать, когда речь идет о жестких неоклассических допущениях о совершенстве и однородности естественной и институциональной сред, поскольку очевидные несовершенство и неоднородность этих сред имели и имеют определяющее значение для функционирования доиндустриальных обществ³³. Но этого нельзя сказать об основополагающей для экономической теории предпосылке *рациональности*. Нетрудно показать наличие рационального расчета в любых соображениях во все времена, поскольку они вытекают из ограничений, налагаемых окружающим миром на жизнь человека в плане ее продолжения и удовлетворительности. Поскольку типичный индивид желает жить, и жить хорошо, ему придется действовать в соответствии с этой целью. Вместе с тем, и в современную эпоху экономическая жизнь оказывается вплетенной в разнообразные внехозяйственные контексты.

Несомненно, впрочем, и то, что в новое время экономическая сфера быстро разрасталась в связи с расширением рынка и углублением специализации. В отличие от прошлых эпох, экономика все более становится элементом широкой общественной жизни, каковым раньше могло быть только государство, и наравне с последним порождает общество как структуру отношений большого количества людей. На языке Ф. Броделя, «зоны молчания» и на современной планете занимают обширную область, но общество взаимосвязанности, обмена и государства непрерывно совершает экспансию в эти зоны³⁴.

Разница между современным миром и миром прошлого — это разница между миром, вовлеченным в сеть широких обменов, и миром замкнутым. Последний не исключает его рационального освоения человеком и, тем самым, возможности его изучения под особым — экономическим — углом зрения. Однако этот угол зрения становится особенно уместен при изучении нового времени с характерным для него опережением развития экономики сравнительно с другими сферами, ее экспансией в них и детерминацией их. Все это не столько привело

³² Polanyi K. Op. cit. Ch. 4.

³³ Скоробогатов А. С. Институциональное понимание истории. С. 170, 171, 177—179.

³⁴ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV—XVIII вв. Т. 3: Время мира. М.: Прогресс, 1992. Гл. 1.

к доминированию рационального расчета над прочими человеческими мотивами, сколько расширило сферу его применения, включив в нее, помимо соображений выживания, систематическое стремление к повышению уровня жизни и открыв возможность добиться последнего не только путем грабежа, но и через оказание другим полезных услуг.

Ставшая повсеместной, стихия рынка связала между собой даже враждующие или не имеющие общего языка и культуры народы, вовлекла в регулярные обмены наряду с развитыми примитивные общества, а также страны с различными политическими режимами. Но развитие рынка и связь через него между разными странами не уравнивали их в богатстве и власти. Как показывает Олсон на примерах различных переходных и развивающихся экономик, развитие рынка, всеобщая вовлеченность в него никак не гарантируют процветания общества³⁵. Рыночная экономика — это источник процветания, но свои настоящие плоды она приносит лишь в немногих странах.

Олсон в связи с этим различает естественные (*self-enforcing*) и искусственные (*socially contrived*) рынки³⁶, относя к сфере последних «институтотемную» деятельность. Речь идет о деятельности, связанной с долгосрочным планированием и крупными инвестициями, когда требуются значительные усилия по защите прав собственности и обеспечению контрактных соглашений. Для благосостояния общества принципиальное значение имеет не только и не столько развитие спонтанного рынка, как это доказывали классики австрийской школы, сколько развитие искусственных форм рынка и организуемых с его помощью институтотемных сделок.

Спонтанный рынок не гарантирует процветания не только обществу, в котором он развивается, но и его участникам. Напротив, приводимые Броделем многочисленные примеры из прошлого позволяют увидеть, что сфера повсеместного, спонтанно возникающего обмена, которую историк, собственно, и обозначает термином «рыночная экономика», всегда была преимущественной сферой деятельности низов, как правило, лишенных экономических и социальных перспектив и жестко привязанных к своей ограниченной роли³⁷ — зажатых в узких рамках не выбранной ими, не сулящей обогащения специализации.

Выделяемая Олсоном сфера институтотемных сделок близка к тому, что Бродель обозначает как «капитализм» — той области экономической деятельности, где ее участники имеют возможность сами выбирать и изменять направление и специализацию в зависимости от изменяющихся сравнительных выгод. По Броделю, эту сферу следует отличать от рынка, поскольку в ней либо вообще не действует, либо действует очень ограниченно основной для рынка механизм конкуренции. Капитализм — это «сфера посвященных»³⁸, и конкуренция здесь может идти только внутри социально-экономических страт или же уступать место разделу сфер влияния.

³⁵ *Olson M.* Op. cit. Ch. 10.

³⁶ *Ibid.* P. 174.

³⁷ *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм. Т. 2: Игры обмена. М.: Весь Мир, 2006. Гл. 4.

³⁸ Там же.

Большая «институтоемкость» деятельности, которой занимаются относящиеся к капитализму «князья торговли»³⁹, связана с возможностями самостоятельно защищать свои права собственности и обеспечивать выполнение контрактов. Различие между «капитализмом» и «рыночной экономикой», таким образом, сводится к различию между сильными и слабыми. Первые для обеспечения прав собственности в состоянии рассчитывать на себя, а последние — только на других. В результате у них могут различаться стимулы в отношении создаваемых государством институтов. Наличие у сильных доступа к частным средствам защиты прав собственности может ослаблять или даже делать отрицательными их стимулы в отношении общественной системы защиты прав собственности.

Последняя возможность — отсутствие у сильных заинтересованности в общественной системе защиты прав собственности — была раскрыта К. Сониным. Он предложил модель, формально описывающую стимулы богатых в отношении частной и общественной систем защиты прав собственности⁴⁰. Эта модель, в частности, позволила объяснить поведение российских олигархов в 1990-е годы. Согласно логике модели, богатые не заинтересованы в хорошей общественной системе защиты прав собственности, поскольку она стала бы помехой для их обогащения, связанного с обиранием других, свою же собственность они в состоянии защитить и сами. Рациональное содержание этой модели в том, что каждый получил бы наибольший выигрыш, будучи защищен сам, но имея дело с незащищенным окружением. Заинтересованность богатых в качественной частной защите прав собственности при слабой общественной системе защиты выдает их стремление к иерархическому устройству общества, предполагающему различный правовой статус для разных уровней иерархии. Качественная частная и некачественная общественная система защиты прав собственности, по сути, означают защищенность прав собственности богатых и незащищенность прав собственности бедных. В том, что гарантия сохранности собственности предоставлена только первым, проявляется различие в фактическом правовом статусе богатых и бедных. Сама по себе такая система должна способствовать воспроизводству и усилению сложившейся системы имущественного неравенства: богатые не обеднеют, поскольку они защищены; к тому же они должны еще более обогатиться за счет бедных, пользуясь их незащищенностью.

В случае конфликта двух сторон при условии слабости общественной системы защиты в выигрыше окажется та, которая обладает большим частным силовым потенциалом. Проистекающая отсюда возможность доминирования делает ее незаинтересованной в общественной системе, наделяющей всех равными правами. Слабость общественной системы защиты прав собственности может выражаться в равнодушии и пассивности органов правопорядка, когда определяющим для исхода конфликтов будет сравнительный доступ сторон к частным организационным устройствам защиты прав собственности. Обладание здесь преимуществом открывает возможность ущемлять чужие права собственности к личной выгоде.

³⁹ Бродель Ф. Указ. соч.

⁴⁰ Sonin K. Why the Rich May Favor Poor Protection of Property Rights // Journal of Comparative Economics. 2003. Vol. 31, No 4. P. 715–731.

Замкнутость «капитализма» кругом «посвященных», как и его «институтоемкость», выводя его за пределы рыночной сферы, снова делают его сферой дарообмена. Сравнительная немногочисленность круга его участников предполагает долгосрочные отношения между знакомыми, а значит, выполнение соглашений обеспечивается за счет стимулов поддерживать сотрудничество. Иными словами, локальность социальных общностей должна благоприятствовать горизонтальному дарообмену.

К тому же контроль представителей этого круга над силовым аппаратом может затруднять обеспечение контрактов между ними третьей стороной⁴¹. Если же такая третья инстанция и в состоянии следить за порядком в отношениях между ними («сильный диктатор» в модели Гуриева и Сониной⁴²), уникальный и персонифицированный характер этих отношений скорее делает их отношениями вертикального дарообмена, чем формальными неперсонифицированными отношениями государства и налогоплательщиков. Таким образом, эволюция дарообмена с усложнением общества может состоять в его сохранении на верху общественной иерархии при вытеснении безличными горизонтальными и вертикальными связями внизу.

* * *

Дарообмен, подобно другим формам обмена, можно рассматривать как результат рационального выбора. Специфика его определяется *персонифицированным* характером организуемых с его помощью отношений. Тем самым дарообмен оказывается формой организации, которая складывается в локальных сообществах. Это значит, что в отличие от отношений между незнакомыми людьми, организуемых рынком, дарообмен покоится на длительных связях и взаимных стимулах к сохранению репутации. В таком организационном качестве он может использоваться как в примитивных мини-системах, так и в сложном обществе. В последнем случае сложность заключается в многослойности и организационном богатстве. Сложность обществу придают как его развитая иерархия и наличие в нем множества сегментов на одном уровне, так и разнообразие используемых в нем организационных форм. И дарообмен в каждом случае выступает как один из элементов мозаики. На вершине иерархии он может формировать отношения между немногочисленными сильными и богатыми, среди простых смертных — организовывать деловые отношения родственников и знакомых, а в качестве особой организационной формы — дополнять или заменять безличный рыночный обмен, когда этого требуют особенности реализуемой технологии.

⁴¹ Такая возможность описана в статье С. Гуриева и К. Сониной в контексте компромиссного выбора, который делают олигархи между угрозой прав собственности со стороны других олигархов и от диктатора. Сильный диктатор может защитить их друг от друга, но может посягнуть на собственность каждого из них. Слабый диктатор может быть смещен любым отдельным олигархом, но он не может защитить их друг от друга (воспрепятствовать поиску ренты). См.: *Guriev S., Sonin K. Dictators and Oligarchs: A Dynamic Theory of Contested Property Rights // Journal of Public Economics. 2009. Vol. 93, No 1. P. 1–13.*

⁴² Ibid.

*И. ПИЛИПЕНКО,
кандидат географических наук,
магистр государственного администрирования (МРА),
научный сотрудник географического факультета
МГУ имени М. В. Ломоносова*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АНАЛИЗА ЗАТРАТЫ—ВЫГОДЫ ДЛЯ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ

*(на примере зимних Олимпийских игр-2014 в Сочи)**

Оценка экономического эффекта и анализ затраты—выгоды

Для обоснования необходимости реализации государственных инвестиционных проектов (программ)¹ и определения их влияния на экономическое развитие стран и регионов как в России, так и за рубежом наиболее часто применяют метод оценки экономического эффекта (economic impact analysis)². Он основан на использовании моделей межотраслевого баланса и расчете мультипликативного эффекта от произведенных инвестиций в рамках проекта, выражающегося в приросте ВВП или ВРП, количестве вновь созданных рабочих мест или увеличении потока прибытий туристов по сравнению с ситуацией до реализации данного проекта. Оценка экономического эффекта используется при принятии решений о реализации проектов в таких сферах, как экономическая политика, энергетика и энергоэффектив-

* Автор выражает глубокую признательность профессору К. Белфилду за ценные советы при проведении данного исследования, выполненного в Колумбийском университете (г. Нью-Йорк, США).

¹ Далее в статье под проектами мы понимаем также и государственные программы как группы проектов, взаимосвязанные по срокам и объектам инвестирования.

² В постановлениях правительства России об утверждении федеральных целевых программ (ФЦП) используется термин «оценка социально-экономической эффективности». См., например: Постановление Правительства РФ от 8 июня 2006 г. № 357 «О Федеральной целевой программе „Развитие города Сочи как горноклиматического курорта (2006–2014 гг.)“» (base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=72635#4AA91C866B5BF414D89A1037EA30C187). Однако логичнее говорить именно о социально-экономическом эффекте или воздействии от реализации данной программы, что точно передает английский термин «impact».

ность, транспорт, охрана окружающей среды, проведение спортивных мероприятий и т. п.

Как отмечают специалисты, при оценке экономического эффекта нередко завышают выгоды от реализации проектов. Это происходит по следующим причинам³:

- при анализе обычно предполагается, что все инвестиции в рамках задуманных проектов априори положительно влияют на национальную или региональную экономику. Поэтому практически все государственные инвестиционные проекты оказываются привлекательными для вложения государственных средств;

- все финансовые затраты, связанные с реализацией этих проектов, трактуются как выгоды (доходы) для национальной (региональной) экономики, поскольку они стимулируют экономическую активность в других секторах через эффект мультипликатора. Но если объем начальных инвестиций существенный, а дополнительный эффект — гораздо менее значимый, то возникает вопрос об эффективности произведенных инвестиций;

- не учитывают эффект вытеснения (*crowding-out effect*) государственными инвестициями потенциальных частных инвестиций, которые могли быть осуществлены в отсутствие этих государственных проектов;

- число вновь созданных рабочих мест в рамках проектов, финансируемых из государственного бюджета, обычно рассчитывают, исходя из допущения о наличии высокого уровня безработицы в стране или регионе до их реализации, но в реальности новые вакансии часто заполняют мигранты, в том числе из других стран⁴;

- недостаточно учитываются альтернативные издержки (упущенная выгода от реализации других, возможно, более эффективных для общества проектов за счет выделенных средств). Получается, что экономика страны или региона «недозагружена» и простаивающие мощности будут востребованы для осуществления проектов, что в большинстве случаев не соответствует действительности⁵.

³ *Shaffer M., Greer A., Mauboules C. Olympic Costs and Benefits. A Cost—Benefit Analysis of the Vancouver 2010 Winter Olympic and Paralympic Games / Canadian Center for Policy Alternatives — British Columbia office. 2003. Feb.*

⁴ Эффект вытеснения через повышение цен и ограниченность имеющихся ресурсов, в том числе трудовых, учитывается в моделях общего равновесия, а также в динамических моделях общего равновесия, включающих временной аспект. Кроме того, при соблюдении необходимого равенства доходов и расходов эти модели позволяют учесть некоторое негативное влияние инвестиционных проектов на экономику, если их реализация требует повысить налоги. Модель первого типа была использована для оценки экономического эффекта, например, от летней Олимпиады-2000 в Сиднее, а второго — от летней Олимпиады-2012 в Лондоне (см.: *Economic Impact Study of the London 2012 Olympic Games and Paralympic Games, Final Report / Grant Thornton; Torkildsen Barclay; the Christel DeHaan Tourism; Travel Research Institute. East of England Development Agency, 2006. July*).

⁵ Минимизировать альтернативные издержки в рамках методики оценки экономического эффекта обычно предлагают за счет четкого планирования спроса на строительные работы и услуги во избежание перегрузки имеющихся мощностей в экономике региона или города. Так было сделано, например, для зимних Олимпийских игр-2010 в Ванкувере (*The Economic Impact of the Winter Olympic and Paralympic Games / Capital Projects Branch; Ministry of Competition, Science and Enterprise, Province of British Columbia; Honourable Rick Torpe, Minister. Vancouver, 2002*).

Методика анализа затраты—выгоды позволяет оценить эффективность проектов, финансируемых именно из государственного бюджета. Если при этом частично используются внебюджетные источники, то они исключаются из анализа затраты—выгоды, поскольку он предполагает четкое разделение средств, затраченных из госбюджета на возведение соответствующих объектов и полученных государством от их эксплуатации через налогообложение, государственные пошлины, сборы и т. п. Кроме того, учитывают влияние проектов на окружающую среду, социальное развитие страны или региона, то есть оценивают неэкономические затраты и выгоды, что позволяет точнее рассчитать эффективность проекта для общества и экономики⁶.

Одним из наиболее ярких примеров расхождений в определении влияния проектов на экономическое положение стран, регионов и городов с помощью метода оценки экономического эффекта и анализа затраты—выгоды служат спортивные мероприятия. Так, для обоснования необходимости проведения Олимпийских игр, чемпионатов мира и континентов по различным видам спорта, а также субсидирования части затрат на содержание спортивных команд в командных видах спорта преимущественно используют метод оценки экономического эффекта. Почти всегда такие мероприятия оказываются выгодными для государственного бюджета и общества с экономической точки зрения. При этом в зависимости от желания местных властей привлечь спортивную команду в свой город или, наоборот, побудить ее переехать в другой регион исследования влияния одних и тех же проектов на экономику муниципалитетов давали разные, но тем не менее положительные результаты⁷.

При использовании анализа затраты—выгоды как минимум экономический эффект от спортивных мероприятий в большинстве случаев оказывался негативным⁸. Кроме того, такие ожидаемые экономичес-

⁶ Министерство транспорта РФ проводит оценки общественной, коммерческой и бюджетной эффективности подпрограмм ФЦП, вычисляя чистую приведенную стоимость программы мероприятий (см., например, расчеты эффективности подпрограммы «Морской транспорт» в рамках ФЦП «Модернизация транспортной системы России». www.programs-gov.ru/7_pod3_6.php). Однако в расчетах нет расшифровки поступления и расходования денежных средств (cash flow) для определения величины чистой приведенной стоимости, не учитываются альтернативные издержки и эффект вытеснения частных инвестиций, не оценивается воздействие программы на окружающую среду. Кроме того, неясно, какие предприятия (государственные, частные или со смешанной формой собственности) включаются в расчет коммерческой эффективности.

⁷ Например, когда команда по бейсболу «Сан-Франциско Джайэнтс» рассматривала возможность переезда из Сан-Франциско в Сан-Хосе, обе городские управы провели оценку возможного экономического эффекта для экономики города. Исследование показало положительные результаты в обоих случаях, но в Сан-Франциско — в размере только 3,1 млн долл. в год, а в Сан-Хосе — от 50 млн до 100 млн долл. в год (*Crompton J. L. Economic Impact Analysis of Sports Facilities and Events: Eleven Sources of Misapplication // Journal of Sport Management. 1995. Vol. 9, No 1; цит. по: Hudson I. The Use and Misuse of Economic Impact Analysis: The Case of Professional Sports // Journal of Sport and Social Issues. 2001. Vol. 25, No 1. P. 21*).

⁸ См., например: *Long J. G. Full Count: The Real Cost of Public Funding for Major League Sports Facilities // Journal of Sports Economics. 2005. May. P. 119—143; Owen J. G. Estimating the Cost and Benefit of Hosting Olympic Games: What Can Beijing Expect from Its 2008 Games? // The Industrial Geographer. 2005. Vol. 3, No 1. P. 1—18; Rappaport J., Wilkerson C. What Are the Benefits of Hosting a Major League Sports Franchise? // Federal Reserve Bank of Kansas City Economic Review. 2001. First Quarter. P. 55—86; Shaffer M., Greer A., Mauboules C. Op. cit.*

кие выгоды, как увеличение потока туристов, оживление местного и привлечение нового бизнеса и, как следствие, расширение налогооблагаемой базы и повышение налоговых сборов, а также доходов от эксплуатации новых спортивных сооружений, в большинстве случаев не были получены.

Так, только 31% инвестиций, осуществленных Олимпийским комитетом летних Олимпийских игр-1996 в Атланте (США), имели положительный экономический эффект⁹. На примере восьми летних Олимпиад, проведенных с 1972 по 2000 г., было показано, что высокая заполняемость отелей в период проведения Олимпийских игр полностью нивелируется их более низкой заполняемостью до и после Олимпиад, и только значительное улучшение инфраструктуры в долгосрочной перспективе способно повлиять на увеличение потока туристов в регион¹⁰. В частности, летняя Олимпиада-1996 в Атланте оказала явный эффект вытеснения для экономики всего штата Джорджия, так как заполняемость отелей в 1996 г. упала на 3% по сравнению с 1995 г. Хотя ведущие гостиничные сети получили более высокие прибыли за счет повышения цен на свои услуги, пустующие частные отели понесли значительные убытки. В результате общий эффект Олимпийских игр для гостиничного бизнеса в регионе остался неопределенным¹¹. Реальные расходы бюджетов штатов на содержание 99 стадионов в США для проведения матчей Национальной баскетбольной ассоциации, Национальной футбольной (американский футбол), Главной бейсбольной и Национальной хоккейной лиг, а также связанные с ними капитальные затраты на инфраструктуру и льготы по налогу на имущество на 40%, или на 5 млрд долл., превышают официальные¹². Наконец, не была выявлена четкая зависимость между приростом числа компаний в муниципалитетах и количеством регулярно проводимых спортивных мероприятий по баскетболу, американскому футболу, бейсболу и хоккею¹³.

В процессе выдвижения кандидатуры страны или города на проведение спортивного мероприятия ожидаемые затраты на его организацию и проведение часто занижают. Так, в заявочные книги городов-кандидатов на проведение Олимпийских игр могут включать помимо бюджетов олимпийских комитетов неполные данные о дополнительных расходах на возведение спортивных сооружений и улучшение инфраструктуры. В других случаях организаторы вынуждены пересматривать бюджет в сторону увеличения расходов в процессе строительства олимпийских объектов.

⁹ Baade R. A., Matheson V. Bidding for the Olympics: Fool's Gold? // *Transatlantic Sport: The Comparative Economics of North American and European Sports* / C. Barros, M. Ibrahim, S. Szymanski (eds.). Cheltenham, UK; Northampton, MA: Edward Elgar Publishing, 2002. P. 127–151.

¹⁰ Preuss H. *Economics of the Olympic Games: Hosting the Games 1972–2000*. Sydney: Walla Walla Press, 2000.

¹¹ Owen J. G. Op. cit. P. 7–8.

¹² Long J. G. Op. cit. P. 120, 135.

¹³ Siegfried J., Zimbalist A. *The Economics of Sports Facilities and Their Communities* // *Journal of Economic Perspectives*. 2000. Vol. 14, No 3. P. 95–114.

Например, на проведение Олимпийских игр-2004 в Афинах греческое правительство потратило более 16 млрд долл., хотя планировало израсходовать только 1,6 млрд. Первоначальные затраты Олимпийского комитета Пекин-2008 в размере 1,6 млрд долл. выросли до 40 млрд долл.¹⁴

Можно констатировать, что подавляющее большинство крупных спортивных мероприятий с чисто экономической точки зрения для государства убыточны. Вместе с тем реализация масштабных проектов и проведение спортивных мероприятий нередко приносят выгоды обществу благодаря общему улучшению качества жизни в городе или регионе за счет развития инфраструктуры. Также необходимо учитывать политические (рост престижа страны) и моральные (гордость жителей от проведения крупных спортивных мероприятий) аспекты, которые часто и влияют на принятие госорганами решений о реализации знаковых проектов. К сожалению, в расчетах с помощью анализа затраты—выгоды и тем более в оценках экономического эффекта вклад этих аспектов количественно оценить сложно, поэтому можно только надеяться, что социальные, политические или моральные факторы позволят окупить значительные финансовые затраты из госбюджета.

Составляющие анализа затраты—выгоды

Главная цель проведения анализа затраты—выгоды — определить наиболее эффективные с точки зрения общества проекты для инвестирования в них средств государственного бюджета. Как известно из экономической теории, иногда рыночные механизмы не способны обеспечить эффективное распределение ресурсов в экономике. Поэтому государство должно осуществлять интервенции, чтобы скорректировать так называемые «провалы рынка». В этом случае анализ затраты—выгоды помогает выбрать оптимальное размещение государственных ресурсов.

Анализ затраты—выгоды можно проводить на любой стадии подготовки проекта¹⁵: 1) до его осуществления, что позволяет минимизировать потенциальные потери; 2) во время реализации проекта, когда безвозвратные инвестиции еще не слишком велики, что может дать важную информацию для корректировки цели или плана его выполнения; 3) после завершения проекта, что позволяет сопоставить прогнозируемые и фактические инвестиции, а также сравнить его эффективность с уже выполненными проектами.

Э. Бордмен и др. обобщили все виды деятельности в рамках типичного анализа затраты—выгоды и выявили следующие девять этапов¹⁶.

На первом этапе исследователи выделяют альтернативные проекты, обычно реализуемые в одной области деятельности, эффективность которых для общества можно сравнивать. Также сопоставляют

¹⁴ *Zimbalist A.* Is It Worth It? Hosting the Olympic Games and Other Mega Sport Events Is an Honor Many Countries Aspire to — but Why? // *Finance and Development*. 2010. March. P. 10.

¹⁵ *Boardman A. E., Greenberg D. H., Vining A. R., Weimer D. L.* Cost—Benefit Analysis: Concepts and Practice. 3rd ed. Upper Saddle River, NJ: Pearson, Prentice Hall, 2006. P. 3.

¹⁶ *Ibid.* P. 7.

варианты, при которых проект будет или не будет осуществлен. Тогда разность между затратами и выгодами для государства и общества от реализации проекта и будет свидетельствовать о его эффективности.

На втором этапе определяют объект исследования, то есть для какой части общества будут рассматривать затраты и выгоды: с точки зрения населения всей Земли, группы стран, одной страны, ее региона или города. Также можно разбить общество на три больших сектора: частный, домохозяйства и государство.

На третьем этапе составляют список возможных затрат объекта, выделенного на втором этапе, и получаемых им выгод при реализации проекта.

На четвертом этапе количественно оценивают затраты и выгоды, связанные с реализацией проекта, и их распределение во времени на всем протяжении его осуществления. Здесь учитывают затраты и выгоды как прямые, обычно включенные в проектно-сметную документацию, так и косвенные, редко фиксируемые при традиционном расчете экономического эффекта от реализации проектов.

Пятый этап — монетизация (определение стоимости) всех выявленных затрат и выгод в одной валюте для вычисления чистой приведенной стоимости всех альтернативных проектов. Наиболее сложны для расчетов нематериальные затраты и выгоды, например цена среднестатистической человеческой жизни или затраты и выгоды, связанные с охраной окружающей среды. В этих случаях требуются дополнительные и часто весьма трудоемкие исследования для определения «готовности платить» (willingness-to-pay) со стороны общества за определенные потери при реализации проектов. При полном отсутствии заинтересованности у общества оплачивать меры по смягчению воздействия от реализации проекта такой эффект, согласно методологии, не будет учитываться в анализе.

Шестой этап — вычисление приведенной к настоящему времени стоимости затрат (C) и выгод (B) каждого альтернативного проекта по стандартным формулам:

$$\text{Приведенная стоимость выгод} = PV(B) = \sum_{t=0}^n \frac{B_t}{(1+s)^t}, \quad (1)$$

$$\text{Приведенная стоимость затрат} = PV(C) = \sum_{t=0}^n \frac{C_t}{(1+s)^t}, \quad (2)$$

где B_t — выгоды, полученные в период t ; C_t — затраты, понесенные в период t ; s — ставка дисконтирования; n — количество периодов.

Седьмой этап включает расчет чистой приведенной стоимости (NPV) всех альтернативных проектов как разности между приведенными выгодами ($PV(B)$) и затратами ($PV(C)$), называемой еще чистыми социальными выгодами проекта ($PV(NSB)$):

$$\begin{aligned} \text{Чистая приведенная стоимость} = \\ NPV = PV(B) - PV(C) = PV(NSB). \end{aligned} \quad (3)$$

На восьмом этапе для учета неопределенности при монетизации затрат и выгод, а также выборе ставки дисконтирования для расчета

чистой приведенной стоимости анализируют чувствительность проведенных расчетов к изменению ставки дисконтирования или других параметров.

Наконец, заключительный, девятый этап состоит в подготовке рекомендаций для органов государственной власти и местного самоуправления на основе расчетов чистой приведенной стоимости проектов и анализа чувствительности. Обычно проект с положительной чистой приведенной стоимостью (чистыми социальными выгодами) рекомендуют к реализации, а проекты с отрицательной *NPV* могут быть либо отвергнуты, либо направлены на доработку. Здесь возможны три варианта: 1) необходимо сократить государственные расходы или более эффективно использовать эти средства; 2) нужно привлекать частные инвестиции, которые не учитывают в анализе затраты—выгоды, поскольку они не воздействуют на сектор домохозяйств за счет повышения налогообложения с целью обеспечить финансирование инвестиций (как в случае с государственными расходами); 3) проект не интересен для общества и лучше его вообще не осуществлять, так как соответствующие затраты превысят все возможные выгоды от его реализации.

Анализ затраты—выгоды на примере зимних Олимпийских и Паралимпийских игр-2014 в Сочи (ЗОИ-2014)

Оценки масштабов воздействия ЗОИ-2014 на экономику России варьируют от оптимистичных¹⁷ до крайне пессимистичных¹⁸. В работах Р. М. Нуреева и Е. В. Маркина¹⁹ были определены возможные издержки и выгоды от ЗОИ-2014, проведено сравнение с другими Олимпийскими играми и выделены олимпийские деловые циклы, однако отсутствуют монетизация затрат и выгод и оценка чистой приведенной стоимости ЗОИ-2014.

Согласно данным Федеральной целевой программы «Развитие города Сочи как горноклиматического курорта (2006—2014 гг.)» (далее — ФЦП), все расходы на подготовку к ЗОИ-2014 оцениваются в 316 млрд руб. (около 12 млрд долл.). При этом расчеты экономического эффекта предсказывают позитивное воздействие на экономику Краснодарского края в размере 341 млрд руб.: оно складывается из прямого (179,9 млрд), косвенного (92,9 млрд) и стимулированного (68,2 млрд) экономического эффекта²⁰. Некоторые эксперты предполагают, что в реальности затраты на проведение ЗОИ-2014 достигнут

¹⁷ Клейнер Г. Б. Энергия Олимпиады // Прямые инвестиции. 2010. № 11. С. 14—15.

¹⁸ Немцов Б. Е., Милов В. С. Сочи и Олимпиада: Независимый экспертный доклад. М., 2009.

¹⁹ Нуреев Р. М., Маркин Е. В. Издержки и выгоды олимпийских игр // Общественные науки и современность. 2010. № 1. С. 88—104; Они же. Олимпийский деловой цикл // Тегга Есономісус (Экономический вестник Ростовского государственного университета). 2008. Т. 6, № 3. С. 50—64; Они же. Эти разные олимпийские игры // Там же. 2009. Т. 7, № 3. С. 10—28.

²⁰ Постановление Правительства РФ от 8 июня 2006 г. № 357 «О Федеральной целевой программе „Развитие города Сочи как горноклиматического курорта (2006—2014 гг.)“». С. 3—4.

15,1 млрд долл. при обменном курсе 35 руб./долл.²¹ Такая большая разница в оценках объясняется тем, что в ФЦП не были включены затраты на строительство новой совмещенной автомобильной и железной дороги Адлер—Красная Поляна для соединения приморского и горного кластеров олимпийских объектов. Их в начале 2009 г. Министерство транспорта РФ оценивало в 242 млрд руб.²², а в 2010 г. заказчик проекта — ОАО «РЖД» — объявил о снижении стоимости строительных работ на 6,2% — до 227 млрд руб.²³

Мы проведем анализ затраты—выгоды для определения чистой приведенной стоимости проведения ЗОИ-2014, используя официальные данные заявочных книг Сочи-2014, федеральные законы и постановления правительства РФ, публикации российских СМИ за 2006—2011 гг., а также работы зарубежных экономистов по анализу затраты—выгоды Олимпийских игр (ОИ)-2010 в Ванкувере, ОИ-2008 в Пекине, ОИ-1996 в Атланте и других крупных спортивных соревнований. Поскольку в открытом доступе имеются не все данные о распределении финансовых затрат на строительство олимпийских объектов в Сочи по годам и источникам финансирования, мы вынуждены сделать некоторые допущения. Наш анализ затраты—выгоды будет осуществлен по состоянию на 2006 г., когда Сочи уже был избран кандидатом на проведение ЗОИ-2014, была принята ФЦП и утвержден бюджет Олимпийского комитета для включения в заявочные книги Сочи-2014. Иными словами, наш анализ можно отнести к группе исследований «до реализации проекта». Ввиду ограничений на объем статьи мы объединили в тексте описание этапов 3, 4 и 5.

Главными целями ФЦП были: 1) развитие инфраструктуры г. Сочи для формирования первого в России горноклиматического курорта мирового уровня; 2) обеспечение отечественных спортсменов тренировочными базами и расширение возможностей проведения международных и общероссийских соревнований по зимним видам спорта²⁴; 3) обеспечение конкурентных преимуществ для города в борьбе за право проведения ЗОИ-2014²⁵.

В соответствии с заявленными целями ФЦП содержала два сценария. В сценарии 1 предполагалось избрание в июле 2007 г. Сочи как места проведения ЗОИ-2014, поэтому ФЦП включала реализацию всех основных целей. В сценарии 2 г. Сочи не был выбран для проведения ЗОИ-2014. Тогда ФЦП реализовывалась бы с меньшими финансовыми затратами для достижения только целей 1 и 2. В связи с этим в нашем анализе рассматриваются два альтернативных проекта: проект (1) — проведение ЗОИ-2014 и выполнение целей

²¹ Немцов Б. Е., Милов В. С. Указ. соч. С. 19.

²² Министр Игорь Левитин проверил, как строится дорога Адлер—Красная Поляна // Российская газета. 2009. 30 янв. www.rg.ru/2009/01/30/levitin-anons.html.

²³ Проект строительства дороги Адлер—Альпика-Сервис удешевили на 6% — Якунин // Интерфакс: Сочи. 2010. 10 дек. www.interfax.ru/realty/realtyinf.asp?id=168578&sec=1461.

²⁴ После распада СССР многие базы остались за пределами России, и национальные чемпионаты по некоторым видам спорта проводились за рубежом (бобслей — в Норвегии, прыжки с трамплина — в Германии, а санный спорт — в Дании).

²⁵ О Федеральной целевой программе «Развитие города Сочи как горноклиматического курорта (2006—2014 гг.)». С. 5.

1—3; проект (2) — отсутствие ЗОИ-2014 и выполнение целей 1—2. Соответственно мы сравниваем дополнительные затраты и выгоды при осуществлении проекта (1) с проектом (2) для определения чистой приведенной стоимости ЗОИ-2014. Так как подготовка и проведение ЗОИ-2014 затрагивают многие аспекты российской экономики и общества, мы анализируем затраты—выгоды проекта с точки зрения всех граждан России, а федеральные, региональные органы власти и органы местного самоуправления трактуем как единый государственный сектор²⁶. Временные рамки проведения анализа ограничены 2006—2016 гг. в соответствии с ФЦП и специальным Федеральным законом о проведении ЗОИ-2014 в г. Сочи²⁷.

Для выявления затрат и выгод, связанных с подготовкой и проведением ЗОИ-2014, мы используем подход, разработанный М. Шаффером, А. Гриром и С. Мабуле²⁸ с выделением пяти счетов затрат и выгод, отражающих различные аспекты воздействия Олимпийских игр на экономику, общество и природу страны: (1) государство; (2) жители страны (сектор домохозяйств); (3) окружающая среда; (4) экономическое развитие; (5) социальное развитие (см. Прил. 1).

(1) Счет государства²⁹

В счет государства были включены следующие затраты.

1.1.1. Дополнительные затраты ФЦП в сценарии 1 по сравнению со сценарием 2. Для удобства сравнения с другими Олимпийскими играми объемы финансирования в ФЦП, указанные в номинальных ценах и в рублях, были переведены в цены 2006 г.³⁰ и конвертированы

²⁶ К государственному сектору мы также относим государственные корпорации, учрежденные Российской Федерацией, в частности Государственную корпорацию «Олимпстрой», которая была создана после выбора г. Сочи как места проведения ЗОИ-2014 (см.: Федеральный закон от 30 октября 2007 г. № 238-ФЗ «О государственной корпорации по строительству олимпийских объектов и развитию города Сочи как горноклиматического курорта». base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=LAW;n= 103265#A352C1A568972E41CB-4DB616EED8847).

²⁷ Федеральный закон от 1 декабря 2007 г. № 310-ФЗ «Об организации и о проведении XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 года в городе Сочи, развитии города Сочи как горноклиматического курорта и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=LAW;n=103339#4DB99202EC5AA87EE4655C66119C080E.

²⁸ *Shaffer M., Greer A., Mauboules C.* Op. cit. P. 10.

²⁹ В отличие от расчетов для других Олимпийских игр мы не включаем в данный счет возможные налоговые потери, так как Оргкомитет Сочи-2014 является автономной некоммерческой организацией, взносы и пожертвования в бюджет Оргкомитета не облагаются налогом на прибыль организаций, продажа билетов на мероприятия ЗОИ-2014 не будет облагаться налогом на добавленную стоимость, а недвижимость, построенная для проведения Олимпиады, — налогом на имущество как в процессе строительства, так и в течение пяти лет после проведения ЗОИ-2014, поскольку в Сочи будет сформирована новая особая экономическая зона (Sochi 2014 Candidate City Bid books. 16 Themes / Sochi 2014 Olympic Committee. 2007. Theme 6. P. 95).

³⁰ Для приведения к ценам 2006 г. с помощью индекса-дефлятора мы использовали годовые индексы потребительских цен (ИПЦ) Росстата (11,9% — в 2007 г., 13,3% — в 2008 г., 8,8% — в 2009 и 2010 гг.), целевой прогноз инфляции Правительства РФ к 2012 г. в размере 7% (Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2012 года. Утверждены распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1663-р. www.protown.ru/information/doc/4299.html) и нашу экстраполяцию ожидаемого ИПЦ в остальные годы (7,5% — в 2011 г., 6,5 — в 2013 г. и 6% — в 2014 г.).

в доллары США³¹. Из общих расходов мы исключили внебюджетные источники для анализа расходования только бюджетных средств. Затем мы вычли расходы федерального и регионального бюджетов, предусмотренные в сценарии 2 в размере 1,81 млрд долл., из расходов федерального и регионального бюджетов, определенных в сценарии 1 в размере 4,82 млрд долл. Мы также исключили взнос из федерального и регионального бюджетов в Олимпийский комитет ЗОИ-2014 в размере 338 млн долл., так как, исходя из методологии анализа затраты—выгоды, это государственный трансферт (см. Прил. 2). Полученные дополнительные затраты в размере 2,67 млрд долл., распределенные по 2006—2014 гг. в соответствии с ФЦП, были включены в наш анализ.

1.1.2. Все запланированные расходы Олимпийского комитета ЗОИ-2014 в размере 1416,3 млн долл. в ценах 2006 г. взяты из заявочной книги № 6³² (расшифровка затрат представлена в Прил. 3).

1.1.3. Дополнительные средства, не учтенные в ФЦП, на строительство совмещенной автомобильной и железной дороги Адлер—Красная Поляна (Альпика-Сервис), которая будет доставлять участников и зрителей из приморского кластера в горный кластер олимпийских объектов всего за 27 минут³³. Поскольку точный бюджет этого проекта не был опубликован, мы распределили 227 млрд руб. равными частями в течение всего времени реализации проекта (2009—2013 гг.). Исходя из существующей практики Министерства транспорта РФ, согласно которой объемы финансирования подсчитываются в ценах соответствующих лет³⁴, мы привели полученные ежегодные инвестиции в размере 45,4 млрд руб. к ценам 2006 г. и конвертировали их в доллары по аналогии с финансированием ФЦП, указанным в п. 1.1.1, получив итоговую стоимость совмещенной дороги в размере 5,16 млрд долл.

1.1.4. Затраты на эксплуатацию спортивных объектов после проведения ЗОИ-2014. На основе данных ФЦП мы сначала составили список из 11 спортивных сооружений, которые будут возведены исключительно для ЗОИ-2014, и выделили из них 6 объектов, которые будут находиться в федеральной собственности или собственности регионов³⁵. Общие

³¹ Конвертацию показателей из рублей в доллары мы проводили с использованием обменного курса, взятого из заявочных книг Сочи-2014 и равного 27,57 руб./долл. (Sochi 2014 Candidate City Bid books. Theme 6. P. 99).

³² Sochi 2014 Candidate City Bid books. Theme 6. P. 90—107.

³³ Компактность олимпийских объектов рассматривалась как одно из главных конкурентных преимуществ Сочи перед другими городами-кандидатами (Sochi 2014 Candidate City Bid books. Theme 8. P. 9).

³⁴ См., например: Постановление Правительства РФ от 05.12.2001 г. № 848 «О Федеральной целевой программе „Модернизация транспортной системы России (2002—2012 годы)“». base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=86310; Постановление Правительства РФ от 05.12.2001 г. № 848 (ред. от 18.04.2010 г.) «О Федеральной целевой программе „Модернизация транспортной системы России (2010—2015 годы)“». base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=113315.

³⁵ В федеральной собственности или собственности регионов останутся: Центральный стадион (40 тыс. мест), Малая ледовая арена для хоккея с шайбой (7 тыс. мест), Ледовая арена для керлинга (3 тыс. мест), Крытый конькобежный центр (8 тыс. мест), Ледовый дворец спорта для фигурного катания и шорт-трека (12 тыс. мест) и Комплекс трамплинов (15 тыс. мест). В частной собственности будут находиться: Основная олимпийская деревня в Имеретинской низменности, Сноуборд-парк, Фристайл-центр, Пресс-центр и Международный телецентр (О Федеральной целевой программе «Развитие города Сочи как горноклиматического курорта (2006—2014 гг.)». С. 31—31).

расходы на их эксплуатацию в 2014—2016 гг. мы оценили в 150,4 млн долл. в год в ценах 2006 г., исходя из эксплуатационных расходов в размере около 50 тыс. руб. за одно зрительское место в ценах 2005 г.³⁶

Учитывая планы Министерства регионального развития РФ после проведения ЗОИ-2014 перенести Малую ледовую арену во Владикавказ, Ледовую арену для керлинга — в Ростов-на-Дону, перепрофилировать Ледовый дворец для фигурного катания и шорт-трека в велотрек, а Крытый конькобежный центр — в выставочный центр³⁷, мы оценили разовые затраты на реализацию этих планов в размере 20% от сметной стоимости этих объектов, представленной в ФЦП (1,44 млрд руб. или 52,3 млн долл.) и включили их в затраты на 2014 г.

1.1.5. Затраты на выплаты купонного дохода по государственным облигациям, исходя из предположения, что $\frac{1}{3}$ государственных расходов на строительство олимпийских объектов в 2010—2014 гг. будет финансироваться за счет внешних займов ввиду текущего дефицита федерального бюджета. Стоимость заимствований в размере 3,625% нами принята из расчета ставки купонного дохода по внешнему облигационному займу, размещенному на Лондонской фондовой бирже в апреле 2010 г.³⁸

1.1.6. Дополнительное избыточное налоговое бремя (marginal excess tax burden), связанное с повышением налогов для финансирования проведения ЗОИ-2014. Мы нашли соответствующую оценку, равную 0,67, в статье Г. Крупениной, С. Мовшовича и М. Богдановой³⁹. Однако с 1998 г. налоговая система в России претерпела значительные изменения и стала одной из наиболее простых в мире. Поэтому мы полагаем, что снижение дополнительного избыточного налогового бремени в два раза — до 0,33 — для нашего анализа было бы оправданным, тем более это совпадает с оценкой избыточного налогового бремени для США⁴⁰. Таким образом, дополнительное избыточное налоговое бремя в долларовом выражении рассчитано путем умножения $\frac{2}{3}$ государственных расходов на подготовку ЗОИ-2014, профинансированных из госбюджета, на 0,33.

В счет государства мы включили следующие выгоды.

1.2.1. Все запланированные доходы Олимпийского комитета ЗОИ-2014 в размере 862,2 млн долл. в ценах 2006 г., взятые из заявочных книг Сочи-2014, за исключением взноса из федерального

³⁶ За основу были взяты данные из публикации о средних расходах на содержание Ледового дворца в Рязани в 2005 г. (Ледовый дворец в день революции // Вечерняя Рязань. 2005. 3 нояб.). Для расчета общих расходов на эксплуатацию мы привели 50 тыс. руб. к ценам 2006 г. с учетом ИПЦ, равным 9%, и конвертировали в доллары, а затем умножили полученные 2005 долл. на общее количество мест на всех шести объектах (75 тыс. мест).

³⁷ Олимпийские объекты перепрофилируют и передвинут // Sostav.ru. 2011. 11 янв. www.sostav.ru/news/2011/01/11/cod9/.

³⁸ Приказ Министерства финансов Российской Федерации от 23 апреля 2010 г. № 244 «Об эмиссии облигаций внешних облигационных займов Российской Федерации». www.minfin.ru/common/img/uploaded/library/2010/04/prik244_ot_230410.PDF.

³⁹ Krupenina G., Movshovich S., Bogdanova M. The Marginal Excess Burden of Taxes in the Russian Transition // Economic Education and Research Consortium, Russian Economic Research Program Working Paper. 1998. No 98/05.

⁴⁰ Boardman A. E., Greenberg D. H., Vining A. R., Weimer D. L. Op. cit.

и регионального бюджетов в размере 338,1 млн долл. (расшифровка доходов представлена в Прил. 3).

1.2.2. Сэкономленные затраты на строительство альтернативной новой дороги Сочи—Красная Поляна длиной 45 км, которая не затрагивала бы охраняемые территории и имела бы меньшую сметную стоимость. При этом мы приняли наиболее пессимистичную оценку стоимости ее строительства — 50 млн долл. за погонный километр дороги⁴¹. Итоговую стоимость в размере 2,25 млрд долл. мы распределили равномерно на протяжении 2009—2013 гг.

1.2.3. Доходы, полученные от эксплуатации спортивных сооружений после ЗОИ-2014, которые мы оценили в 30,4 млн долл. в год из расчета 50-процентной заполняемости шести стадионов (Центральный стадион, Малая ледовая арена, Комплекс трамплинов, Ледовый дворец спорта, Крытый конькобежный центр и Ледовая арена для керлинга) общей вместимостью 85 тыс. зрителей при допущении о проведении 24 соревнований в год на каждом стадионе, средней цене билета 20 долл. и доходах от продажи прав на телевизионную трансляцию в размере 10 млн долл.⁴²

1.2.4. Сэкономленные затраты на проведение национального чемпионата по прыжкам с трамплина за границы, которые из-за отсутствия достаточной информации нам не удалось монетизировать.

(2) Счет жителей страны (сектор домохозяйств)

К затратам по данному счету были отнесены сложности с дорожным движением в Сочи при подготовке к мероприятию (2.1.1). К выгодам — как моральный аспект проведения ЗОИ-2014 (гордость и радость населения от проведения Олимпиады (2.2.1) и возможность посетить соревнования (2.2.2)), так и осязаемые улучшения для жителей Краснодарского края (новое жилье и объекты инфраструктуры (2.2.3)). В рамках данной статьи вклад этих факторов оценить сложно, так как требуются дополнительные исследования готовности россиян платить за проведение ЗОИ-2014 и выгод для туристов и жителей Сочи от новой транспортной инфраструктуры и жилья после 2014 г., а также дополнительные расчеты ущерба от ежедневных пробок в городе из-за интенсивного дорожного строительства⁴³. Поэтому количественно счет жителей страны (сектор домохозяйств) не был оценен.

(3) Счет окружающей среды

В данный счет включены только затраты, поскольку, несмотря на программу объемом 305 млн долл. по использованию «зеленых» техно-

⁴¹ Немцов Б. Е., Милов В. С. Указ. соч. С. 23—24.

⁴² $24 \times 20 \text{ долл.} \times (85\,000/2) + 10\,000\,000 \text{ долл.} = 30\,400\,000 \text{ долл.}$

⁴³ Например, в июле 2009 г. на единственном шоссе, связывающем Адлер и аэропорт Сочи с центром города, ежедневно образовывались пробки длиной 20 км (Гланин И. Сочи в транспортном кольце // Время новостей. 2009. 4 авг. www.newstime.ru/2009/138/4/234457.html).

логий в процессе подготовки и проведения ЗОИ-2014, строительство олимпийских объектов происходит в непосредственной близости от Кавказского государственного природного биосферного заповедника, включенного в список Всемирного природного и культурного наследия ЮНЕСКО, а совмещенная автомобильная и железная дорога Адлер—Красная Поляна пройдет через территорию Национального парка «Сочинский». Пока точных оценок негативного воздействия на флору и фауну (3.1.1) нет⁴⁴, поэтому в нашем анализе эти затраты не были монетизированы.

В качестве затрат в счет окружающей среды мы включили штрафы за нарушение природоохранного законодательства (3.1.2), так как взысканные денежные средства должны быть направлены на восстановление естественных ландшафтов. Министерство природных ресурсов РФ после проведения около 80 внеплановых проверок в 2009 г. выявило 150 нарушений, за которые взыскало со строителей олимпийских объектов 1,8 млрд руб. (43,5 млн долл. в ценах 2006 г.), включенные в затраты в наших расчетах⁴⁵.

(4) Счет экономического развития

Этот счет обобщает воздействие ЗОИ-2014 на доходы населения и создание новых рабочих мест. Опыт предыдущих Олимпийских игр⁴⁶ подсказывает, что строительные работы и проведение ЗОИ-2014 оказывают определенное негативное воздействие на малое и среднее предпринимательство, поэтому в случае Сочи мы включили этот возможный эффект вытеснения местного бизнеса (4.1.1) как затраты, но без монетизации.

К позитивным воздействиям на экономику относится создание новых рабочих мест (4.2.1) и увеличение потока туристов из-за рубежа (4.2.2). Расчеты, проведенные в ФЦП, предполагали создание в Краснодарском крае 89,7 тыс. новых постоянных и 152 тыс. временных рабочих мест, из них в Сочи соответственно 45 тыс. и 52 тыс. мест. При этом ФЦП предусматривала привлечение по меньшей мере 30 тыс. мигрантов для удовлетворения возросшего спроса на рабочую силу⁴⁷. Учитывая, что строительные компании могут предпочесть иностранных мигрантов, с точки зрения анализа затраты—выгоды это будет чистым трансфертом денежных средств за

⁴⁴ На это было указано в отчете Комиссии Программы ООН по окружающей среде (ЮНЕП), осуществляющей мониторинг экологической ситуации вокруг строительных работ в Сочи (Sochi 2014. Report on the UNEP 2nd Expert Mission. 28–30 Jan., 2010 / United Nations Environment Programme (UNEP). 2010).

⁴⁵ МПР взыскало со строителей олимпийских объектов в Сочи 1,8 млрд рублей / РИА Новости // РIAN.Ру. 2010. 16 марта. eco.rian.ru/business/20100316/214729557.html.

⁴⁶ Например, проведение летних Олимпийских игр-1996 в Атланте крайне негативно повлияло на местный ресторанный бизнес. Заметно сократился объем продаж во время Олимпиады в магазинах и домах отдыха даже в 150 милях от Атланты (Owen J. G. Op. cit. P. 7).

⁴⁷ Постановление Правительства РФ от 8 июня 2006 г. № 357 «О Федеральной целевой программе „Развитие города Сочи как горноклиматического курорта (2006–2014 гг.)“». С. 124.

рубеж. Увеличение занятости за счет трудовых ресурсов из других регионов России также вероятно, однако, опираясь на опыт предыдущих Олимпиад⁴⁸, можно предположить, что оно будет временным, поэтому общий эффект от создания новых рабочих мест на экономику остается неопределенным.

Увеличение потока туристов из-за рубежа как результат проведения ЗОИ-2014 в Сочи и общего улучшения инфраструктуры города-курорта должно быть, по нашему мнению, одной из главных целей реализации ФЦП, как это было предусмотрено организаторами, например, Олимпиады-2010 в Ванкувере⁴⁹. Однако повышение объема экспорта туристских услуг Краснодарского региона не отражено в оценке экономического эффекта, представленного в ФЦП, поэтому мы не монетизировали эту статью.

(5) Счет социального развития

Данный счет включает затраты и выгоды, воздействующие на социальное развитие общества. К затратам мы отнесли вынужденное переселение около 400 владельцев частных домов и жителей 32 многоквартирных домов в Имеретинской низменности (5.1.1), что характерно и для предыдущих Олимпийских игр⁵⁰. Для монетизации этих затрат мы используем экспертную оценку компенсации одному домовладельцу в размере 1,5 млн долл. и на один многоквартирный дом — 12,5 млн долл.⁵¹ В результате возможные затраты на компенсации составили 1 млрд долл.⁵² К социальным выгодам от проведения ЗОИ-2014 можно отнести распространение бесплатных билетов на спортивные мероприятия Олимпиады для жителей Сочи (5.2.1). Однако из-за отсутствия точных данных о числе билетов, предусмотренных для такого распространения, мы не смогли монетизировать эти выгоды.

Распределение затрат и выгод по всем пяти счетам с разбивкой на статьи представлено в Приложении 3. Суммарные затраты по всем статьям составили 11,21 млрд долл., а выгоды — 3,17 млрд долл. Для нахождения чистой приведенной стоимости проекта мы использовали ставку дисконтирования 3,5%, рассчитанную американскими экономистами для проектов с госфинансированием⁵³, а также рисковую премию для России в размере 3%, предложенную специалистами Всемирного

⁴⁸ Исследование Д. Грина динамики занятости в связи с проведением Олимпийских игр-1980 в Лейк-Плэсиде, ОИ-1988 в Калгарии, ОИ-2002 в Солт-Лейк-Сити показало, что резкий рост числа рабочих мест, связанный с проведением интенсивных строительных работ в подготовительный период, сменялся таким же резким их сокращением после завершения Олимпиад (*Green D. A. Olympic Impacts: Should We Expect an Employment Boom? / Canadian Center for Policy Alternatives — British Columbia office. 2003. Feb. P. 8*).

⁴⁹ *The Economic Impact of the Winter Olympic and Paralympic Games / Capital Projects Branch...*

⁵⁰ Например, перед проведением ЗОИ-1988 в Калгари около 740 жителей были выселены из двух доходных домов, а 1450 студентов — из студенческих общежитий. Перед Олимпиадой-1996 в Атланте из своих квартир было выселено около 30 тыс. малоимущих жителей (*Shaffer M., Greer A., Mauboules C. Op. cit. P. 23*).

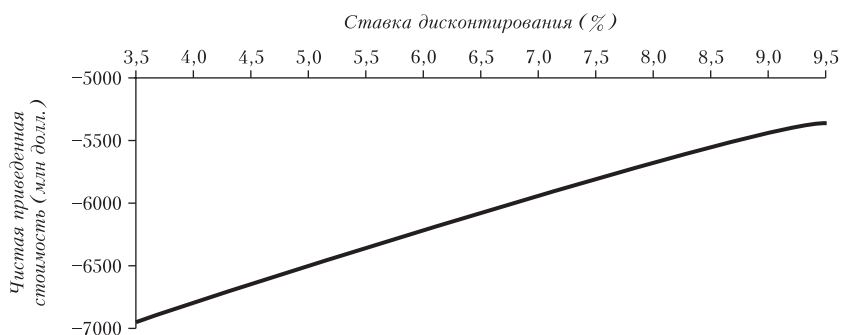
⁵¹ *Немцов Б. Е., Милов В. С. Указ. соч. С. 18.*

⁵² $1\,500\,000\text{ долл.} \times 400 + 12\,500\,000\text{ долл.} \times 32 = 1\,000\,000\,000\text{ долл.}$

⁵³ *Boardman A. E., Greenberg D. H., Vining A. R., Weimer D. L. Op. cit.*

банка⁵⁴. В результате приведения к стоимости 2006 г. затрат и выгод со ставкой дисконтирования 6,5% с использованием формул (1) и (2) *чистая приведенная стоимость ЗОИ-2014*, рассчитанная по формуле (3), *равна минус 6,01 млрд долл.* (см. Прил. 4). Коэффициент отношения выгод к затратам составляет только 0,272⁵⁵, поэтому можно сделать вывод: никакая реально возможная ставка дисконтирования не обеспечит данному проекту положительную чистую приведенную стоимость (анализ чувствительности ее расчетов представлен на рисунке)⁵⁶.

Анализ чувствительности для проекта по подготовке и проведению ЗОИ-2014 в г. Сочи

Источник: расчеты автора.

Рис.

Выводы из анализа затраты—выгоды зимних Олимпийских и Паралимпийских игр-2014 в Сочи

Во-первых, наш анализ затраты—выгоды показал: Олимпиада в Сочи, как и ожидалось, с экономической точки зрения — убыточный проект, что полностью соответствует общемировой тенденции проведения Олимпийских игр с негативным финансовым результатом⁵⁷. Все выгоды от проведения ЗОИ-2014, которые нам удалось монетизировать, относятся к счету государства. Вместе с тем большинство затрат также связаны с ним, поэтому итоговый результат по этому счету — глубоко отрицательный. Счет окружающей среды вносит только негативный

⁵⁴ Bogetic Z., Smits K., Budina N., van Wijnbergen S. Long-Term Fiscal Risks and Sustainability in an Oil-Rich Country: The Case of Russia / The World Bank, Europe and Central Asia Region, PREM Department. 2010. March.

⁵⁵ Этот коэффициент рассчитывается как отношение приведенных выгод к приведенным затратам, в данном случае: 2 241 513 770 долл. / 8 251 239 559 долл. = 0,272.

⁵⁶ Внутренняя норма доходности проекта (ставка дисконтирования, при которой чистая приведенная стоимость проекта равна нулю) составляет 236%.

⁵⁷ Например, после Олимпийских игр-1992 в Барселоне долг центрального правительства составил 4 млрд долл., а правительства Каталонии — 2,1 млрд долл. Олимпийский комитет ЗОИ-1998 в Нагано получил прибыль в размере 28 млн долл., но различные уровни государственной власти Японии накопили общий долг в размере 11 млрд долл. Долг свыше 10 млрд долл. накопили правительства Греции и Китая после Олимпиады-2004 в Афинах и Олимпиады-2008 в Пекине (Zimbalist A. Op. cit. P. 10). При этом значительные долговые обязательства накапливали в первую очередь правительства тех стран и регионов, которые финансировали значимые инфраструктурные проекты, связанные с проведением Олимпиад (Preuss H. Op. cit. P. 254).

вклад в итоговый результат, который нам удалось монетизировать лишь частично. В рамках данной статьи не удалось рассчитать затраты и выгоды по счету жителей страны (сектор домохозяйств), но можно предположить, что его вклад был бы глубоко положительным за счет больших выгод, связанных с моральным подъемом в стране из-за проведения Олимпиады. Баланс по счету социального развития — негативный за счет расходов на компенсации переселенным жителям, однако в итоге его вклад может оказаться менее отрицательным, если бесплатные билеты на соревнования будут массово распространять. Наконец, вклад по счету экономического развития двойственный. С одной стороны, ожидается создание 89,7 тыс. новых рабочих мест, однако ввиду значительной отрицательной приведенной стоимости проекта они окажутся весьма дорогими для государства, так как стоимость создания одного такого рабочего места составит почти 67 тыс. долл.⁵⁸ С другой стороны, возможный эффект от увеличения числа иностранных туристов не был учтен в ФЦП, поэтому, вероятно, рост экспорта услуг за рубеж в долгосрочной перспективе позволит сократить убытки от проведения ЗОИ-2014.

Во-вторых, оценки чистых расходов на подготовку и проведение ЗОИ-2014 были сильно завышены как независимыми экспертами, так и представителями органов государственной власти. Причины были следующие: (1) при расчетах не были учтены инфляция и необходимость дисконтировать денежные потоки; (2) в расходах на проведение ЗОИ-2014 учитывались затраты ФЦП, предусмотренные также в сценарии 2, которые все равно пришлось бы осуществлять вне зависимости от того, был бы Сочи выбран в качестве места проведения ЗОИ-2014 или нет.

В-третьих, строительство альтернативной дороги Сочи—Красная Поляна позволило бы сэкономить часть средств и снизить негативную чистую приведенную стоимость проекта с минус 6,01 млрд до минус 5,49 млрд долл. (В данном случае расходы на строительство дороги Адлер—Красная Поляна (Альпика-Сервис) не учитываются как альтернативные издержки, поскольку дорога не была бы построена без проведения ЗОИ-2014.)

В-четвертых, реализация ряда мер позволила бы значительно сократить затраты на проведение ЗОИ-2014 и, возможно, обеспечить окупаемость проекта в долгосрочной перспективе. К таким мерам можно отнести: (1) экономное расходование имеющихся средств в процессе возведения дорожной инфраструктуры для проведения ЗОИ-2014, чтобы не допустить непредвиденного увеличения затрат; (2) эффективное использование администрацией Краснодарского края новой инфраструктуры для привлечения как можно большего числа иностранных туристов с целью увеличить чистый экспорт услуг за рубеж для экономики как региона, так и страны в целом; (3) минимизацию влияния строительных работ на малое и среднее предпринимательство, местных жителей и приезжающих туристов, чтобы избежать эффекта

⁵⁸ Стоимость создания одного нового рабочего места составит: 6 009 725 789 долл. / 89 700 рабочих мест = 66 998 долл./раб. место.

вытеснения местного бизнеса; (4) выработку федеральными и региональными органами власти эффективных стратегий использования спортивных объектов после Олимпиады для минимизации убытков от их эксплуатации; (5) жесткий контроль за соблюдением природоохранного законодательства, чтобы уменьшить негативное воздействие строительных работ на экосистему региона.

Приложение 1

**Оценка затрат и выгод от проведения
зимних Олимпийских и Паралимпийских игр-2014 в Сочи**

Затраты	Выгоды
<i>Счет государства</i>	
1.1.1. ФЦП «Развитие города Сочи как горноклиматического курорта (2006–2014 гг.)» — дополнительные затраты в сценарии 1 по сравнению с затратами в сценарии 2	1.2.1. Доходы Олимпийского комитета ЗОИ-2014 в Сочи
1.1.2. Расходы Олимпийского комитета ЗОИ-2014 в Сочи	1.2.2. Сэкономленные затраты на строительство новой дороги Сочи—Красная Поляна
1.1.3. Дополнительные расходы на инфраструктуру — новая совмещенная автомобильная и железная дорога Адлер—Красная Поляна	1.2.3. Доходы, полученные от эксплуатации спортивных сооружений после ЗОИ-2014 в Сочи
1.1.4. Затраты на перенос/перепрофилирование и эксплуатацию спортивных сооружений после проведения ЗОИ-2014	1.2.4. Сэкономленные затраты на проведение национального чемпионата по прыжкам с трамплина за границей
1.1.5. Затраты на выплату купонного дохода по государственным облигациям	
1.1.6. Дополнительное избыточное налоговое бремя	
<i>Счет жителей страны (сектор домохозяйств)</i>	
2.2.1. Сложности с дорожным движением во время подготовки ЗОИ-2014 в Сочи	2.2.1. Моральный аспект: гордость за свою страну и радость от проведения ЗОИ-2014 в Сочи
	2.2.2. Возможность посетить спортивные соревнования в рамках ЗОИ-2014 в Сочи
	2.2.3. Новое жилье, новые объекты инфраструктуры и транспорта
<i>Счет окружающей среды</i>	
3.1.1. Ущерб, наносимый окружающей среде	
3.1.2. Штрафы за нарушение законодательства об окружающей среде	
<i>Счет экономического развития</i>	
4.1.1. Возможный эффект вытеснения местного предпринимательства при подготовке и проведении ЗОИ-2014 в Сочи	4.2.1. Создание новых постоянных рабочих мест
	4.2.2. Увеличение количества туристских прибытий из-за рубежа во время и после проведения ЗОИ-2014 в Сочи
<i>Счет социального развития</i>	
5.1.1. Переселение резидентов г. Сочи при подготовке ЗОИ-2014	5.2.1. Бесплатные билеты на мероприятия ЗОИ-2014 для жителей г. Сочи

Источник: составлено автором на основе системы счетов, предложенных в: Shaffer M., Greer A., Mauboules C. Op. cit.

**Расчет дополнительных государственных расходов
на проведение зимних Олимпийских и Паралимпийских игр-2014 в г. Сочи**

	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	Всего
<i>Сценарий 1 (номинальные цены, млн руб.)</i>										
Общий объем финансирования ФЦП «Развитие города Сочи...»	5099	29 012	41 530	42 746	44 285	46 189	38 280	36 960	32 241	316 341
финансирование из федерального бюджета	697	19 938	31 430	27 286	22 180	27 153	26 270	22 119	8386	185 461
финансирование из бюджета Краснодарского края	24	1633	1290	1467	1234	1824	1214	548	0	9235
внебюджетные источники (частные инвестиции)	4377	7441	8810	13 993	20 871	17 211	10 796	14 292	23 855	121 646
Общие государственные расходы (федеральные + региональные)	722	21 571	32 719	28 753	23 414	28 978	27 484	22 668	8386	194 696
Корректировка с учетом индекса потребительских цен, %	0,00	11,90	13,30	8,80	8,80	7,50	7,00	6,50	6,00	
Индекс-дефлятор	1,00	1,12	1,27	1,38	1,50	1,61	1,73	1,84	1,95	
Общие госрасходы, млн руб.	722	19 277	25 807	20 845	15 601	17 961	15 921	12 330	4303	132 768
Общие госрасходы, млн долл. (обм. курс 27,57 руб./долл.)	26	699	936	756	566	651	577	447	156	4816
<i>Сценарий 2 (номинальные цены, млн руб.)</i>										
Общий объем финансирования ФЦП «Развитие города Сочи...»	9675	22 442	24 257	19 647	14 886	13 905	10 169	7816	73	122 868
финансирование из федерального бюджета	4913	13 481	15 191	8058	2037	4179	5380	3528	73	56 839
финансирование из бюджета Краснодарского края	384	1540	1216	1008	1118	1630	1007	468	0	8371
внебюджетные источники (частные инвестиции)	4377	7420	7850	10 582	11 731	8095	3782	3820	0	57 658
Общие государственные расходы (федеральные + региональные)	5298	15 021	16 407	9065	3155	5809	6387	3995	73	65 210
Корректировка с учетом индекса потребительских цен, %	0,00	11,90	13,30	8,80	8,80	7,50	7,00	6,50	6,00	
Индекс-дефлятор	1,00	1,12	1,27	1,38	1,50	1,61	1,73	1,84	1,95	
Общие госрасходы, млн руб.	5298	13 424	12 941	6572	2102	3601	3700	2173	37	49 848
Общие госрасходы, млн долл. (обм. курс 27,57 руб./долл.)	192	487	469	238	76	131	134	79	1	1808
Дополнительные госрасходы на ЗОИ-2014	-166	212	467	518	490	521	443	368	155	3008
минус государственные трансферты Олимпийскому комитету	0	4	22	26	10	0	0	32	245	338
Скорректированные дополнительные госрасходы на ЗОИ-2014 в Сочи, млн долл.	-166	208	445	492	480	521	443	337	-91	2670

Источники: расчеты автора на основе данных: О Федеральной целевой программе «Развитие города Сочи как горноклиматического курорта (2006 – 2014 гг.)»; Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2012 года.

**Монетизированные по соответствующим годам затраты и выгоды проекта
по подготовке и проведению зимних Олимпийских и Паралимпийских игр 2014 г. в г. Сочи (млн долл., в ценах 2006 г.)**

	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	Всего
Выгоды												
Общие выгоды	0	0	2,0	452,1	484,4	564,4	525,0	768,1	286,1	46,4	44,5	3173,0
Общие затраты	-166,0	239,3	495,7	2740,6	1803,2	1751,5	1651,4	1690,3	670,4	166,4	164,4	11 207,4
Счет государства												
1.2.1. Доходы Олимпийского комитета, в том числе:												
банковские кредиты	0	0	0	0	0	0	0	0	23,0	0	0	23,0
взнос Международного олимпийского комитета	0	0	0	0	6,2	74,4	15,5	89,9	124,0	0	0	310,0
спонсорские взносы	0	0	0	0	0	0	0	8,8	15,8	9,6	9,6	43,8
другие доходы	0	0	2,0	2,1	28,2	40,0	59,5	219,4	123,3	6,4	4,4	485,5
1.2.2. Сэкономленные затраты на строительство новой дороги Сочи—Красная Поляна	0	0	0	450,0	450,0	450,0	450,0	450,0	0	0	0	2250,0
1.2.3. Доходы, полученные от эксплуатации спортивных сооружений после ЗОИ-2014	0	0	0	0	0	0	0	0	0	30,4	30,4	60,8
1.2.4. Сэкономленные затраты на проведение национального чемпионата по прыжкам с трамплина за границей	Нет данных											
Затраты												
1.1.1. Дополнительные государственные расходы по ФЦП «Развитие города Сочи...»	-166,0	239,3	495,7	1740,6	1759,7	1751,5	1651,4	1690,3	670,4	166,4	164,4	10 163,9
1.1.2. Расходы Олимпийского комитета, в том числе:												
операционные	0	4,0	23,7	27,8	44,2	62,1	124,4	352,7	531,3	4,9	2,2	1177,3
обслуживание банковских кредитных линий	0	27,0	27,0	27,0	27,0	27,0	27,0	27,0	27,0	0	0	216,0
обслуживание банковских кредитов	0	0	0	0	0	0	0	0	0	11,2	11,9	23,0
1.1.3. Дополнительные расходы на инфраструктуру — новая совмещенная автомобильная и железная дорога Адлер—Красная Поляна	0	0	0	1193,8	1097,2	1020,7	953,9	895,7	0	0	0	5161,3
1.1.4. Затраты на перенос/перепрофилирование и эксплуатацию спортивных сооружений после проведения ЗОИ-2014	0	0	0	0	0	0	0	0	202,6	150,4	150,4	503,4
1.1.5. Затраты на выплату купонного дохода по государственным облигациям	0	0	0	0	5,8	6,3	5,4	4,1	0	0	0	21,5
1.1.6. Дополнительное избыточное налоговое бремя	0	0	0	0	105,6	114,6	97,5	74,1	0	0	0	391,8

	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	Всего
Счет окружающей среды												
Затраты	0	0	0	0	43,5	0	0	0	0	0	0	43,5
3.1.1. Ущерб, наносимый окружающей среде	Нет данных											
3.1.2. Штрафы за нарушение законодательства об окружающей среде (1,8 млрд руб. в 2010 г.)	0	0	0	0	43,5	0	0	0	0	0	0	43,5
Счет социального развития												
Выгоды												
5.2.1. Бесплатные билеты на мероприятия ЗОИ-2014 для жителей г. Сочи	Нет данных											
Затраты	0	0	0	1000,0	0	0	0	0	0	0	0	1000,0
5.1.1. Переселение резидентов г. Сочи при подготовке ЗОИ-2014	0	0	0	1000,0	0	0	0	0	0	0	0	1000,0
Счет экономического развития												
Выгоды	Создание 89,7 тыс. новых постоянных рабочих мест											
4.2.1. Создание новых постоянных рабочих мест	Нет данных											
4.2.2. Увеличение потока туристов из-за рубежа во время и после проведения ЗОИ-2014	(можно ожидать временный рост во время ЗОИ-2014)											
Затраты	Нет данных											
4.1.1. Возможный эффект вытеснения местного предпринимательства при подготовке и проведении ЗОИ-2014	(общее воздействие не определено)											
Счет жителей страны (сектор домохозяйств)												
Выгоды	Нет данных											
2.2.1. Моральный аспект: гордость за свою страну и радость от проведения ЗОИ-2014	Нет данных											
2.2.2. Возможность посетить спортивные соревнования в рамках ЗОИ-2014	Нет данных											
2.2.3. Новое жилье, новые объекты инфраструктуры и транспорта	Нет данных											
Затраты	Нет точных данных (негативный эффект получен уже в 2009–2010 гг.)											
2.1.1. Сложности с дорожным движением во время подготовки ЗОИ-2014												

Источники: расчеты автора на основе данных: О Федеральной целевой программе «Развитие города Сочи как горноклиматического курорта (2006–2014 гг.)»; Sochi 2014 Candidate City Bid books; *Немиров Б. Е., Милова В. С.* Указ. соч.; МПР взыскало со строителей олимпийских объектов в Сочи 1,8 млрд рублей / РИА Новости.

Затраты и выгоды проекта по подготовке и проведению зимних Олимпийских и Паралимпийских игр 2014 г. в г. Сочи, приведенные к стоимости 2006 г. (млн долл., ставка дисконтирования 6,5%)

	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	Всего
Чистая приведенная стоимость проекта ЗОИ-2014	166,0	-224,7	-435,3	-1894,5	-1025,1	-866,4	-772,0	-593,5	-232,3	-68,1	-63,9	-6009,7
Общие выгоды	0	0	1,8	374,3	376,5	411,9	359,8	494,3	172,8	26,4	23,7	2241,5
Общие затраты	-166,0	224,7	437,0	2268,8	1401,6	1278,4	1131,8	1087,7	405,1	94,4	87,6	8251,2
Счет государства												
Выгоды	0	0	1,8	374,3	376,5	411,9	359,8	494,3	172,8	26,4	23,7	2241,5
1.2.1. Доходы Олимпийского комитета, в том числе:												
банковские кредиты	0	0	0	0	0	0	0	0	13,9	0	0	13,9
взнос Международного олимпийского комитета	0	0	0	0	4,8	54,3	10,6	57,9	74,9	0	0	202,5
спонсорские взносы	0	0	0	0	0	0	0	5,6	9,5	5,5	5,1	25,7
другие доходы	0	0	1,8	1,8	21,9	29,2	40,8	141,2	74,5	3,6	2,4	317,2
1.2.2. Сэкономленные затраты на строительство новой дороги Сочи—Красная Поляна	0	0	0	372,5	349,8	328,4	308,4	289,6	0	0	0	1648,8
1.2.3. Доходы, полученные от эксплуатации спортивных сооружений после ЗОИ-2014	0	0	0	0	0	0	0	0	0	17,2	16,2	33,4
1.2.4. Сэкономленные затраты на проведение национального чемпионата по прыжкам с трамплина за границей	Нет данных											
Затраты	-166,0	224,7	437,0	1441,0	1367,8	1278,4	1131,8	1087,7	405,1	94,4	87,6	7389,6
1.1.1. Дополнительные государственные расходы по ФЦП «Развитие города Сочи...»	-166,0	195,6	392,3	407,3	373,0	380,2	303,8	216,7	-54,7	0	0	2048,2
1.1.2. Расходы Олимпийского комитета, в том числе:												
операционные	0	3,8	20,9	23,0	34,4	45,3	85,2	226,9	321,0	2,8	1,2	764,6
обслуживание банковских кредитных линий	0	25,4	23,8	22,4	21,0	19,7	18,5	17,4	16,3	0	0	164,4
обслуживание банковских кредитов	0	0	0	0	0	0	0	0	0	6,3	6,3	12,6
1.1.3. Дополнительные расходы на инфраструктуру — новая совмещенная автомобильная и железная дорога Адлер—Красная Поляна	0	0	0	988,3	852,9	745,0	653,7	576,4	0	0	0	3816,3

	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	Всего
1.1.4. Затраты на перенос/перепрофилирование и эксплуатацию спортивных сооружений после проведения ЗОИ-2014	0	0	0	0	0	0	0	0	122,4	85,3	80,1	287,9
1.1.5. Затраты на выплату купонного дохода по государственным облигациям	0	0	0	0	4,5	4,6	3,7	2,6	0	0	0	15,4
1.1.6. Дополнительное избыточное налоговое бремя	0	0	0	0	82,1	83,6	66,8	47,7	0	0	0	280,2
Счет окружающей среды												
<i>Затраты</i>	0	0	0	0	33,8	0	0	0	0	0	0	33,8
3.1.1. Ущерб, наносимый окружающей среде	Нет монетизированных данных											
3.1.2. Штрафы за нарушение законодательства об окружающей среде (1,8 млрд руб. в 2010 г.)	0	0	0	0	33,8	0	0	0	0	0	0	33,8
Счет социального развития												
<i>Выгоды</i>	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
5.2.1. Бесплатные билеты на мероприятия ЗОИ-2014 для жителей г. Сочи	Нет монетизированных данных											
<i>Затраты</i>	0	0	0	827,8	0	0	0	0	0	0	0	827,8
5.1.1. Переселение резидентов г. Сочи при подготовке ЗОИ-2014	0	0	0	827,8	0	0	0	0	0	0	0	827,8
Счет экономического развития	Нет монетизированных данных											
Счет жителей страны (сектор домохозяйств)	Нет монетизированных данных											

Источник: расчеты автора.

СТАТИСТИКА ПОИСКА В GOOGLE КАК ИНДИКАТОР ФИНАНСОВОЙ КОНЪЮНКТУРЫ

Глобальный кризис 2008—2009 гг. поставил перед экономической наукой ряд сложных теоретико-методологических и прикладных задач. Повышение качества мониторинга и прогнозирования деловой активности представляет собой одно из направлений исследований, где эти задачи тесно смыкаются. Повышение точности прогнозов и увеличение упреждающих интервалов для принятия решений важны для успеха стабилизационной (контрциклической) политики государства.

Традиционно для заблаговременного выявления экономической нестабильности используют системы опережающих индикаторов, или сводные опережающие индикаторы (*composite leading indicators*). Разработка подобных показателей представляет собой динамично развивающуюся, но уже прошедшую путь институционализации область прикладных экономических исследований¹. Большинство сводных опережающих индикаторов нацелено на отслеживание *общеекономической* конъюнктуры, поэтому при их построении тенденции развития отдельных секторов экономики могут накладываться друг на друга. Для получения более обоснованных оценок целесообразно использовать несколько альтернативных сводных опережающих индикаторов, а также аналогичные «барометры», характеризующие состояние отдельных секторов экономики.

В последние два десятилетия из секторальных барометров все большую популярность приобретают *индикаторы финансовой конъюнктуры* (FCI, *financial conditions indices*). На уровне национальных денежных властей такие показатели применяются в США, Канаде, Швейцарии. Эти обобщающие индикаторы основаны на применении факторного анализа, который проводится на базе 30—40 исходных показателей, учитывающих конъюнктуру рынка ценных бумаг, финансовых посредников, рынка недвижимости, влияние мер денежно-кредитной политики². Наиболее успешные индикаторы финансовой конъюнктуры обладают упреждающим потенциалом, равным двум-трем кварталам³.

Вместе с тем следует учитывать, что фактический горизонт упреждения оказывается все же меньше: при построении индикаторов

¹ Деятельность экспертов в построении опережающих индикаторов интегрируется Центром международных конъюнктурных исследований и опросов (CIRET, Centre for International Research on Economic Tendency Surveys), поддерживается статистическими службами ООН и ОЭСР. Кроме того, данное профессиональное сообщество имеет научный журнал — *Journal of Business Cycle Measurement and Analysis*.

² English W., Tsatsaronis K., Zoli E. Assessing the Predictive Power of Measures of Financial Conditions for Macroeconomic Variables // BIS Paper. 2005. No 22. P. 243—248.

³ Hatzius J., Hooper P., Mishkin F., Schoenholtz K., Watson M. Financial Conditions Indexes: A Fresh Look After the Financial Crisis // NBER Working Paper. 2010. No 16150.

финансовой конъюнктуры используется официальная статистическая информация, сбор, обработка и публикация которой сопряжены со значительными временными лагами. Данное обстоятельство снижает эффективность этих показателей, причем кардинально в случае стран с недостаточно развитой системой государственной статистики и надзора за финансовой системой. Преодолеть эти сложности можно, используя высокочастотные данные (как правило, биржевые показатели) и результаты социологических опросов (разнообразные индексы финансовых настроений и т. п.).

В данной работе мы предлагаем альтернативу — анализ динамики специфических запросов интернет-пользователей в поисковой системе Google как инструмент *выявления* финансовых настроений экономических агентов. Запросы можно использовать для оценки текущей финансовой конъюнктуры и краткосрочного прогнозирования будущей.

Запросы в системе Google как эффективный инструмент текущей оценки и прогноза рыночной ситуации

Через поисковую систему Google осуществляется около 70% всех интернет-запросов в мире. При этом данная компания внедрила мощный и публично доступный инструментарий анализа статистики пользовательских запросов — Google Insights (www.google.com/insights/search). С его помощью можно получить доступ к статистике запросов по широкому перечню стран, начиная с 2004 г. Пользовательские запросы объединены в тематические категории и подкатегории. Например, запросы, так или иначе относящиеся к финансам, сведены в категорию «Финансы и страхование», включающую семь подкатегорий («Банковское дело и личные вклады», «Бухгалтерский учет и налоги», «Денежные единицы и иностранная валюта», «Инвестиции», «Кредиты и займы», «Пенсия», «Страхование»). Особенность Google Insights состоит в возможности визуализации динамики запросов по определенному дескриптору (или группе дескрипторов) и экспорта данных в формате CSV⁴.

В 2009 г. Х. Чой и Х. Вэриан выдвинули гипотезу о том, что статистика запросов в Google должна коррелировать с *текущим* уровнем деловой активности, а также может быть полезной для его краткосрочного прогноза. Как отмечается в их исследовании, количество запросов в отношении определенной марки автомобилей за вторую неделю июня может помочь в прогнозировании объема продаж за июнь в целом⁵. Они обосновали свое предположение на примере продаж автомобилей Ford, Chevrolet и Toyota на рынке США, динамики туристического потока в Гонконг и ряда других показателей.

⁴ Google Insights не выдает данные в формате абсолютных значений частоты запросов. Вместо них используются нормализованные относительно исходного периода (января 2004 г.) показатели. Максимальное значение нормализованной частоты запросов равно 100, минимальное — 0. Подробнее о статистической методологии Google Insights см.: www.google.com/insights/search/#.

⁵ Choi H., Varian H. Predicting the Present with Google trends. Mimeo. April 2009.

Методология анализа была довольно проста: сначала строились авторегрессионные модели для каждой переменной, затем в эти модели добавляли динамику запросов в Google по соответствующему дескриптору как независимую переменную и сопоставляли качество исходной и усовершенствованной моделей по критерию скорректированного коэффициента детерминации и величине средней абсолютной ошибки, выраженной в процентах (MAPE, mean average percent error). Во всех числовых примерах, приведенных в работе Чоя и Вэриана, модели с включением переменной, отвечающей за динамику запросов в Google, превосходили исходные авторегрессии по указанным критериям.

Пионерное исследование американских экономистов вызвало интерес в исследовательском сообществе. С момента его публикации до июня 2011 г. в систему исследовательской сети по социальным наукам (SSRN) были введены данные о 16 работах, выполненных «по мотивам» исследования Чоя и Вэриана и содержащих соответствующую ссылку. Эти работы можно разделить на три группы: исследования, тестирующие возможности запросов в Google с точки зрения маркетинга; макроэкономические исследования; эмпирические исследования по финансовой экономике и корпоративным финансам. Осознавая значимость и перспективность учета динамики запросов в Google в маркетинговых исследованиях, мы уделим основное внимание второй и третьей группам.

В макроэкономических исследованиях, пожалуй, главная сюжетная линия связана с использованием динамики запросов в Google с целью прогнозировать потребление домохозяйств. Такие исследования были проведены для США, Германии и Израиля. На основе американских данных был сделан вывод о предпочтительности прогнозных моделей, учитывающих динамику запросов в Google, по отношению к прочим модельным постановкам. Более того, в периоды экономической нестабильности (в 2008–2009 гг.) их преимущество было наиболее ощутимым, в том числе по сравнению с моделями, где в качестве предиктора потребления домохозяйств использована динамика таких известных индексов потребительской уверенности, как индекс потребительских настроений Мичиганского университета⁶.

Особенностью исследования Т. Шмидта и С. Возена по Германии стала разработка с помощью факторного анализа индикатора потребительских настроений, построенного *исключительно* на данных запросов в Google по 46 категориям поиска, имеющим отношение к потребительским расходам⁷. Как в случае США, построенный индекс сопоставлялся с ведущими европейскими индексами потребительских настроений — индикатором потребительской уверенности Европейской комиссии и индикатором уверенности в розничной торговле — и доказал свое превосходство.

⁶ Kholodilin K., Podstawski M., Siliverstov B., Burgi C. Google Searches as a Means of Nowcasts of Key Macroeconomic Variables // DIW Berlin Discussion Paper. 2009. No 46; Kholodilin K., Podstawski M., Siliverstov B. Do Google Searches Help in Nowcasting Private Consumption? A Real-Time Evidence for the US // KOF Swiss Economic Institute Working Paper. 2010. No 256.

⁷ Schmidt T., Vosen S. A Monthly Consumption Indicator for Germany Based on Internet Search Query Data // Ruhr Economic Paper. 2010. No 208.

Помимо потребления домохозяйств, с помощью динамики запросов в Google были построены прогнозы уровней безработицы в США, Германии, Израиле и количества обращений за пособиями по безработице в этих странах⁸. Изучение динамики обращений за пособиями по безработице с помощью запросов в Google — пример перехода к макроэкономическому мониторингу и прогнозированию на еженедельных данных.

Использование статистики пользовательских запросов в Google открывает новые возможности в финансовой экономике и корпоративных финансах. При построении различных моделей ценообразования активов (прежде всего, ценных бумаг) возникает проблема подбора переменных, адекватно фиксирующих сдвиги в *предпочтениях* и *внимании* инвесторов. В качестве инструментальных переменных, которые отражают внимание инвесторов, предлагались экстремальные значения доходности активов, объем торгов по ним, расходы на рекламу, связанную с торгуемым активом, частота упоминаний о компании/активе в СМИ и т. п. Но перечисленные показатели косвенно измеряют внимание инвесторов.

Интенсивность поисковых запросов в Google в отношении определенного актива, напротив, непосредственно измеряет внимание инвесторов при условии достаточной ликвидности рынка этого актива, множественности участников и относительно симметрично распределенной информации. Перечисленные условия фактически описывают, насколько рынок отвечает гипотезе эффективности по Ю. Фаме. Американский фондовый рынок со множеством частных инвесторов, которые регулярно ищут информацию в Интернете в отношении финансовых инструментов, входящих в их портфели, тяготеет к сильной форме эффективности. Таким образом, динамика запросов в Google, вероятно, способна фиксировать изменение внимания инвесторов к тому или иному активу.

Данная гипотеза нашла эмпирическое подтверждение. Анализ взаимосвязи динамики котировок акций 3000 публичных компаний в США и запросов по ним в Google показал, что рост количества последних приводит к повышению курсовой стоимости акций компаний в течение двух недель с последующим возвращением к исходному ценовому уровню в пределах одного года⁹. Также было установлено, что повышенное число запросов в Google, с одной стороны, ассоциируется с резким ростом курса акций в первый день торгов после проведения ИРО, а с другой стороны, сочетается с уровнем цен ниже цены размещения в долгосрочном периоде. Кроме того, отмечается, что динамика интернет-запросов положительно коррелирует с перечисленными выше косвенными показателями внимания инвесторов. Наиболее выражена взаимосвязь с объемом

⁸ Choi H., Varian H. Predicting Initial Claims for Unemployment Benefits. Mimeo. 2009. April; Suho Y. T. Query Indices and a 2008 Downturn: Israeli Data // Bank of Israel Technical Report. 2009. April; Askitas N., Zimmerman K. Google Econometrics and Unemployment Forecasting // Applied Economics Quarterly. 2009. Vol. 55, No 2. P. 107–120.

⁹ Da Z., Engelberg J., Gao P. In Search of Attention // Journal of Finance. 2011. Vol. 66, No 5. P. 1461–1499.

торгов¹⁰. Но при совместном включении в регрессионные модели динамика интернет-запросов лучше предсказывает конъюнктуру, чем косвенные показатели.

Было показано, что анализ запросов в Google чрезвычайно актуален для исследований в корпоративных финансах¹¹. Поскольку интенсивность поиска определенного бренда (или группы брендов) в Интернете помогает оценивать их фактический объем продаж, она в значительной степени определяет и операционный денежный поток компании-производителя. Сформировав выборку из 865 публичных компаний, исследователи определили «главный» продукт для каждой из них, исходя из интенсивности рекламы. Затем для каждого продукта была собрана статистика запросов в Google за 2004–2008 гг. Динамика интернет-запросов оказалась хорошим предиктором выручки, особенно для монопродуктовых компаний и фирм с ограниченным количеством брендов, а также динамично растущих фирм («газелей»). Так как выручка и производные от нее бухгалтерские показатели играют важную роль в моделях инвестиционной оценки, использование интернет-запросов может существенно повысить их прогнозный потенциал.

Перспективным представляется привлечение статистики запросов в Google для оценки макрофинансовой устойчивости национальных экономик. Повышению качества так называемого макропруденциального надзора уделяется существенное внимание в деятельности G-20, МВФ, Совета по финансовой стабильности и других международных экономических организаций. Одна из главных трудностей, как и в случае со сводными опережающими индикаторами общеэкономической конъюнктуры, заключается в значительном сужении упреждающего горизонта в связи с лагами выхода финансовых данных. Попытаемся использовать статистику запросов в Google для оценки финансовой конъюнктуры в российской экономике.

Применение статистики запросов в Google для оценки финансовой конъюнктуры в России

Соответствующий анализ проведем по трем направлениям. Сначала докажем целесообразность использования статистики запросов в Google¹² для объяснения динамики отдельных агрегированных финансовых показателей (на примере депозитов физических лиц). Затем сконструируем «барометр» финансовой конъюнктуры для отечественной экономики, который основан исключительно на запросах

¹⁰ *Preis T., Reith D., Stanley E.* Complex Dynamics of our Economic Life on Different Scales: Insights from Search Engine Query Data // *Philosophical Transactions of the Royal Society*. 2010. Vol. 368, No 1933. P. 5707–5719.

¹¹ *Da Z., Engelberg J., Gao P.* In Search of Fundamentals. Mimeo. 2011. March.

¹² Необходимо отметить, что в отличие от международного рынка поисковых систем, в России Google занимает вторую позицию после Яндекса, имея рыночную долю примерно 25%. Яндекс также внедрил систему статистической обработки запросов пользователей, однако их продолжительность по сравнению с Google невелика — с июня 2009 г. На наш взгляд, статистика запросов в Google достаточна репрезентативна, хотя из-за различий в методологии ее невозможно сопоставить с результатами Яндекса.

интернет-пользователей по специфическим дескрипторам, отражающим изменчивость их финансовых настроений. Также проверим, как предложенный сводный индикатор соотносится с индикаторами финансовых настроений, базирующимися на данных социологических опросов (на примере Индекса финансовых настроений Сбербанка РФ).

Запросы в Google и объем привлеченных банками вкладов (депозитов) физических лиц

На 1 июля 2011 г. доля вкладов физических лиц в структуре пассивов банковской системы составляла 30%¹³. Данная статья пассивов является ключевой для фондирования кредитной активности большинства российских банков. Важно отметить, что физические лица выступают нетто-кредиторами банковской системы: объем выданных им ссуд почти вдвое меньше размещенных ими вкладов. Таким образом, привлеченные средства физических лиц обеспечивают кредитование юридических лиц и иные банковские операции. Их динамика имеет существенное значение для поддержания устойчивости банковской системы и макрофинансовой устойчивости российской экономики.

Ниже приведены значения абсолютного прироста объемов вкладов физических лиц в банковской системе за январь 2004 — июнь 2011 г. (рис. 1). На графике четко показаны влияние сезонного фактора на динамику привлечения депозитов, а также повышательный тренд. Кроме того, есть основания предполагать, что модель привлечения депозитов в начальный период кризиса 2008—2009 гг. претерпела некий структурный сдвиг.

Рис. 1

Сезонность и тренд наблюдаются и в интенсивности запросов в Google, за исключением периода с января 2004 по январь 2006 г., когда их нормализованная частота была почти равна нулю (рис. 2).

¹³ Рассчитано по данным Обзора банковского сектора Российской Федерации No 106 (август 2011 г.). cbr.ru/analytics/bank_system/obs_1108.pdf.

Рис. 2

Для подтверждения обоснованности построения МНК-регрессии ежемесячного прироста депозитов на интенсивность запросов в Google за первую неделю каждого месяца необходимо, чтобы оба этих временных ряда относились к так называемым стационарным процессам с детерминированным трендом (trend stationary processes). Такой результат позволил бы исключить вероятность подмены реальной экономической взаимосвязи между переменными «кажущейся» регрессией¹⁴.

С инструментальной точки зрения для выявления нестационарных процессов с детерминированным трендом используются тесты на наличие единичного корня. Воспользуемся наиболее популярным из них — расширенным тестом Дики—Фуллера. Он позволяет уверенно (с вероятностью выше 99%) отвергнуть гипотезу о наличии единичного корня в случае обоих временных рядов с учетом константы и временного тренда. Таким образом, взаимосвязь между абсолютным приростом депозитов физических лиц и интенсивностью запросов пользователей в Google правомерно моделировать с помощью метода наименьших квадратов. Поэтому методику Вэриана—Чоя в нашем случае можно применять.

Наиболее адекватно учесть сезонность в динамике депозитов физических лиц позволяет авторегрессионная модель $AR(12)$, уравнение которой за весь период выглядит как $DEP = 48\,471,79 + 0,69DEP(-12)$ ¹⁵. Масштабный отток вкладов, зафиксированный в октябре 2008 г. (354,5 млрд руб.), является «выбросом», который статистически можно передать с помощью фиктивной переменной. Это позволяет заметно повысить качество модели. Регрессионное уравнение теперь выглядит так: $DEP = 55\,930,49 + 0,67DEP(-12) - 44\,4154,9DUMMY$ ¹⁶.

¹⁴ Канторович Г. Г. Анализ временных рядов. Лекция 7 // Экономический журнал ВШЭ. 2002. Т. 6, № 2. С. 268—273.

¹⁵ Скорректированный коэффициент детерминации составил 0,35. Значение t -статистики свободного члена равно 2,2, коэффициента при лагированном абсолютном приросте депозитов — 3,4. F -статистика уравнения значима на уровне 1%.

¹⁶ Скорректированный коэффициент детерминации составил 0,52. Значение t -статистики свободного члена равно 2,7, коэффициента при лагированном абсолютном приросте депозитов — 3,4, при фиктивной переменной — 35,3. F -статистика значима на уровне 1%.

Для обеих регрессий тест Харке—Бера отклоняет гипотезу о нормальном распределении остатков, по крайней мере, на уровне значимости 5%. Поэтому качество полученных зависимостей в дальнейшем можно улучшить.

Проверим с помощью теста Чоу, насколько правильно строить единую модель для всего периода наблюдений. График подсказывает, что возможный структурный сдвиг связан с резким оттоком депозитов физических лиц в октябре 2008 г. Применение данного теста подтверждает это предположение. Целесообразно оценивать две модели — за январь 2004—октябрь 2008 г. и ноябрь 2008—май 2011 г.

Для первого периода регрессионное уравнение записывается как $DEP = 12\,386,14 + 1,07DEP(-12) - 421\,203,9DUMMY$. Константа в модели утрачивает статистическую значимость, но общее качество модели заметно повышается: скорректированный коэффициент детерминации возрос до 0,79, t -статистики составили 8,4 и -67,7. F -статистика уравнения значима на уровне 1%.

Во втором периоде статистически значимое влияние на привлечение депозитов в текущем месяце оказывал показатель с лагом десять месяцев: $DEP = 55\,060 + 0,29DEP(-10) + 0,58DEP(-12)$. Скорректированный коэффициент детерминации равен 0,39, t -статистики составили 1,8, 2,1 и 4,4 соответственно. F -статистика уравнения значима на уровне 1%. Для обеих регрессий теперь остатки, согласно тесту Харке—Бера, распределены нормально.

Проверим, насколько статистика запросов по дескриптору «вклады (депозиты)»¹⁷ поможет уточнить полученные регрессионные модели. По аналогии с исследованием Чоя и Вэриана мы предполагаем наличие лага между поиском информации в Google и фактическим открытием банковского вклада. Поэтому в качестве независимой переменной использована интенсивность запросов за первую неделю отчетного месяца¹⁸.

В рамках первого периода динамика запросов в Google не является статистически значимой переменной. Уравнение принимает вид $DEP = 16\,620,6 + 1,11DEP(-12) - 416\,259,2DUMMY - 204,04GOOGLE$. Скорректированный коэффициент детерминации остался на уровне 0,79, t -статистики равны 1,9, 8, -46 и -1 соответственно. Кроме того, коэффициент при динамике запросов в Google имеет «неправильный» знак. Такой результат обусловлен тем, что примерно до начала 2006 г. интенсивность запросов по дескриптору «вклады (депозиты)» в Google среди российских пользователей была близка к нулю. В свою очередь, это, вероятно, можно связать с еще не укоренившейся на тот момент традицией поиска финансовой информации и недостаточной активностью российских банков по продвижению своих услуг в Интернете. В частности, по данным Росстата, число пользователей

¹⁷ Наряду с этим дескриптором, Google Insights определяет как популярные запросы по дескрипторам «банк вклады», «банковские вклады» и «вклад». Коэффициенты корреляции запросов по использованному нами дескриптору и по приведенным аналогам находятся в пределах 0,85—0,98. Таким образом, вряд ли тонкости формулировки оказывают в нашем случае существенное воздействие на результат (ключевое слово «вклад»).

¹⁸ Альтернативной эконометрической методологией здесь выступает аппарат MIDAS-регрессий, предложенный в работах Э. Гиселса, быстро набирающий популярность в финансовой эконометрике и прогнозировании. См., например: Ghysels E., Sinko A., Valkanov R. MIDAS Regressions: Further Results and New Directions // *Econometric Reviews*. 2007. Vol. 26, No 1. P. 53—90. Для расчетов в данной статье использован пакет EViews 5.1, который, к сожалению, не располагает автоматизированной возможностью реализовать данную процедуру.

на 1000 населения возросло за 2000–2005 гг. с 20 до 153 человек. С точки зрения теории сетевых эффектов в 2005–2006 гг. сформировалась критическая масса пользователей, обусловившая динамичный рост в дальнейшем (рис. 3). Значительные изменения за этот период произошли в использовании интернет-технологий кредитными организациями: к концу 2005 г. количество банков, установивших системы дистанционного банковского обслуживания через Интернет, превысило 40% общего числа зарегистрированных кредитных организаций и почти удвоилось за 2003–2005 гг.¹⁹

Рис. 3

Поэтому объяснимо, что во втором временном периоде нормализованная частота поиска дескриптора «вклады (депозиты)» в Google помогает объяснить абсолютный прирост вкладов физических лиц. Уравнение регрессии имеет вид: $DEP = -98\,002 + 0,21DEP(-10) + 0,53DEP(-12) - 2758GOOGLE$. В результате включения динамики запросов в Google в модель скорректированный коэффициент детерминации увеличился с 0,39 до 0,47. Значения *t*-статистик составили 1,0, 2,1, 2,7 и 2,3. Согласуется с интуитивными ожиданиями и знак коэффициента при динамике запросов: их интенсивность должна стимулировать приток депозитов в банковскую систему по итогам месяца.

Построенные модели вряд ли можно эффективно использовать для прогнозных целей вне временных интервалов, по которым они построены. Значения коэффициентов детерминации, характеризующие долю объясненной вариации динамики роста депозитов, все же далеки от 1. После всех улучшений остается заметной и средняя абсолютная ошибка регрессии (47%). Однако расчеты внутри выборки (in-sample) указывают на значимую роль интернет-запросов в оценке динамики депозитов. Судя по уравнению регрессии за ноябрь 2008 — июнь 2011 г., увеличение нормализованной частоты запросов в Google за первую неделю отчетного месяца в среднем «добавляет» почти 2,8 млрд руб. прироста объема депозитов по его итогам. Поэтому можно констатировать целесообразность учета интенсивности запросов в Google при моделировании привлечения вкладов физических лиц банковской системой России.

¹⁹ Данные портала CNews.ru.

*Построение барометра финансовой конъюнктуры
с помощью Google и его соотношение с Индексом
финансовых настроений Сбербанка РФ*

Интенсивность поиска информации в Google, очевидно, может не только коррелировать с отдельными финансовыми агрегатами, но и отражать степень уверенности экономических агентов в устойчивости финансовой системы в целом. Для подобной «диагностики» необходимо обобщить динамику запросов пользователей по наиболее значимым дескрипторам, способным подавать адекватные сигналы о состоянии финансовой конъюнктуры. Иными словами, нужно построить интегральный показатель финансовой конъюнктуры на базе запросов по индивидуальным дескрипторам.

Как определить перечень индивидуальных дескрипторов? Предлагается в качестве основы принять перечень дескрипторов из категории «Финансы и страхование», в отношении которых наиболее интенсивно осуществлялся поиск в острый кризисный период, то есть с сентября 2008 по июнь 2009 г. Глобальный кризис негативно повлиял практически на все сегменты российской финансовой системы. Поэтому настроения экономических агентов, преобладавшие в тот период и нашедшие выражение в интенсивности поиска по определенным дескрипторам в Google, на наш взгляд, можно экстраполировать на последующие эпизоды финансовой нестабильности.

На основе предложенного критерия были отобраны дескрипторы: «банк», «курс доллара», «евро», «ЦБ», «РТС», «ММВБ». Он был дополнен за счет дескрипторов — лидеров по запросам внутри отдельных подкатегорий категории «Финансы и страхование», не вошедших в наиболее востребованные в целом по этой категории, но важных для характеристики конъюнктуры определенного сегмента финансовой системы. В результате исходный список пополнился такими дескрипторами, как «акции», «ипотека», «взять кредит», «ПИФ», «банкротство», «залог», «дефолт», «девальвация», «финансовый кризис». Следует особо подчеркнуть, что составление перечня индивидуальных дескрипторов удалось формализовать благодаря встроенному в Google Insights механизму выявления десяти самых востребованных дескрипторов в рамках категорий и подкатегорий за определенный период.

Интегральный показатель состояния (барометр) финансовой конъюнктуры представляет линейную комбинацию запросов по указанным 15 индивидуальным дескрипторам с определенными весами:

$$Y = w_1x_1 + w_2x_2 + \dots + w_{15}x_{15},$$

где: Y — значение барометра финансовой конъюнктуры, x_i — нормализованная динамика запросов в Google по i -му дескриптору в среднем за месяц, w_i — вес динамики запросов в Google по i -му дескриптору в интегральном показателе.

Веса определены по формуле:

$$w_i = \sum_{j=1}^{14} r_{ij} / \sum_{i=1}^{14} \sum_{j=1}^{14} r_{ij},$$

то есть сумма коэффициентов парной корреляции каждого показателя и остальных соотносилась с общей суммой коэффициентов по матрице коэффициентов парной корреляции. Поскольку последняя отражает взаимосвязь между всеми показателями, полученные величины отражают удельный вес каждого показателя в общей величине интегрального индикатора. Веса рассчитаны по данным за январь 2004—январь 2011 г. (табл. 1)

Т а б л и ц а 1

**Веса динамики запросов в Google по индивидуальным дескрипторам
в барометре финансовой конъюнктуры**

Дескриптор	W
Евро	0,079
Курс доллара	0,045
Банк	0,049
ЦБ	0,016
Взять кредит	0,004
Ипотека	0,069
Акции	0,035
РТС	0,110
ММВБ	0,120
ПИФ	0,044
Залог	0,089
Дефолт	0,101
Девальвация	0,067
Финансовый кризис	0,078
Банкротство	0,094

С учетом однородности значений индивидуальных показателей видно, что при одинаковом изменении запросов в Google наибольшее влияние на изменение барометра финансовой конъюнктуры оказывают настроения на *фондовом рынке* (дескрипторы «РТС» и «ММВБ») и *общее-экономические* ожидания, выраженные через дескрипторы «дефолт» и «банкротство». Взвешивая значения показателей за каждый месяц и суммируя их, получаем величину барометра финансовой конъюнктуры.

Сконструированный барометр позволяет довольно уверенно выявлять *масштаб* текущих изменений в финансовой системе России. В частности, отчетливо заметны всплеск интереса пользователей Интернета к финансовым рынкам и инструментам в первой половине 2006 г. (когда запросы по дескрипторам «ПИФ», «акции», «ипотека» многократно возросли), период «спокойствия», длившийся до августа 2008 г., и резкий рост значений барометра в связи с финансовым кризисом (рис. 4). График позволяет определить временные границы его острой фазы — с сентября 2008 г. по апрель 2009 г. Кроме того, видно, что общей тенденцией в течение 2010—начала 2011 г. стало снижение поисковой активности интернет-пользователей в отношении финансовых дескрипторов. Это следует расценивать, с одной стороны, как отсутствие выраженных кризисных ожиданий, а с другой — как недостаточное доверие к финансовым рынкам и инструментам. Можно это воспринимать как «шлейф» кризиса. Напряженная ситуация вокруг лимита внешнего долга США в конце июля 2011 г. привела по ито-

Динамика барометра финансовой конъюнктуры в России, январь 2004 — июль 2011 г.

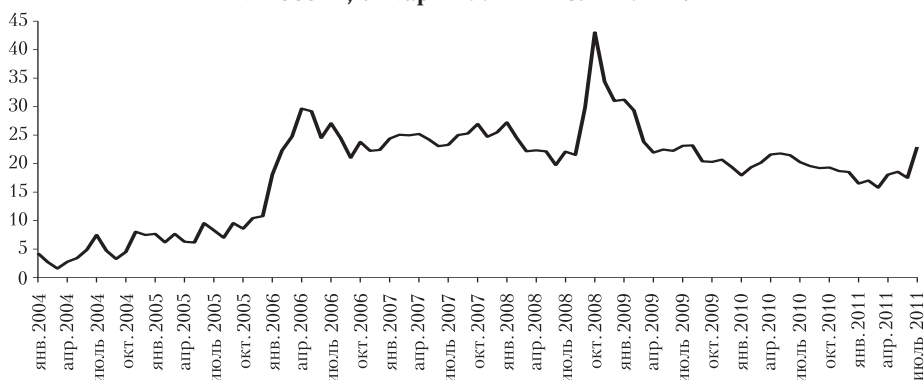

Рис. 4

гам месяца к возвращению барометра на уровень лета 2009 г. Резкий рост барометра финансовой конъюнктуры был связан с многократным увеличением поиска по дескрипторам «дефолт», «банкротство» и «девальвация». Динамика поиска по другим ключевым словам в целом не нарушила ранее сложившиеся тенденции²⁰.

Альтернатива нашему подходу — метод главных компонент. Впрочем, полученные на его основе выводы не противоречат результатам применения нашей методики. Коэффициент корреляции первой главной компоненты, полученной на основе избранных 15 дескрипторов, и барометра финансовой конъюнктуры, составляет 0,97. Как и в случае барометра финансовой конъюнктуры, наиболее тесно с первой главной компонентой коррелируют дескрипторы «ММВБ», «РТС», «дефолт» и «банкротство». Значения коэффициентов корреляции равны 0,95, 0,85, 0,72 и 0,79 соответственно.

Проверим, как построенный барометр соотносится с Индексом финансовых настроений (ИФН) Сбербанка РФ, который рассчитывается с мая 2009 г. Данный индикатор опирается на опросные данные, поэтому нужно посмотреть, насколько существенна корреляция схожих по смыслу, но заметно различающихся по методологии показателей финансовой конъюнктуры.

Коэффициент корреляции барометра финансовой конъюнктуры и ИФН равен $-0,48$. Теснота корреляционной связи двух индикаторов умеренная, но видно, что оба показателя в целом фиксируют одинаковый тренд изменения финансовой конъюнктуры (рис. 5). Увеличение ИФН (рост доверия к финансовой системе), как правило, совпадает с понижательной динамикой барометра.

Определенная «зашумленность» связи вызвана наличием в структуре барометра индивидуальных показателей, рост которых до ра-

²⁰ Избранная методика построения барометра финансовой конъюнктуры аналогична использованной в серии работ А. А. Френкеля, Н. Н. Райской и Я. В. Сергиенко, посвященных моделированию народно-хозяйственной конъюнктуры и инфляционных процессов в России (Райская Н. Н., Сергиенко Я. В., Френкель А. А. Использование интегральных индексов в анализе циклических изменений российской экономики // Вопросы статистики. 2009. № 12. С. 8—12). Выбор в пользу определения весов дескрипторов в интегральном показателе (барометре) через корреляционную матрицу обусловлен единообразным измерением данных — с помощью нормализованной частоты пользовательских запросов в Google.

**Сравнительная динамика барометра финансовой конъюнктуры
в России и Индекса финансовых настроений Сбербанка РФ,
май 2009 — июль 2011 г.**

Рис. 5

зумных пределов свидетельствует об оживлении соответствующего сегмента финансовой системы («ПИФ», «акции»). Если анализировать взаимосвязь отдельных, близких по смыслу компонентов барометра и ИФН, то значения коэффициентов корреляции будут более существенными. В частности, между дескриптором «взять кредит» и компонентом ИФН «склонность к покупкам в кредит» он равен 0,6. Кроме того, присутствует довольно тесное корреляционное отношение между рассмотренным выше дескриптором «вклады (депозиты)» и компонентом ИФН «оценка целесообразности хранения сбережений в банках в ближайший год»: соответствующий коэффициент составил 0,72.

Закономерен вопрос о независимости ИФН и построенного барометра: не доминирует ли один из показателей другой. Для этого был реализован тест Грэнджера для выявления возможной причинно-следственной связи этих индикаторов. С вероятностью 99% гипотеза, что один из них может выступить как предиктор динамики другого, была отвергнута. Таким образом, данные показатели автономны и не доминируют друг друга.

Следующий шаг — выяснение сравнительной эффективности двух показателей как индикаторов финансовой конъюнктуры. Здесь следует отметить, во-первых, что категория «финансовая конъюнктура» допускает различные трактовки. Под финансовой конъюнктурой можно понимать какой-либо один статистический показатель (например, динамику фондового индекса) или целую систему индикаторов, характеризующих различные сегменты финансовой системы и, возможно, государственных финансов. Индекс финансовых настроений Сбербанка и сконструированный барометр лишь отображают финансовую конъюнктуру. Адекватность таких отображений может изменяться в зависимости от того, что именно мы понимаем под этой конъюнктурой.

Во-вторых, сравнительный анализ возможен на небольшом временном интервале, поскольку ИФН рассчитывается лишь с мая 2009 г. Данное обстоятельство снижает надежность результатов применения весьма популярной в таких случаях техники векторных авторегрессионных моделей.

Не претендуя на комплексное преодоление упомянутых методологических сложностей, сравним, насколько барометр финансовой конъюнктуры и Индекс финансовых настроений Сбербанка улучшают качество эконометрических моделей абсолютного прироста депозитов физических лиц, задолженности по кредитам населению, объема выданных ипотечных жилищных кредитов, прироста совокупных активов российской банковской системы, темпов прироста индекса РТС. Этот набор показателей, на наш взгляд, в целом отражает состояние деловой активности в отечественной банковской системе и на финансовых рынках, хотя он не исчерпывающий. На примере этих финансовых переменных проанализируем, насколько ИФН и барометр финансовой конъюнктуры, построенный на основе пользовательских запросов в Google, повышают точность оценки динамики избранных показателей.

Для них изначально выбрана наиболее адекватная авторегрессионная модель (там, где возможно), в которую затем включались первые разности ИФН (D_IFS) и барометра финансовой конъюнктуры (D_Bar).

Отбор наиболее адекватных авторегрессионных моделей производился на базе двух показателей — скорректированного коэффициента детерминации и информационного критерия Акаике (AIC). При невозможности подбора авторегрессионных зависимостей использовались парные регрессии, при этом зависимые переменные и предикторы предварительно были приведены к стационарному виду. В большинстве случаев для этого хватило взятия первых разностей, то есть абсолютных приростов. Соответствующая проверка была проведена с помощью расширенного теста Дики — Фуллера и коинтеграционного теста Йохансена.

Ввиду ограниченности временного ряда Индекса финансовых настроений Сбербанка производились только внутривыборочные оценки вклада ИФН и нашего барометра финансовой конъюнктуры в прогнозирование перечисленных выше переменных. Преимущество этих переменных по сравнению с исходными моделями выражается в увеличении скорректированного коэффициента детерминации и уменьшении AIC. Соответствующие модели были построены на интервале май 2009 — июнь 2011 г. Результаты приведены в таблице 2.

Итак, в части банковских показателей перевес, впрочем, не абсолютный, на стороне Индекса финансовых настроений Сбербанка. Предложенный нами барометр помогает уточнить модели абсолютного прироста задолженности по кредитам физических лиц, а также динамики индекса РТС.

С учетом вариативности границ понятия «финансовая конъюнктура» подобные тесты могут быть продолжены. Однако имеющиеся результаты уже позволяют утверждать, что Индекс финансовых настроений и предложенный в настоящей статье барометр финансовой конъюнктуры, скорее, не конкурируют, а дополняют друг друга. Использование барометров финансовой конъюнктуры, построенных на статистике интернет-запросов, даст возможность уточнить результаты, полученные на основе опросных методов. В перспективе, при условии дальнейшего совершенствования процедуры отбора дескрипторов и нарастания «виртуализации» финансовых транзакций, такой подход может составить конкуренцию опросным методам оценки финансовой конъюнктуры.

Вклад Индекса финансовых настроений Сбербанка РФ и барометра финансовой конъюнктуры в объяснение динамики ряда показателей развития банковской системы и фондового рынка России

Показатель	Значимость* Индекса финансовых настроений Сбербанка	Значимость барометра финансовой конъюнк- туры	Итоговая модель	Изменение скорректиро- ванного R^2 и AIC
Абсолютный** прирост депозитов физических лиц	+	—	$D_g = 700538 + 0,24D_g(-10) + 0,52D_g(-12) + 14130D_IFS$	Увеличение R^2 с 0,53 до 0,67; снижение AIC с 25,9 до 25,5
Абсолютный прирост задолжен- ности по кредитам физических лиц	—	+	$D_loan = 12378 + 0,86D_loan(-1) + 12336D_Bar$	Увеличение R^2 с 0,72 до 0,79; снижение AIC с 23,4 до 23,1
Абсолютный прирост объема выданных ипотеч- ных жилищных кредитов	+	—	$Mort_loan = 9698,6 + 0,8Mort_loan(-4) + 1470,5D_IFS$	Увеличение R^2 с 0,38 до 0,54; снижение AIC с 21,7 до 21,4
Абсолютный при- рост активов бан- ковской системы	+	—	$D_bank_assets = 276536 + 41627D_IFS$	$R^2 = 0,17$
Темп прироста индекса RTS	—	+	$D_RTS = 2 - 2,3D_Bar$	$R^2 = 0,13$

* Под значимостью ИФН и барометра финансовой конъюнктуры понимается значение p -value t -статистики коэффициента при этой переменной; «+» свидетельствует о статистической значимости переменной ($p < 0,05$), «—» — об отсутствии значимости ($p > 0,05$).

** Использование темпов прироста зависимых и независимых переменных вместо абсолютных приростов не привело к повышению качества моделей.

Источник: рассчитано по данным Банка России и investfunds.ru.

* * *

Проведенное исследование демонстрирует возможности использования статистики запросов пользователей Интернета в Google для оценки конъюнктуры российской финансовой системы. Показана перспективность использования этих данных для более эффективного моделирования динамики депозитов физических лиц. Был построен барометр финансовой конъюнктуры по широкому кругу дескрипторов, позволяющий лучше выявить масштаб *текущих* изменений в финансовой системе (nowcasting). Установлена статистически значимая линейная взаимосвязь барометра и его отдельных компонентов с Индексом финансовых настроений Сбербанка РФ, построенном по принципиально иной методологии. Разумеется, полученные результаты следует воспринимать как «пробный камень» в области финансово-конъюнктурных исследований российской экономики. Перспективным представляется использование статистики запросов в других поисковых системах (например, Яндекс), а также в социальных сетях и блогах (Живой журнал, Twitter, Facebook).

*Б. ПОРФИРЬЕВ,
доктор экономических наук,
профессор, завлабораторией анализа и прогнозирования
природных и техногенных рисков экономики Института
народнохозяйственного прогнозирования (ИНП) РАН,*

*В. КАТЦОВ,
доктор физико-математических наук,
директор Государственной
геофизической обсерватории (ГГО)
имени А. И. Воейкова Росгидромета*

ПОСЛЕДСТВИЯ ИЗМЕНЕНИЙ КЛИМАТА В РОССИИ И АДАПТАЦИЯ К НИМ *(оценка и прогноз)**

Последствия изменений климата для экономики: общие замечания

Рост температуры в среднем по территории России за последние 100 лет в полтора-два раза превысил темпы глобального потепления¹. При этом по сравнению со столетним трендом в последние десятилетия скорость потепления возросла в несколько раз, увеличились годовые суммы осадков, годовой сток большинства крупнейших рек России, частота и мощность наводнений. В Арктике быстро сокращается площадь морского льда на фоне значительных межгодовых вариаций. В целом, несмотря на маскирующий эффект естественной изменчивости и недостаточность данных по ряду регионов, картина изменений

* Статья основана на материалах доклада: Оценка макроэкономических последствий изменений климата на территории Российской Федерации на период до 2030 г. и дальнейшую перспективу. М.: ДАРТ, 2011. Доклад подготовлен под редакцией и руководством авторов группой ученых и специалистов научно-исследовательских учреждений Росгидромета (ГГО имени А. И. Воейкова, Арктического и антарктического НИИ, ВНИИ гидрометеорологической информации — Мирового центра данных, ВНИИ сельскохозяйственной метеорологии, Гидрометцентра России, Государственного гидрологического института) и РАН (ИНП РАН и Института леса имени В. Н. Сукачева СО РАН) для научного обоснования национальной стратегии Российской Федерации в отношении изменений климата.

¹ Здесь и ниже цитируются выводы Оценочного доклада Росгидромета: Изменения климата и их последствия на территории Российской Федерации / Под ред. А. И. Бедрицкого и др. М., 2008. Т. 1. www.voeikovmgo.ru/ru/otsenochnyiy-doklad-izmenenie-klimata-na-territorii-rossiyskoy-federatsii.html.

климата на территории России согласуется с тенденцией глобального потепления, которая сегодня не вызывает сомнений.

Согласно расчетам с помощью современных физико-математических моделей, в течение XXI в. средняя температура приземного воздуха на территории России будет повышаться. Наибольшего потепления следует ожидать в Сибири и в северных регионах России, а также в Арктике. В регионах, где уже наблюдается достаточное или избыточное увлажнение, водные ресурсы увеличатся; напротив, там, где водообеспеченность в настоящее время недостаточная, она скорее всего будет и дальше уменьшаться. На Европейской территории России ожидаются преимущественное сокращение снежного покрова и увеличение зимнего стока рек, а в северной и восточной частях Азиатской территории страны, где преобладают твердые осадки, — рост накопленной за зиму массы снега и его ускоренное таяние весной, что увеличит риск наводнений. Вероятна дальнейшая деградация многолетней мерзлоты, сопровождающаяся увеличением мощности сезонно-талого слоя и смещением к северу границы, разделяющей области сезонного протаивания и промерзания грунтов. Ледяной покров Северного Ледовитого океана будет сокращаться в течение всего XXI в., причем преимущественно за счет уменьшения площади многолетних льдов. Согласно расчетам, во многих регионах может ухудшиться статистика различных видов экстремальных и опасных явлений, в том числе интенсивности волн тепла, пожароопасности в лесах, засух, экстремальных осадков и т. п.

Перечисленные изменения климата будут все сильнее влиять на условия хозяйствования и жизнедеятельности на всей территории России. Особо отметим негативные последствия экстремальных и опасных природных явлений, подавляющее большинство которых относится к погодно-климатическому типу чрезвычайных ситуаций. По нашей оценке, в конце 1990-х — начале 2000-х годов ущерб от них составлял не менее 0,5% ВВП в среднем в год, при этом он увеличивался вдвое быстрее, чем ВВП. Однако еще важнее изменения окружающей среды и природных условий функционирования хозяйственного комплекса.

Таким образом, назрели перемены в образе жизни и экономическом поведении населения и способах ведения хозяйства на всех уровнях. На микроэкономическом уровне деятельность домохозяйств, производственные технологии и формы организации и управления предприятиями должны быть адаптированы к новым климатическим условиям. На мезо- и макроэкономическом уровнях необходимо скорректировать средне- и долгосрочные программы отраслевого и регионального развития, а также региональную и федеральную экономическую политику с учетом климатической специфики той или иной территории.

Изменения климата имеют двоякие последствия для экономики страны. *Прямые последствия* включают реальные и ожидаемые изменения условий хозяйствования, определяемые уязвимостью экономики в целом, ее отдельных производств и комплексов, домохозяйств к климатическим флуктуациям. На макроэкономическом уровне это проявляется в изменении динамики, структуры и технологического уклада экономики. Отметим, что изменения условий хозяйствования могут как ухудшать развитие конкретных производств и территорий,

так и способствовать ему. *Косвенные последствия* связаны с реакцией экономической системы на эти изменения: ослаблением хозяйственного воздействия на климатообразующие факторы (снижение техногенных выбросов парниковых газов, применение более эффективных способов землепользования и др.) либо адаптацией основных элементов экономической системы (домохозяйств, производств и комплексов) к изменившимся обстоятельствам (использование новых технологий строительства и оборудования хозяйственных объектов и сооружений, новых технологий и форм организации производства в аграрном, лесном, водохозяйственном и других комплексах).

Прямые и косвенные последствия изменений климата для экономики: оценка и прогноз

Оценка прямых последствий изменений климата для экономики России на период до 2030 г. исходит из инерционного сценария ее развития. Такой выбор обусловлен двумя причинами. Во-первых, сама методология подобной оценки предполагает рассмотрение эффекта воздействия изменений климата на сложившиеся условия хозяйствования без учета возможных коррективов экономической политики (это предмет анализа косвенных последствий изменений климата для экономики).

Во-вторых, нужно иметь в виду особенности российской экономики. За последние 20 лет в динамике ВВП наблюдались стремительное падение, впечатляющий взлет, затем торможение, но в целом за период 1990—2010 гг. экономический рост носил восстановительный характер. В структуре ВВП значительно возросла доля сферы услуг, улучшилась ее техническая оснащенность, но в реальном секторе экономики (за исключением строительства) тенденция была прямо противоположная. Правительственные программы, ориентированные на перевод российской экономики на инновационный путь развития, выполняются с огромным трудом: по официальной оценке, стратегия социально-экономического развития страны в 2000—2010 гг. реализована не более чем на $\frac{2}{5}$. Серьезные дополнительные сложности создал экономический кризис. Последствия торможения экономического роста, включая динамику инвестиций, в России оказались наиболее тяжелыми среди стран «большой двадцатки». Закономерно, что имеющиеся прогнозы социально-экономического развития страны на период до 2030 г. предусматривают более высокую вероятность реализации инерционного сценария по сравнению с инновационным².

Инерционному сценарию соответствует тенденция преимущественного сохранения до 2030 г. противоречивого характера (типа) уязвимости хозяйственного комплекса к изменениям климата. С одной

² См.: Долгосрочный прогноз развития экономики России на 2007—2030 годы (по вариантам) // Проблемы прогнозирования. 2007. № 6. С. 3—6; Основные параметры прогноза социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020—2030 годов. Приложение к Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации / Минэкономразвития России. 2008. С. 37. В прогнозе ученых РАН сценарий, альтернативный инерционному, именуется инвестиционным. В прогнозе Минэкономразвития наиболее вероятной считается разновидность инерционного сценария — энерго-сырьевой.

стороны, останутся актуальными, а вероятно даже усугубятся, проблемы развития производственной (включая энергетическую) и социальной инфраструктуры, а также транспорта в северных регионах страны, обусловленные деградацией вечной мерзлоты. В то же время может обостриться проблема устойчивости темпов роста производства в наиболее погодочувствительных секторах экономики (в сельском хозяйстве и особенно лесном и водном комплексах, транспортном и туристско-рекреационном секторах, торговле), которые обеспечивают примерно $\frac{1}{3}$ произведенного ВВП. Наносимый им ущерб при сложившихся тенденциях изменения регионального климата, включая экстремальные и опасные природные явления, может достигать в среднем в год 1–2% ВВП³. При этом на отдельных, достаточно обширных территориях этот показатель может быть существенно выше — 4–5% регионального ВВП.

В России выявлены признаки возникновения климатических барьеров, тормозящих экономический рост, которые примерно к 2030 г. могут сформироваться в полной мере⁴. В то же время некоторые последствия изменений климата открывают «окно возможностей» для развития экономики: например, в связи с потеплением климата на значительной части территории России начнет сокращаться отопительный сезон, соответственно уменьшатся потребности и затраты на топливо и отопление (при этом, однако, повысятся расходы на кондиционирование воздуха). Кроме того, увеличится продолжительность вегетационного периода, расширятся зоны земледелия, как следствие, вырастет сельскохозяйственное производство; удлинятся сроки навигации и возникнут новые возможности использования водного транспорта и т. д.

Представляется, что совокупный эффект прямых последствий изменений климата для экономики страны в период до 2030 г. будет отражать некоторое превышение издержек (включая прежде всего ущерб от опасных природных явлений) над выгодами. Вместе с тем это почти не скажется на макроэкономических индикаторах развития экономики России в целом, хотя в отдельных регионах страны эффект торможения может быть ощутимым.

Оценить прямые последствия изменений климата для экономики России за пределами 2030 г. непросто. Проблема заключается не только в сложности их прогнозирования. Оценка перспектив экономического развития страны и степени уязвимости хозяйственной системы к указанным изменениям за пределами 20-летнего горизонта прогнозирования представляется еще менее надежной прежде всего из-за сохраняющегося противоречия между официальными установками на модернизацию экономики и ее перевод на инновационный путь развития, с одной

³ Оценки носят приближенный характер и приведены в качестве ориентира. Они выполнены на основе метода аналогий, использующего соответствующие данные и расчеты по развитым странам и мировой экономике в целом. В частности, по данным доклада Н. Стерна (см. сн. 7), глобальный ущерб экономике от выбросов парниковых газов может достигать 1% мирового ВВП. По более свежим (декабрь 2010 г.) оценкам ЮНЕП и консалтинговой компании Trucost, эта величина составляет 4,5 трлн долл., или 7,5% мирового ВВП (см.: www.greenbiz.com/print/39352). По нашему мнению, реальная цифра примерно в четыре раза меньше — порядка 1,9–2,1% мирового ВВП.

⁴ Основные параметры прогноза социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020–2030 годов. Приложение к Концепции долгосрочного прогноза социально-экономического развития Российской Федерации.

стороны, и реальной структурой консолидированного бюджета, а также расходов корпоративного сектора и домохозяйств — с другой.

Если удастся преодолеть отмеченное противоречие в ближайшие десять лет, то можно диверсифицировать и модернизировать всю экономику страны после 2030 г. Тогда сложились бы лучшие условия для сокращения техногенных выбросов парниковых газов и связанных с ними дополнительных рисков климатических изменений, а также адаптации к ним хозяйственного комплекса и населения России. В этом случае баланс издержек и выгод для экономического роста оказался бы положительным.

Что касается поведения самой экономической системы, в частности ее реакции на изменения климата и обусловленные ими перемены в условиях хозяйствования — это область косвенных последствий изменений климата для экономики, то до сих пор отечественная экономическая политика учитывала их в недостаточной степени. Она воспринимала, и то ограниченно, лишь сигналы, связанные с опасными гидрометеорологическими явлениями и наносимым ими ущербом. Однако в период до 2030 г., причем скорее всего уже к 2020 г., ситуация может существенно измениться прежде всего под влиянием процессов глобализации и модернизации мировой экономики, в которых фактор климатических изменений будет иметь все большее значение.

Этот климатически обусловленный вызов потребует от России уже в ближайшие годы значительно ускорить процесс модернизации хозяйственного комплекса. Необходимо искать наиболее эффективные экономические ниши, инвестиции в которые в краткосрочном плане дадут самую быструю отдачу и наибольший мультипликативный эффект для производства и сохранения занятости. В долгосрочном плане новый облик экономики России должен характеризоваться не гипертрофированной зависимостью от нефтегазовых «инъекций», а формированием нового технологического уклада.

Государственная политика в отношении изменений климата: приоритет адаптации экономики

Основы государственной политики в области учета изменений климата и их последствий заложены в Климатической доктрине Российской Федерации, утвержденной Президентом РФ 17 декабря 2009 г. Ее принципиальной чертой на всех уровнях управления выступает *приоритет государства*, которое несет главную ответственность и финансовое бремя расходов по снижению климатических угроз безопасности и устойчивому развитию. К принципам данной политики также следует отнести ее *интегрированность* в стратегии национальной безопасности и устойчивого социально-экономического развития. Другими ее принципами выступают *комплексность*, предполагающая сбалансированность и взаимодополняемость мер по снижению техногенного воздействия на климат и адаптации экономики к указанным изменениям, а также *экономическая эффективность* этих мер, подразумевающая получение максимально возможных (с учетом наилучших технологических решений) эффектов при заданных ограничениях на ресурсы и время реализации.

Согласно принципу интегрированности климатической политики, развитие, ориентированное на повышение качества жизни (в широком смысле слова) и уровня защищенности личности, общества и государства, станет источником средств и технологий для стабилизации и последующего снижения техногенного воздействия на климатическую систему и адаптации населения и хозяйственного комплекса к изменениям климата, а также уменьшения соответствующих угроз безопасности⁵. В свою очередь, эти угрозы необходимо учитывать и рассматривать совместно с другими вызовами и угрозами и только на такой основе определять реальное место проблемы изменений климата и их последствий в числе приоритетов международной безопасности и устойчивого развития экономики и общества.

С учетом принципа комплексности главная роль должна принадлежать адаптации населения и национального хозяйства к изменениям климата. Причин две. Во-первых, при любом сценарии снижение выбросов парниковых газов способно в лучшем случае ограничить масштабы антропогенных изменений климата и их последствий, но не устранить их полностью. Поэтому для снижения этого остаточного риска необходимо уменьшить уязвимость к разрушительным климатическим воздействиям, используя механизмы адаптации экономики, систем обеспечения безопасности и общества в целом к ожидаемым и текущим изменениям климата и их последствиям. Во-вторых, выгоды от мер адаптации получают непосредственно субъекты их реализации (предприятия, территории), и мотивационный потенциал этих мер изначально (без дополнительных усилий со стороны государства) заметно превосходит соответствующий потенциал мер снижения техногенного воздействия на климатическую систему.

Происходящие в настоящее время изменения некоторых наиболее важных характеристик регионального климата, качественно совпадающие с модельными расчетами, и обусловленные ими последствия позволяют сделать вывод о тенденции *снижения эффективности адаптации российской экономики и общества в целом к изменениям климата*, то есть разрыв между фактической способностью (адаптационным потенциалом) и потребностями адаптации к упомянутым изменениям увеличивается⁶. Задержки в принятии и исполнении государственных решений в условиях учащения (повторяемости) опасных природных явлений, в первую очередь погодно-климатического характера, на которые приходится большая часть чрезвычайных ситуаций, уже в недалеком будущем приведут к существенному росту затрат на адаптацию и, главное, к повышению риска масштабных людских потерь и материального ущерба.

Для эффективной адаптации населения и экономики к изменениям климата и их последствиям во главу угла нужно поставить стратегию

⁵ Исследователи из Института мировых ресурсов (США) охарактеризовали такой подход как «защита климата через обеспечение приоритета развитию» (см.: Baumert K. et al. Growing in the Greenhouse: Protecting the Climate by Putting Development First. Washington, DC: World Resources Institute, 2005).

⁶ В англоязычной литературе в таких случаях используют термин «deficit of adaptation», однако соответствующая русская калька «дефицит адаптации» нам представляется неудачной.

экономического развития, обеспечивающую успешное сочетание роста производства продукции и услуг с сокращением уязвимости населения и хозяйственных объектов. Такая стратегия основана на диверсификации экономики и стимулировании экономического роста, инвестициях в здравоохранение и образование, повышении устойчивости к природным бедствиям и совершенствовании управления в кризисных ситуациях, развитии сетей социальной защиты⁷.

Во внутриэкономическом плане программы и программные меры адаптации должны отражать не только производственную, но и территориальную специфику. Для обеспечения устойчивого развития российских регионов с учетом фактора изменений климата необходимо перейти к стратегическому типу планирования, сочетающему долгосрочную перспективу с системным подходом к разработке и реализации экономических программ и отдельных проектов и увязывающих указанный фактор с планами развития территорий и их производственных комплексов. Такая увязка призвана уменьшить негативные последствия и максимально использовать благоприятные возможности, которые открываются из-за климатических изменений, как непосредственно, так и опосредованно (через внедрение энергоэффективных и энергосберегающих технологий). Кроме того, она должна способствовать укреплению региональной и национальной безопасности России в целом.

Стратегии развития российских регионов нужно гармонизировать с общенациональным планом действий, разрабатываемым в настоящее время в рамках реализации Климатической доктрины Российской Федерации и во исполнение решений Совета безопасности при Президенте РФ от 17 марта 2010 г. Необходимо определить территории, производственные комплексы и группы населения страны, особо уязвимые к климатическим изменениям, а также разработать программные меры по смягчению последствий и адаптации к наблюдаемым и прогнозируемым изменениям климата, включая создание финансовых и институциональных механизмов и технологий снижения климатических рисков, проведение исследований в области климатологии и оценки эффективности различных мер адаптации.

Большинство предлагаемых ниже краткосрочных мер не требуют значительных средств и могут быть интегрированы в существующие или разрабатываемые региональные стратегии социально-экономического развития. Для реализации дальнейших шагов нужны более существенные инвестиции, а также вовлечение большего числа сторон на федеральном, региональном и местном уровнях. В то же время успешное проведение модернизации экономики и переход на инновационный путь развития, вероятно, позволят снизить затраты и сократить сроки решения данных задач в будущем. Этому будет способствовать использование опыта других стран, где успешно апробированы многие подходы в области смягчения последствий изменений климата и адаптации, а также потенциала международных организаций — ПРООН, ЮНЕП, ОЭСР, Всемирного банка и др.

⁷ См.: Stern Review on the Economics of Climate Change. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 430.

Адаптация населения России к изменениям климата: в центре внимания — здоровье

В плане адаптации населения, прежде всего его здоровья, ожидаемая интенсификация волн тепла, особенно в крупных населенных пунктах, требует внести коррективы в районную планировку, конструкцию и оборудование зданий. Имеются в виду дополнительное озеленение городов; развитие кондиционирования жилых и общественных зданий, включая лечебные и социальные учреждения; внедрение системы предупреждения населения о жаре. При этом необходимо учитывать риск косвенного воздействия — через повышение концентрации загрязняющих веществ в воздухе. Здесь важно использовать энергосберегающие технологии, экологически чистый транспорт и т. п.

Адаптационные меры в отношении ожидаемого в связи с потеплением климата увеличения риска инфекционных заболеваний включают: усиление эпидемиологического надзора; внедрение системы ранней диагностики; своевременную вакцинацию; проведение противомаларийных и других мероприятий. Повышенные температуры влияют на состояние возбудителей кишечных инфекционных заболеваний и паразитозов, нарушают работу водопроводно-канализационных сооружений. В связи с этим требуется ужесточить санитарно-эпидемиологический надзор, активизировать санитарно-просветительскую работу, а также усилить контроль за работой водопроводно-канализационных сооружений и установок, внедрить системы локальной очистки питьевой воды. Необходимо ускоренно развивать систему оповещения населения, создавать мобильные бригады оказания скорой медицинской помощи и др.

Важно разработать и реализовать специальные адаптационные меры в отношении коренных народов ряда регионов Российской Федерации, в частности Крайнего Севера. Их здоровью и устойчивому развитию ожидаемые изменения климата угрожают в наибольшей степени.

Надо безотлагательно приступить к разработке «климатической» компоненты миграционной политики России, начиная от надлежащей оценки и заканчивая выработкой механизмов регулирования потоков так называемых экологических беженцев, включая «климатических». Такие меры должны касаться граждан не только Российской Федерации, но и других стран, где эффективность адаптации к изменениям климата окажется низкой, что вынудит их жителей покинуть родные места.

Производственно-отраслевые особенности адаптации российской экономики

Рассмотрим два крупных сектора экономики — энергетический и аграрный, играющих определяющую роль не только в развитии экономики, но и в обеспечении национальной безопасности России.

Адаптационные меры в *энергетическом секторе* должны обеспечивать энергетическую безопасность и эффективность экономики;

экономическую эффективность и экологическую безопасность энергетики. Это прежде всего энергосбережение, а также диверсификация и децентрализация энергетики с максимальным использованием источников энергии, альтернативных углю и нефти.

Вместе с тем если для снижения выбросов парниковых газов важна сама технология производства энергии, предусматривающая их минимальные или нулевые эмиссии, то при адаптации к изменениям климата приоритет имеют эффекты диверсификации и децентрализации, связанные с использованием альтернативных источников энергии. К их числу относятся АЭС и возобновляемые источники энергии (ВИЭ): гелиоэнергетика, ветроэнергетика, малая гидроэнергетика, биотопливо, тепловые насосы. Природный газ обеспечивает около половины потребления электроэнергии в России — это экологически более чистый источник энергии по сравнению с нефтью и углем. В обозримой перспективе (до 2030 г.) целесообразно сохранять его позиции при одновременной реализации мер энергосбережения и энергоэффективности — улучшение КПД соответствующих установок и увеличение в них доли когенерации тепла и электричества.

Хотя в ближайшие десятилетия лидерство ископаемых углеводородов, и прежде всего газа, в топливно-энергетическом балансе России вряд ли можно поставить под сомнение, это не умаляет важности активного использования ВИЭ, которые должны постепенно замещать мощности на углеводородном топливе в районах децентрализованного энергоснабжения (то есть на $\frac{2}{3}$ территории страны). Такое замещение в сочетании с наращиванием мощностей за счет ВИЭ вполне реально, учитывая особенности размещения указанных источников энергии на территории РФ, что позволяет практически каждому ее субъекту комплексно использовать два-три вида ВИЭ. Совместная разработка Росгидрометом и Минэнерго России новых Правил устройства электроустановок позволит лучше использовать открывающиеся возможности.

В отношении главного сегмента ТЭК — энергетических установок, работающих на ископаемом топливе, а также систем его транспортировки, основными мерами адаптации, помимо упомянутых выше, станут технологические и инфраструктурные инновации, повышающие устойчивость сооружений к неблагоприятным погодноклиматическим воздействиям. Необходимо также создать масштабную и эффективную систему страхования, снижающую риски ущерба от них и реализующую потенциал действующего законодательства⁸.

В частности, в районах таяния вечной мерзлоты нужно укреплять трубы на буровых установках, которые должны иметь грозозащитное оборудование; монтаж труб, доставляемых транспортом для опускания в скважины, учитывая низкие температуры, надо выполнять немедленно. Кроме того, требуется автономное снабжение энергией компрессорных станций, например, за счет ветроэнергетических установок.

⁸ См.: Федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 116-ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» (с последующими изменениями); Федеральный закон от 21.07.1997 г. № 117-ФЗ «О безопасности гидротехнических сооружений» (с последующими изменениями); Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 225-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельца опасного объекта за причинение вреда в результате аварии на опасном объекте».

Для адаптации гидроэнергетики к изменениям климата Росгидромет и Минэнерго должны уточнить гидроэнергетический потенциал малых и средних рек, учитывая, что в условиях России малая гидроэнергетика — наиболее перспективный и экономически эффективный ВИЭ. Здесь необходимо преодолеть ряд барьеров: неинформированность потенциальных пользователей о преимуществах применения небольших гидроэнергетических объектов; недостаточную изученность гидрологического режима и объемов стока малых водотоков; низкое качество действующих методик, рекомендаций и СНиП, что выступает причиной серьезных ошибок в расчетах; несовершенство методик оценки и прогнозирования их возможного воздействия на окружающую среду и хозяйственную деятельность; слабую производственную и ремонтную базу предприятий, производящих гидроэнергетическое оборудование для малых ГЭС. Требуется дополнительные исследования их функционирования в условиях глубокого промерзания русла рек. Массовое строительство объектов малой гидроэнергетики возможно лишь в случае серийного производства оборудования, отказа от индивидуального проектирования и качественно нового подхода к оценке его надежности и стоимости.

Для адаптации гидроэнергетики в целом к происходящим и ожидаемым климатическим изменениям необходимо совместными усилиями научно-исследовательских учреждений Росгидромета, РАН и Минэнерго количественно оценить влияние изменения водного режима рек на выработку энергии ГЭС. Кроме того, надо разработать новые правила эксплуатации водохозяйственных и гидроэнергетических систем, принимая во внимание фактически наблюдаемые и ожидаемые изменения климата. Ныне действующие правила не учитывают изменение внутригодового распределения стока рек. В результате возможности увеличить выработку энергии полностью не используются, возникают чрезвычайные ситуации. Для рационального управления работой водохранилищ требуются новые правила эксплуатации гидроузлов и их каскадов с учетом происходящих изменений гидрометеорологического режима на водосборах.

Чтобы адаптировать *сельскохозяйственное производство* к климатическим изменениям, необходимо продвигать (расширять) зону земледелия в северном направлении, в достаточно увлажненные районы. В Нечерноземье и на Дальнем Востоке это должно сочетаться с активным применением мелиоративных мер, органических и минеральных удобрений и средств защиты растений по нормам, принятым для аналогичных почвенно-климатических условий в странах ЕС. В регионах с ожидаемым ростом засушливости климата первоочередными мерами выступают: внедрение влагосберегающих технологий, включая сохранение или расширение площадей под паром; увеличение доли озимых зерновых культур; расширение посевов засухоустойчивых культур — кукурузы, сорго и проса, а также селекция и интродукция новых сортов других культур, устойчивых к засухе. Для использования дополнительных тепловых ресурсов рекомендуется расширять посевы вторых пожнивных культур в благоприятные по увлажнению годы.

В связи с ожидаемыми положительными изменениями агроклиматических условий для сельского хозяйства в ряде регионов адаптационные меры должны быть направлены на расширение площадей, занятых озимыми зерновыми, более урожайными, чем яровые культуры. Требуется пересмотреть видовой и сортовой состав возделываемых сельскохозяйственных культур с целью отбора видов (сортов) более позднеспелых и продуктивных для использования дополнительных тепловых ресурсов. Для таких регионов рекомендуется существенно расширить посевы теплолюбивых сельскохозяйственных культур, таких как кукуруза и сахарная свекла, которые в настоящее время в значительных объемах импортируются (в частности, свекла — в виде сырья для производства сахара), что не только снизит риски производства, но и ослабит зависимость от импорта. Это относится и к перспективам расширения посевов масличных культур, включая подсолнечник, сою и особенно рапс озимый.

Регионы Поволжья, Северного Кавказа и Урала, поставляющие наибольшее количество продовольственного зерна на экспорт, должны иметь возможность расширить посевные площади с целью компенсировать недоборы зерна, связанные с учащением засух. Эти площади можно освобождать, перенося производство соответствующих объемов фуражного зерна за пределы зоны рискованного земледелия. Важно реализовать меры по уменьшению межгодовой изменчивости валового сбора зерна в засушливых регионах, включая использование севооборотов различных зерновых культур.

Необходимо создать значительные страховые запасы зерна (порядка 20 млн т), для чего нужны резервные мощности зернохранилищ, а также дополнительная уборочная техника. Требуется расширить масштабы экономически рентабельного орошаемого земледелия, особенно в Поволжском и Северо-Кавказском регионах, учитывая, что потепление климата повышает его эффективность. На территории указанных регионов должна быть создана зона высокоинтенсивного субтропического земледелия, аналог которой — современное сельское хозяйство Узбекистана и Азербайджана (производство хлопка, субтропических фруктов, винограда и т. д.).

Еще одна важная мера адаптации сельского хозяйства и АПК в целом к изменениям климата — развитие агрострахования, в первую очередь субсидируемого государством страхования урожая от множественных рисков, которым пока охвачено менее $\frac{1}{4}$ посевов. Кроме того, необходимо ввести обязательное страхование, что не исключает одновременного использования его добровольных форм. В частности, можно применять модель, предусматривающую обязательное страхование гибели посевов и добровольное — пострадавших (по аналогии с ОСАГО и КАСКО в автостраховании). Целесообразно создать мощную государственную агростраховую компанию, которая покрывала бы риски и обеспечивала их перераспределение (перестрахование) как «страховщик последней инстанции». Она должна располагать значительными финансовыми ресурсами, в частности большим уставным капиталом, и развитой региональной сетью, сопоставимой с имеющейся у Росгосстраха. Это, в свою очередь, предполагает жесткий контроль целевого характера и прозрачности использования средств⁹.

⁹ См.: Порфирьев Б., Юлдашев Р. Становление системы агрострахования в России: ключевые проблемы и наметки решений // Российский экономический журнал. 2010. № 6.

Основные направления адаптации экономики к изменениям климата: роль науки и инноваций

Программы и адаптационные меры должны предусматривать *развитие институтов и нормативно-правовой базы адаптации* населения, хозяйственных систем и системы обеспечения национальной безопасности к меняющимся климатическим условиям — прежде всего комплекс правовых мер по обеспечению соответствующих организационно-управленческих и технических мероприятий, правового и организационно-экономического регулирования, а также страховой защиты населения и хозяйственных объектов от экстремальных и опасных природных явлений и бедствий. В связи с этим следует ускорить разработку и принятие нормативных актов и процедур, направленных на: развитие национальной системы страхования для смягчения ущерба от климатических изменений, включая обязательное страхование посевов, а также домов и строений от природных пожаров, наводнений и других опасных явлений; включение мер адаптации экономики и населения к климатическим изменениям в программы долгосрочного развития страны.

Программы и меры снижения климатических рисков для экономики должны опираться на солидную *научную базу и научно-технические разработки*. С одной стороны, ключевая роль принадлежит системам и технологиям снижения риска природных катастроф, прежде всего раннего оповещения, инженерной и санитарной защиты населения и территорий от природных катаклизмов, а также защиты населения и хозяйственных объектов от опасных природных явлений и процессов, в частности экстремальных перепадов температур, выпадения осадков и т. п. С другой стороны, климатические риски можно снизить, смягчая воздействие на климатическую систему за счет уменьшения техногенных выбросов парниковых газов. Решение этой задачи неразрывно связано с инновационным вектором развития России.

Подчеркнем, что технологии, позволяющие смягчить последствия изменения климата, обеспечивают наибольший мультипликативный эффект. Именно поэтому в долгосрочных стратегиях развития и антикризисных программах развитых государств и крупных стран с переходной экономикой значительное место занимают модернизация энергетической и транспортной инфраструктуры, развитие экологически чистой энергетики и связанные с этим НИОКР, а также другие составляющие «зеленой» экономики.

Соответствующий комплекс *организационно-управленческих и научно-технических мер* должен предусматривать: поддержание должного уровня готовности и эффективности, а также инновационное развитие систем, методов и технологий прогнозирования и снижения риска природных катастроф, включая интегральную оценку рисков важных объектов инфраструктуры, чувствительных к погодно-климатическим изменениям, и системы раннего оповещения. Кроме того, необходимо создавать системы, средства и методы инженерной и медико-санитарной защиты населения от экстремальных и опасных природных явлений, включая средства поддержания устойчивости организма к неблагоприятным внешним воздействиям и системы

оказания экстренной медицинской и иной помощи при наступлении таких явлений, а также инженерной защиты хозяйственных объектов (в первую очередь особо важных и опасных).

Наиболее эффективный подход к реализации Климатической доктрины РФ — разработать и ввести в действие пакет нормативных правовых актов и иных нормативных документов различного уровня, которые создали бы эффективные механизмы принуждения к энергоэффективности всех субъектов экономики — от крупных корпораций до домашних хозяйств. Комплекс мер по снижению техногенного воздействия на климат также должен включать научно-технические программы и мероприятия, в том числе по развитию инновационных технологий.

К числу наиболее важных технологий, развитию которых следует уделить особое внимание, относятся: системы, методы и технологии мониторинга и прогнозирования состояния атмосферы и гидросферы; технологии атомной, водородной энергетики, новых и возобновляемых источников энергии, а также производства топлива и энергии из органического сырья; технологии и системы энергосбережения, распределения и потребления тепла и электроэнергии; технологии и системы транспортировки, включая энергоэффективные двигатели и движители для транспортных систем. Особое значение имеют системы и технологии, использование которых способно обеспечить одновременно ресурсо- (энерго-)сбережение, снижение выбросов загрязняющих веществ и парниковых газов и экономию средств. Прежде всего отметим сектор ЖКХ, поскольку на него приходится почти половина потребления электроэнергии, а сроки и норма окупаемости инвестиций весьма привлекательны. Другие перспективные секторы — энергетика, промышленность, строительство, транспорт.

Осуществление основных направлений Климатической доктрины РФ требует от всех федеральных органов власти мер по качественному *повышению роли науки и образования*. Речь идет о науках о Земле, прежде всего климатологии, инженерных и технических науках, а также об экономике, которая должна обеспечить корректные учет и оценку всех аспектов экономического развития, включая климатические и другие экологические риски.

В рамках мер по реализации Климатической доктрины РФ¹⁰ правительство России могло бы принять специальную программу по осуществлению Комплексного плана научных исследований погоды и климата до 2020 г., разработанного Росгидрометом и РАН при участии других ведомств в 2010 г. Это позволило бы:

- проводить скоординированные на национальном уровне исследования (в виде национальной программы с целевым финансированием) с учетом их интеграции в международные программы;
- осуществлять подготовку квалифицированных научных кадров и способствовать их закреплению в российской науке;
- обеспечить актуальные исследования современными информационными технологиями и вычислительными средствами.

¹⁰ Предусмотрен решением Совета безопасности при Президенте РФ от 17.03.2010 г.

Кроме того, важно развивать механизмы экспертизы научных проектов и их результатов, чтобы отечественные исследования соответствовали мировому уровню.

Адаптация к изменениям климата: внешнеэкономический аспект

Во внешнеэкономическом плане программы и программные меры адаптации России к изменениям климата должны исходить из того, что уже сейчас и тем более в ближайшем будущем мировая политика, в том числе экономическая, станет все больше использовать фактор климатических изменений как предлог и реальный механизм сдерживания контрагентов и поддержки собственных производителей в конкурентной борьбе. Поэтому Россия должна учитывать внешнеэкономические риски, связанные с введением «углеродных» барьеров, предлагаемых ЕС и США для ограничения доступа на их рынки продукции и услуг со значительным потенциалом углеродосодержащих выбросов или произведенных на основе энергоемких технологий, к которым относится значительная часть российского экспорта.

Отметим и ограничение, установленное директивой 2008/101/ЕС Европейского парламента с 1 января 2012 г. в отношении авиакомпаний и предусматривающее обязательное наличие у них разрешений на выбросы парниковых газов. Российские авиакомпании, выполняющие авиарейсы в страны ЕС, должны будут оплачивать 15% совокупных выбросов парниковых газов (85% предоставляются бесплатно), что при цене 10 евро/т CO₂-эквивалента означает ежегодные платежи в размере около 2 млн евро. Аналогичные меры прорабатывают и в отношении морских перевозок. Фактически речь идет об игнорировании норм ВТО, согласно которым подобная торговая защита выступает формой недобросовестной конкуренции, а также Рамочной конвенции по изменению климата, прямо запрещающей такую практику.

В соответствии с различными сценариями развития энергосбережения, энергоэффективности и возобновляемой энергетики за рубежом поставки российских энергоносителей будут иметь стратегическое значение для потребителей, прежде всего в ЕС и Китае, по крайней мере в течение ближайших 10–15 лет. В связи с этим России следует проявлять особую осторожность и апеллировать к указанным международным нормам, подчеркивая свою роль надежного поставщика энергоресурсов. В то же время необходимо учитывать особенности нашей страны — холодный климат и большую территорию, объективно требующие производства, транспортировки и потребления значительных и повышенных (по сравнению с другими странами) объемов топливно-энергетических ресурсов для коммунальных и производственных нужд. Последний аргумент особенно важен при парировании настойчивых попыток государств «большой семерки» и ряда других стран ОЭСР вынудить Россию в ближайшее время отказаться от государственных субсидий ТЭК.

Перечисленные особенности наряду с другими специфическими российскими факторами — высокой обеспеченностью страны собственными энергоресурсами и растущим дефицитом трудовых ресурсов — необходимо учитывать и при формировании национальной «зеленой» экономики, в первую очередь экологически чистой энергетики. Для большинства развитых стран и стран с переходной экономикой, являющихся нетто-импортерами энергоресурсов и одновременно имеющих избыток трудовых ресурсов, развитие указанного сектора экономики как способа импортозамещения и смягчения безработицы, очевидно, даже актуальнее, чем экономия ресурсов и снижение нежелательных выбросов в окружающую среду, включая парниковые газы. В отличие от них для России трудо- и импортозамещающие функции «зеленой» экономики с точки зрения развития и конкурентоспособности ее хозяйственного комплекса на ближайшие годы и среднесрочную перспективу (до 2020 г.) имеют второстепенное значение.

Мы не ставим под сомнение важность возобновляемой энергетики для России. Ее развитие целесообразно с позиций рационального использования местных ресурсов (например, геотермальных, ветра или лесной биомассы), улучшения качества окружающей среды и здоровья населения, а в более отдаленной перспективе — замещения дорожающих углеводородов. Безусловно, необходимо сотрудничать с мировым сообществом, включая страны ЕС и США, в области климатических изменений, в том числе при создании Глобальной рамочной основы климатического обслуживания¹¹ (ГРОКО), предусмотренной решениями Третьей Всемирной климатической конференции (Женева, 2009 г.). Главными задачами ГРОКО определены: совершенствование системы мониторинга и прогнозирования экстремальных погодноклиматических явлений; создание и развитие центров климатического обслуживания; обеспечение междисциплинарного подхода, интеграция фундаментальной и прикладной науки.

Формирование ГРОКО потребует значительных усилий России и других стран, но обещает заметно повысить эффективность обслуживания различных потребителей климатической информации, в том числе по вопросам адаптации экономики к изменениям климата. При этом она будет предусматривать не только передачу им данных о температуре, осадках и других погодноклиматических характеристиках, но и разработку и внедрение рекомендаций по использованию указанной информации с учетом специфики каждого потребителя, деятельность которого подвержена климатическим рискам. Формирование российского сегмента ГРОКО подразумевает сотрудничество Росгидромета с другими федеральными ведомствами (а также с РАН, РАСХН, РАМН) в области разработки практических руководящих материалов по подготовке и использованию климатической продукции в различных секторах и регионах.

¹¹ Работаем сообща над созданием Глобальной рамочной основы для климатического обслуживания: Отчет Всемирной климатической конференции-3 / ВМО. 2009. № 1048. www.wmo.int/pages/gfcs/index_ru.html.

*В. ГЕЛЬБРАС,
доктор исторических наук,
профессор Института стран Азии и Африки
при МГУ имени М. В. Ломоносова,
главный научный сотрудник ИМЭМО РАН*

РОССИЯ И КИТАЙ: НЕИЗБЕЖНОСТЬ СУДЬБОНОСНЫХ ПЕРЕМЕН

Глобальный кризис конца 2000-х годов обусловлен фундаментальными экономическими и социальными переменами в ведущих странах. Все они заняты поиском новых факторов устойчивого роста. Для этого необходимо решить проблемы, вызвавшие кризис, и тем самым определить динамику мирового хозяйства на ближайшие десятилетия. Главная задача — обеспечить оптимальное обновление производства, экономики и общественных отношений. В России и Китае в силу их цивилизационной специфики идет поиск собственных путей дальнейшего развития. Охарактеризуем наиболее важные проблемы, с которыми сталкиваются эти страны.

Технологический вызов

Появились новые технологии, углубляющие проникновение человека в мир природы и понимание общественной организации. Био- и нанотехнологии, а также новейшие информационно-коммуникационные системы формируют новую технологическую базу общественного развития¹. В России и Китае осознали значение технологического вызова: создают инновационные творческие центры; отечественных специалистов и молодежь, прошедшую обучение на Западе и получившую там практический опыт, призывают возвращаться на родину; приглашают на работу иностранных специалистов. Между тем еще предстоит осознать неизбежность формирования новых основ общественного развития, иначе будет сдерживаться распространение новых технологических достижений и развитие инновационного процесса в целом. Приходит понимание, что инновация — прежде всего

¹ Подробнее см.: Гайдар Е. Кризис и Россия // Российская экономика в 2009 году. Тенденции и перспективы. Вып. 31. М.: Проспект, 2010. С. 50—53.

модернизация самого государства. В этом отношении и Россия, и Китай не достигли существенных успехов.

Суть модернизации государства заключается в последовательной реализации ключевых универсальных ценностей: защита прав собственности; становление свободного рынка, функционирующего в четких рамках закона и традиций; развитие конкуренции; обеспечение верховенства закона. В России и Китае на эту тему сказано много красивых и правильных слов, но на деле все остается по-прежнему.

Может ли быть иначе? Например, в России доля имущества, принадлежащего государству на всех уровнях власти, превышает 50%, а с учетом косвенного контроля — 75%. Еще сложнее ситуация в Китае. Роль государства в нем значительно больше, чем в России. Хотя в последние годы масштабы государственного сектора формально уменьшились, все узловые пункты в экономике в центре и на местах остались в руках государства и местных органов власти. В абсолютном господстве государства в национальном хозяйстве кроется кардинальное отличие России и Китая от большинства других стран. Но рождение нового технико-технологического способа производства объективно несовместимо со всевластием государства.

Судить о роли государства в экономике Китая можно по объему инвестиций в основной капитал. На фоне мирового кризиса и сокращения доходов экономики в 2008—2009 гг. в Китае существенно изменились пропорции между валовым накоплением и конечным потреблением.

Во-первых, рост ВВП в Китае в значительной мере обусловлен беспрецедентным объемом инвестиций в основной капитал. Во-вторых, хотя по абсолютным размерам ВВП страны, как убеждены китайские статистики, вышел на второе место в мире, по своей структуре, физическому наполнению он существенно отличается от аналогичного показателя развитых стран. Бывший консультант Народного банка КНР Юй Юндин в статье, опубликованной в газете China Daily, в частности, писал: «Некоторые местные власти просто непрерывно роют ямы и потом их засыпают. Делается это *только ради увеличения ВВП*. В результате мы видим множество бесполезных роскошных вилл, громадных зданий администраций и небоскребов»².

На протяжении большей части последних 30 лет из-за политики государства доля валового накопления основного капитала вплотную приближалась к 40%, в 2003—2008 гг. превысила эту отметку, а в 2009 г. достигла даже 47,7% ВВП (см. табл. 1). В 2010 г., судя по предварительным данным, она составила уже 48,6%³. За счет этих средств формировались зоны экспортного производства, созданы инфраструктура экспортно-импортных операций, комплекс современных производств и средств транспорта, модернизировано хозяйство многих городов. В результате возросла территориальная дифференциация, возникли новые социальные слои населения. Неустанно мо-

² Развитие Китая по существующей модели не может продолжаться — ведущий китайский экономист. www.epochtimes.ru/content/view/43247/4/.

³ 2011 China Statistical Abstract. Beijing: China Statistical Press, 2011. Е 36.

Инвестиции в основной капитал, 2000—2009 гг.
(в % к ВВП, в текущих ценах)

Год	Валовое накопление	Валовое накопление основного капитала			Чистый экспорт товаров и услуг
		всего	машины и оборудование	изменение запасов материальных оборотных средств	
2000	37,7	35,3	34,3	1,0	2,4
2001	38,6	36,5	34,6	1,8	2,1
2002	40,4	37,8	36,2	1,6	2,6
2003	43,1	40,9	39,1	1,8	2,2
2004	45,5	43,0	40,5	2,5	2,5
2005	47,1	41,6	39,7	1,9	5,5
2006	49,3	41,8	39,6	2,2	7,5
2007	50,5	41,7	39,1	2,6	8,8
2008	51,6	43,9	40,7	3,2	7,7
2009	52,1	47,7	45,5	2,2	4,4
2010	52,6	48,6	46,2	2,4	4,0

Источник: Zhongguo tongji nianjian, 2010 = Китайский статистический ежегодник, 2010. Beijing: Zhongguo tongji chubanshe, 2010. Е 55—56; Zhongguo tongji zhaiyao, 2011 = Краткий статистический справочник Китая, 2011. Beijing: Zhongguo tongji chubanshe, 2011. Е 36.

дернизируется огромный военно-промышленный комплекс, появились совершенно новые рода войск, укрепляется и обновляется военная и территориальная полиция.

По данным Государственного статистического управления Китая, в 2009 г. инвестиции обеспечили более 90% роста ВВП, в 2010 г. — более 50%⁴. Столь беспрецедентные по объему инвестиции оказались возможны благодаря прямым капиталовложениям государства и контролируемых государством структур. Одной из глубинных причин кризиса стало преобладание интересов наращивания основного капитала над задачами повышения эффективности факторов производства (или производительности труда), обновления общественно-политического устройства. Примечательно, что до кризиса это наблюдалось и в России.

Структурная модернизация

В России и Китае стоит задача создать новые секторы экономики, новый бизнес, которые могли бы сдержать рост социального напряжения в обществе и сократить безработицу. Одновременно надо решать проблему неравномерности территориального развития. В связи с этим в обеих странах приняты амбициозные программы экстенсивного роста — подъема отсталых районов. Они ориентированы на формирование новых промышленных центров. В Китае уже более 10 лет осуществляется программа подъема западных районов, занимающих более 70% территории страны, где проживает 28% населения. Один центр планируется создать в Синьцзян-Уйгурском автономном районе.

⁴ 2011 China Statistical Abstract. Е 37.

Возрождается экономика Северо-Восточного Китая, бывшего некогда главной промышленной базой страны.

Реализация стратегии подъема отсталых районов дала скромные результаты. Доля западных районов в ВВП Китая, составлявшая в 2009 г. 14,7%⁵, за 20 лет снизилась почти на 1 п. п. (15,6% в 1989 г.)⁶. В целях ускоренного освоения Западного Китая теперь предусмотрено выделять бюджетные средства, кредиты, предоставлять налоговые льготы, закреплять развитые приморские районы за западными. Для помощи последним предполагается отчислять от 2 до 6% доходной части бюджетов развитых районов, введен специальный налог на нефте- и газодобывающие компании. Такие меры, возможно, позволят решить отдельные вопросы в ряде областей, но почти наверняка будут сдерживать развитие приморских провинций.

Архаичность и коррумпированность региональной структуры России и Китая сковывают социально-экономическое развитие и создают очаги сепаратизма. Административное расслоение и разный статус регионов препятствуют единообразию в действиях властей, обуславливают широкое распространение коррупции. В обеих странах сохранились компактные, в отдельных районах — клановые или замкнутые национально-культурные анклавы. Слабое развитие межрайонных товарных отношений и межрегиональной миграции ограничивают экономическую интеграцию местом проживания исторически сложившихся групп населения, причем в Китае они говорят на разных диалектах.

Закономерно, что по аналогичным причинам в России живучи сибирские региональные течения. На Дальнем Востоке появилось понятие «Тихоокеанская Россия». С его помощью пытаются противопоставить регион всей стране.

Со стратегией развития Сибири связано немало проблем. В России на протяжении десятилетий на высшем уровне говорится о подъеме Дальнего Востока и Забайкалья, принимаются постановления и программы, направленные на достижение этой цели. Правда, они редко выполняются. Так, в «Стратегии социально-экономического развития Сибири до 2020 года»⁷ не указаны объем финансовых средств, необходимых для ее осуществления, и источники их формирования. Кроме того, не обращают внимания на кадровое обеспечение этой программы. В 1990 г. на территории нынешнего Сибирского федерального округа (СФО) жили 24 млн человек, к 2010 г. осталось в лучшем случае 19 млн. Ныне речь идет о необходимости возратить на эту территорию порядка 800 тыс. человек. Для выполнения стратегии СФО потребуется 1 млн новых работников, однако в документе нет ни слова об источниках пополнения рабочей силы. Еще сложнее привлечь население на Дальний Восток. На протяжении десятилетий население Сибири и Дальнего Востока сокращалось за счет его оттока в Европейскую часть страны. Власти не предприняли никаких действенных мер, чтобы остановить этот процесс.

Реализация множества национальных проектов и федеральных программ, конечно, дает определенный эффект, но они не скоординированы с решением стратегической общенациональной задачи развития, которая вообще пока не сформулирована. В Сибири и на Дальнем Востоке целесообразно вернуться к выборам местного руководства,

⁵ 2010 China Statistical Abstract. Beijing: China Statistical Press, 2010. E 20, 27.

⁶ 1990 China Statistical Yearbook. Beijing: China Statistical Press, 1990. E 33, 39.

⁷ Утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 5 июля 2010 г. № 1120-п. www.sibfo.ru/strategia/strdoc.php.

нужно установить жесткий режим пограничного контроля и искоренить коррупцию. Актуальны вопросы привлечения на льготных условиях на Дальний Восток и в Забайкалье крупного частного капитала, введения разнообразных налоговых и иных льгот для стимулирования капиталовложений и деловой активности населения, широкого использования вахтового метода работы и других мер, способствующих социально-экономическому подъему этих территорий.

Мотивация политических действий властей

На протяжении более полувека, да и в настоящее время, главной национальной идеей Китай считает достижение и опережение уровня экономики США, а важнейшей целью — рост ВВП. Для этого в 1990-е годы была избрана экспортная ориентация хозяйства под лозунгом «Идти вовне!». Всего пять ориентированных на экспорт районов страны стали ее главным экономическим центром. Фактически вся экономика была поставлена на службу экспортным устремлениям государства. При этом закономерно страдает население.

Потребление населения снизилось с 51,6% в 1985 г. до 33,8% в 2010 г. (см. табл. 2). Примечательно, что, несмотря на решения властей 2007—2009 гг. о строительстве «новой социалистической деревни», подъеме сельского хозяйства и повышении уровня жизни его тружеников, положительных перемен пока не произошло, а в структуре использованного ВВП доля крестьян заметно снизилась.

Т а б л и ц а 2

Потребление в структуре использованного ВВП КНР (в % к ВВП, в текущих ценах)

Год	Потребление, всего	Конечное потребление домохозяйств			Потребление органов власти
		всего	крестьяне	горожане	
1985	66,0	51,6	30,9	20,7	14,3
1990	62,5	48,8	24,2	24,6	13,6
1995	58,1	44,8	17,8	27,0	13,2
2000	62,3	46,4	15,3	31,1	15,8
2001	61,4	45,4	14,5	30,9	16,0
2005	52,9	38,8	10,3	28,5	14,1
2006	50,7	36,9	9,5	27,4	13,7
2007	49,5	36,0	9,1	26,9	13,5
2008	48,4	35,1	8,7	26,4	13,3
2009	48,2	35,0	8,4	26,7	13,2
2010	47,4	33,8	13,6

Источник: см. табл. 1.

Китай развивается в большой мере за счет ограничения потребления населения, прежде всего крестьянства. Важной тенденцией последних 30 лет стало относительное снижение доли потребления крестьянства, составляющего абсолютное большинство населения. При этом доля валового конечного потребления 800—900 млн крестьян

в первом десятилетии XXI в. даже меньше доли потребления органов государственной власти, где занято 60—70 млн человек. В стране с населением более 1,3 млрд человек нет емкого внутреннего рынка, причем условия для его быстрого развития отсутствуют.

В России после начала кризиса зафиксирован противоположный процесс. Доля валового накопления снизилась до 25,3%, что сопоставимо с показателем кризисного 1998 г. В Китае, наоборот, доля накопления бьет все рекорды. При этом в РФ расходы на конечное потребление населения выросли с 65,5% ВВП в 2008 г. до 74,7% в 2009 г. В Китае меры по стимулированию потребления населения в 2007—2009 гг. не дали ожидаемых результатов. Доходы населения слишком низкие, чтобы компенсировать потери от сокращения экспорта.

В России не сформулирована четко цель развития, нет объединяющей народ идеи. Член Координационного совета Института стратегической безопасности Ю. Шалыков справедливо отметил: «Если страна утратила единую цель, ее граждане начинают стремиться каждый к своей малой цели. Начинается распыление сил, средств и возможностей. Через некоторое время страна проседает по всем базовым показателям: образованию, культуре, экономике и прочее. Далее неизбежно разрушение»⁸. Власти постоянно говорят о государственном величии. При этом коррупция, как ржавчина, разъедает органы власти, а экономика фактически базируется на экспорте нескольких сырьевых товаров — нефти, газа, леса.

В России и Китае становление новых секторов экономики, нового бизнеса может смягчить рост социального недовольства, порождаемого так называемыми системообразующими предприятиями с устарелой техникой и технологией, не способными выдержать конкуренцию с новейшими производствами. Их перспективы в современных условиях выглядят неопределенными.

В России по-прежнему делают акцент на развитии сырьевого и энергетического секторов экономики, ориентированных на расширение экспорта при ограниченном создании новых отраслей. В Китае, как отмечалось, принято решение развивать внутренний рынок и строить «новую социалистическую деревню». Однако коррумпированные органы власти стремятся отобрать у крестьян землю, чтобы пустить ее в оборот и заработать на сделках с ней (см. ниже). При этом власти не отказались от экспортной ориентации экономики. В 2009—2010 гг. увеличить экспорт не удалось, не дало ожидаемого эффекта и приобретение активов и долговых бумаг США и стран Евросоюза. Более того, возникла угроза обесценения валюты, вложенной в эти бумаги. В таких условиях китайские власти внесли коррективы в государственные планы, объявив в 2010 г. о переходе к новому этапу стратегии «Идти вовне!» — экспорту капитала. Теперь к этому процессу привлекают также частные компании. Государственные структуры стали маскироваться под частные. Китайцы начали приобретать зарубежные активы, особенно месторождения нефти, газа, богатых руд черных и цветных металлов и пр.

⁸ Чума приближается, пир продолжается // Аргументы недели. 2010. 23 дек. С. 19.

Российско-китайское межрегиональное сотрудничество

В конце 2009 г. произошел перелом в развитии российско-китайского межрегионального сотрудничества. Стороны подписали Программу сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири России и Северо-Востока Китая на 2009—2018 гг. Его главной задачей объявлена координация деятельности сторон по осуществлению двух стратегий регионального развития: российской федеральной целевой программы «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на период до 2013 года» и китайской «Программы по возрождению районов Северо-Востока Китая».

Возникает вопрос: будет ли выполняться эта программа и если да, то как? Пока, согласно ей, природное сырье намечается добывать в России, а конечный продукт производить в Китае. Предполагается также организовать на российской территории «грязные» производства. Иными словами, наша страна становится сырьевым придатком Китая.

В настоящее время в России настроения в пользу сотрудничества с Китаем перевешивают негативное восприятие КНР. Вместе с тем усиливается отрицательное отношение к дальнейшему углублению взаимодействия с Китаем в рамках так называемого стратегического партнерства. В основе подобного отношения лежат как традиционные, так и новые факторы. При этом многое свидетельствует о том, что, создав ШОС, высшие руководители не решили, выступают Россия и Китай реальными или виртуальными партнерами. Приведем примеры.

1. Китайские власти могут вынуждать Москву действовать в выгодном для них духе, например, на протяжении длительного времени отказывать Далай-ламе в праве въезда в Россию к своим единоверцам. Они также требовали, чтобы официальные представители России не присутствовали на церемонии присуждения Нобелевской премии осужденному китайскими властями правозащитнику Лю Сяобо, добились запрета на въезд в Россию известной китайской труппы «Шэнь Юнь» (Shen Yun Performing Arts), концертного коллектива из Нью-Йорка.

2. С государственной границей вопрос вроде бы решен: о. Тарабаров, а также часть Большого Уссурийского острова отошли к Китаю. Но китайская сторона не довольствуется этим. Вопреки соглашению о режиме российско-китайской государственной границы от 9 ноября 2006 г. снова развернуты работы по забору грунта со дна пограничной реки Уссури с использованием барж и самоходных плавсредств. В ноябре 2009 г. китайской стороне была направлена нота протеста, однако ее проигнорировали. С 25 апреля 2010 г. без уведомления российской стороны работы были возобновлены, что может привести к смещению линии государственной границы в сторону российского берега⁹. Более того, бывшие владельцы земельных участков на Большом Уссурийском острове по решению российского краевого суда имеют право на компенсацию, однако они ее не получили. Налоговая инспекция вновь прислала им квитанции на уплату земельного налога,

⁹ РИА «Восток-Медиа». 2010. 7 июня. vostokmedia.com/n76316.html.

в которой недвусмысленно указано: «Налог на землю, переданную КНР». Российские власти не только не предоставили бывшим владельцам новые участки, но и не выполнили решение суда о выплате пострадавшим рыночной стоимости утраченной земли¹⁰.

3. Учитывая кризисную демографическую ситуацию в России, Пекин сделал соответствующие выводы. Как пишет Дун Цзин, ответственный редактор «Жэньминь жибао», «в конечном счете Китай, по-видимому, готовится подвергнуть российский Дальний Восток своему фундаментальному влиянию, но таким образом, чтобы при этом не вызвать у Москвы беспокойства. Сила этого влияния будет основана не на масштабном наплыве китайских переселенцев, а на непредвиденной заранее “китаизации” россиян»¹¹.

Экономическая стагнация региона, ощущение бесперспективности, оторванность от остальной территории страны, проблемы трудоустройства, безответственность московского и местного руководства побуждают дальневосточников искать лучшую долю вне родных мест. Именно на это обстоятельство обратили внимание в Китае. Упомянутый автор пишет: «В один прекрасный день возникнет серьезный кризис, и перед лицом ослабевающего политического и военного влияния Москвы эти россияне, возможно, предпочтут сделать выбор в пользу Пекина, а не собственного правительства. При таком гипотетическом варианте российский дальневосточный регион, возможно, станет провинцией Китая». Если китайское правительство будет улучшать «дорожную, больничную и школьную инфраструктуры, то сила притяжения Китая заметно возрастет». И еще: «Статус Китая для россиян повысится до уровня страны, предоставляющей огромные возможности, до которых Средней Азии и Сибири еще слишком далеко»¹². В Китае уже перешли к практическому применению разнообразных мер для побуждения россиян переселяться на китайскую территорию. Облегченный порядок паспортного оформления, продажа квартир, бесплатное (в отличие от китайских граждан) медицинское обслуживание привлекают российских граждан. Поселения россиян уже появились в приграничных и глубинных городах Китая.

4. Не так давно председатель правительства РФ В. Путин сказал: «Несколько лет назад я практически разогнал все руководство таможни. И что? Каналы как работали, так и работают до сих пор... Где посадки?». После этого закрыли «Мекку» китайской контрабанды — Черкизовский рынок в Москве. Ликвидация этого рынка привела не к ее пресечению, а к появлению множества небольших «черкизовов». Закрытие Черкизовского рынка стало для Китая очень неприятным событием, китайское правительство выразило свою озабоченность по этому поводу. С его работой были связаны производство нескольких десятков тысяч китайских предприятий, работа 60—80 тыс. человек и стабильное получение миллиардных доходов. Благодаря этому

¹⁰ Хабаровских изгоев заставляют платить за китайскую землю // Аргументы недели. 2010. 23 дек.

¹¹ Дун Цзин. Китай все больше привлекает российский Дальний Восток // Жэньминь жибао. 2008. 30 янв. www.chinapro.ru/archive/31/308/.

¹² Дун Цзин. Указ. соч.

рынку китайские товары распространялись по всей Европейской территории России, население привыкло постоянно пользоваться китайской продукцией. Более того, насыщение российского рынка китайскими товарами чревато исчезновением целых отраслей российской промышленности.

Оценки сумм, которые недополучает российский бюджет от контрабанды из Китая, разнятся от 500 млрд до 1 трлн руб. в год¹³. Всемирная торговая организация суммировала данные китайских предприятий о поставках одежды в Россию. Оказалось, что в 2007 г. китайцы отгрузили нам товара на 6,6 млрд долл., в 2008 г. из-за кризиса наступил спад, и одежды продали только на 3,7 млрд долл. По отчетам российской таможни, за 2007 г. через нее прошло китайской одежды всего на 530 млн долл., год спустя — на 900 млн долл. Значит, лишь в 2007 г. без оформления через таможню было перемещено китайской одежды на 6,07 млрд долл.¹⁴ Автор публикации делает вывод: «Ясно также, что реальный объем контрабанды в 4–10 раз превышает официально декларируемый товарный поток»¹⁵.

Для организации бесперебойной поставки товаров были созданы специальные «дыры» в российской таможенной границе. В сообщениях о том, как из таможенной службы удаляли сотрудников, пытавшихся остановить китайскую контрабанду, как правило, отмечалось вмешательство московских чиновников, заинтересованных в ее поставках. Ретивых таможенников увольняли, а товар доставляли получателям.

Китайская контрабанда не прекратилась. В декабре 2010 г. торгпред России в Китае С. Цыплаков, отвечая на вопросы читателей в редакции ChinaPRO, уклончиво сказал: «Точный объем товаров, поступающих по „серым“ схемам, определить не берусь, но, думаю, что 50% — это цифра все же завышена»¹⁶.

5. Китайские власти установили порядок, согласно которому приобретать в России надлежит только лес-кругляк, а всю последующую его обработку производить на китайской территории. По вине российских властей на Дальнем Востоке в лесах возникло массовое браконьерство. Самые большие проблемы с нелегальной рубкой леса сложились на Дальнем Востоке.

В Хабаровском крае доля нелегальной вырубки, по свидетельству сотрудника Амурского филиала Всемирного фонда дикой природы С. Арамилева, достигает 40%. «На ключевых территориях Приморского края почти весь спелый лес, кроме березы и осины, вырубил. Остались кусты, некондиционный лес, кривые стволы после пожаров»¹⁷. Известный эколог, директор Института водных проблем РАН, член-корреспондент РАН В. Данилов-Данильян пишет: «Происходит успешное внедрение экспортной экологической преступности из Китая в Россию. Там за незаконную порубку — смертная казнь. У нас — премия. Например, тот же кедрач фактически уничтожен. Немного осталось в заповедниках — Кедровая падь, Уссурийский заповедник. Но и на них идет полномасштабное наступление. Забайкальской тайги уже нет. В Бурятии леса вырубаются так, что не успевают вывозить»¹⁸.

¹³ Павлов А. На таможне открыли черную дыру // Аргументы недели. 2010. 17 июля.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ www.chinapro.ru/5/5514/.

¹⁷ Хицкий П. Лес отдали браконьерам // Аргументы недели. 2010. 10 июня. С. 6.

¹⁸ Чертова пахота // Аргументы недели. 2010. 8 июля. С. 3.

6. Серьезную проблему создало безлицензионное копирование в Китае российского вооружения. Необходимо усилить борьбу за сохранение российских авторских прав на экспортируемые вооружения и военные технологии¹⁹.

7. В сфере торговли Россия и Китай выступают как конкуренты и соперники.

Например, воспользовавшись отсутствием крупных морозильных мощностей во Владивостоке, через который проходит 75% добытых морепродуктов, Китай купил в 2009 г. 40 тыс. т горбуши по 5 руб. за 1 кг. Чтобы иметь возможность и в 2010 г. получить максимальный ее объем, Пекин выдал многим крупнейшим рыболовецким компаниям Приморья льготные кредиты на проведение путины 2010 г. с условием, чтобы рыба была отправлена в Китай. По данным Росрыболовства, с начала 2010 г. из Владивостока по железной дороге в Европейскую часть страны отправлено 13 тыс. т горбуши, а в Китай — 52 тыс. т. В целом объем перевозки рыбы с Дальнего Востока в центр страны упал на 42%. При этом российские железнодорожники перевозят рыбу с Дальнего Востока по льготным тарифам — в пять раз дешевле других товаров²⁰.

Примеры подобного рода показывают, что в отношениях между нашими странами далеко не все в порядке. Научный руководитель Центра исследований постиндустриального общества В. Иноземцев в интервью «Российской газете» сказал: «На мой взгляд, ни США, ни Китай не хотят, чтобы Россия стала их равным партнером. Да, сателлитом, пожалуйста. Поставщиком ресурсов, нет проблем. Подчиненным геополитическим игроком, тоже с удовольствием. Но вот каких-то партнерских отношений эти страны выстраивать с нами не собираются...». И далее: «Нужно просто четко понимать, что Китай не считает нас в полной мере другом». Отвечая на вопрос, представляет ли эта страна потенциальную угрозу для нас, Иноземцев сказал: «На самом деле единственная угроза, которая может быть, это то, что он, расширяясь экономически и завоевывая на мировом рынке индустриальную нишу, лишает Россию возможности стать индустриальной страной. То есть закрывает нам рынки... В этом отношении Китай в какой-то мере барьер на пути российской модернизации»²¹.

При этом Китай и отчасти Россия по количеству важнейших потребительских товаров на душу населения никогда не смогут достичь уровня промышленно развитых стран. Авторитетная китайская комиссия по итогам сравнения более десяти стран по множеству параметров пришла к выводу, что Китай за истекшие годы добился впечатляющих успехов, высоких темпов экономического роста. Однако это сопровождается крайне нерациональным и неэффективным использованием ресурсов, масштабным загрязнением окружающей среды. Во многих отношениях Китай отстает от США, Великобритании, Франции и ряда других стран на 100 и более лет. Мир не располагает ресурсами, необходимыми для преодоления такого разрыва. Но если ресурс ограничен, он становится платным. Эта плата — неравенство.

¹⁹ Никольский А. Аргумент для Китая // Ведомости. 2010. 19 окт.

²⁰ Гурдин К. Теория рыбного заговора // Аргументы недели. 2010. 11 нояб. С. 5.

²¹ Эксперт: Китай и Россия «на равных» дружить не могут // Newsland. 2010. 3 нояб. newsland.ru/News/Detail/id/566304/.

Преодолеть его можно только за счет развития науки и внедрения ее достижений в жизнь. Однако Россию уже покинули 1,2 млн высококлассных специалистов. В Китае в 1991—2007 гг. выехали на учебу за рубеж более 1 млн человек, вернулось около 250 тыс.

Социальные изменения

В России и Китае происходят значительные социальные изменения. Важный их индикатор — нарастающий разрыв между властями и населением. В Китае есть поговорка «У цзи би фань». Она означает: что-либо, достигнув высшей точки, превращается в свою противоположность. Власти Китая, добившись признания страны в качестве индустриального государства и торгующей нации, вынуждены ныне заняться базовыми общественными проблемами: дорогами, здравоохранением, просвещением, социальным обеспечением и социальным страхованием. При этом условия жизни народа не облегчаются, а, похоже, становятся тяжелее. Люди устали ждать «социалистического» благоденствия и вынуждены бороться за защиту своих интересов.

Весной—летом 2010 г. в Китае произошли события, свидетельствующие о серьезных социально-политических изменениях в настроениях общества. Начались забастовки рабочих в защиту своих прав. По сообщениям печати, с мая 2010 г. в различных районах Китая почти каждый день возникали акции протеста рабочих как государственных, так и частных предприятий. Более 20 дней продолжалась забастовка рабочих компании «Илхуа», где производится оборудование для химической промышленности. 14 мая около 10 тыс. рабочих, уволенных с хлопкового завода г. Биндиншань провинции Хайнань, остановили производство. Выступление было подавлено полицией. Широкую огласку получили серия самоубийств рабочих японской компании Foxconn, а также массовая забастовка рабочих завода японской компании Honda в г. Фошань провинции Гуандун, которая привела к остановке работы всех заводов этой компании в Китае. Только в мае 2010 г. произошло 11 крупных забастовок в 11 провинциях и городах центрального подчинения. Профессор Шаньдунского университета Сунь Вэньянь сказал корреспонденту The Epoch Times, что в настоящее время противоречия в китайском обществе обострены до предела, а силовые методы решения проблем, используемые властями, приводят к обратному эффекту²². После начавшихся забастовок в 30 провинциях КНР власти повысили минимальную зарплату²³. Таким образом, в рабочей среде начали осознавать общность своих социальных интересов.

В Китае законодательно земельные участки закреплены за отдельными семьями. При этом разрешено сдавать право хозяйствования на выделенном участке в аренду, вносить в качестве пая в акционерное или коллективное предприятие и т. д. Поскольку земля по закону находится в коллективной собственности, власти приступили к изъятию земли у крестьян для последующей ее продажи строительным организациям. В ответ на действия властей стали вспыхивать акции протеста крестьян.

²² Китай захлестнула волна забастовок рабочих. Власти опасаются всенародного бунта // Великая эпоха. 2010. 4 июня. www.epochtimes.ru/content/view/37807/4/.

²³ Китайские власти стараются умалить влияние забастовок рабочих // Там же. 2010. 21 июня. www.epochtime.ru/content/view/38367/4/.

Так, 27 марта 2010 г. в деревне Бэйцан г. Куньмин провинции Юньнань протестующие крестьяне сожгли несколько полицейских машин. Прибывшее полицейское подкрепление силой подавило протест и арестовало несколько десятков человек²⁴. 25 мая местные власти района Гаосиньси г. Чэнду объявили, что взятую у крестьян в аренду землю они покупают и больше не будут платить арендную плату — единственный доход многих крестьян. Предложенная плата за землю была слишком маленькой. Несколько тысяч крестьян выступили с протестами. В ответ тысячи полицейских подавили их выступления. Многие были ранены²⁵.

В деревню Наньлючжуан провинции Хэнань 1 июня 2010 г. власти прислали более 500 полицейских, пригнали бульдозеры и другую технику для сноса крестьянских домов без согласия их хозяев. В результате столкновения 6 человек погибли, более 20 получили ранения. Крестьянин Лю Данао в ходе столкновения сел в грузовик и направил его на чиновников. Он был задержан вместе с группой крестьян²⁶.

В деревне Шэньчоу провинции Чжэцзян 15 ноября 2010 г. 18 крестьян написали «кровавую клятву» — предупреждение о том, что если власти не вернут им отобранную землю или не выплатят надлежащую компенсацию, то 20 ноября они покончат с собой. Власти учитывают, что почти неграмотные люди жаловаться не станут. Крестьянам было заявлено, что, если они не согласятся, землю отберут насильно²⁷. 26 декабря в деревне Таньтянь провинции Гуанси полицейские избили крестьян, протестовавших против изъятия их земли. По состоянию на конец декабря 2010 г. власти отобрали у них все 31,5 га. Крестьянам было выплачено 56 488 юаней за 1 му (му = 1,15 га). Компания-застройщик уже купила эту землю у властей по цене более 200 тыс. юаней за 1 му²⁸.

Ныне наиболее острые проблемы в развитии Китая — политические и социально-культурные. Без коренных перемен в этих сферах, без прямого участия населения в формировании органов власти, без гласности, способной остановить рост коррупции и разложение чиновников, без повышения уровня жизни, особенно крестьян, невозможно сформировать современное общество и государство. Цитированный выше Юй Юндин подчеркнул, что необходимо разрушить «преступный союз вельмож и знати», то есть чиновников и бизнесменов, и отметил, что, «если хотим дальше развивать экономику, сначала надо провести политические преобразования». По его прогнозам, если Китай не сможет изменить режим «кланового капитализма» и сократить разрыв между бедными и богатыми, который непрерывно растет вслед за обострением социальных противоречий, то это «неизбежно приведет к мощному сопротивлению со стороны народа»²⁹. Как сообщил гонконгский журнал «Дунсян», 26 мая 2010 г. на собрании Госсовета по текущим вопросам премьер-министр КНР Вэнь Цзябао предупредил всех о надвигающемся экономическом кризисе³⁰.

²⁴ На юге Китая произвол властей вызвал массовые беспорядки // Великая эпоха. 2010. 28 марта. www.epochtimes.ru/content/view/35427/4/.

²⁵ Столкновение тысяч крестьян с полицией произошло на западе Китая // Там же. 2010. 2 июня. www.epochtimes.ru/content/view/37697/4/.

²⁶ Китайский крестьянин из мести врезался на грузовике в группу чиновников // Там же. 2010. 5 июня. www.epochtimes.ru/content/view/37832/4/.

²⁷ Лотосов О. Китайские крестьяне собираются совершить коллективное самоубийство // Там же. 2010. 15 нояб. www.epochtimes.ru/content/view/42261/4/.

²⁸ Лянь Хуа. В Китае очередное изъятие земли у крестьян не обошлось без кровопролития // Там же. 2010. 30 дек. www.epochtimes.ru/content/view/43344/4/.

²⁹ Развитие Китая по существующей модели не может продолжаться — ведущий китайский экономист.

³⁰ Китайский премьер предупредил о надвигающемся на страну экономическом кризисе // Великая эпоха. 2010. 23 июня. www.epochtimes.ru/content/view/384338/4/.

События в России носят иной характер, но их суть также свидетельствует о формировании антиправительственных настроений. Россию потрясла резня в станице Кушевская, позволившая вскрыть преступную связь власти с уголовным миром. Альтернативная вертикаль власти была обнаружена в Гусь-Хрустальном. Сколько таких преступных образований в стране — не может сказать никто. Как писала «Независимая газета», подводя итоги 2010 г.: «К сожалению, такие банды, бандочки, криминал в той или иной степени присутствуют везде»³¹. Их поддерживают правоохранительные органы, чиновники разного уровня. Бунт с участием 5 тыс. человек на Манежной площади в Москве 11 декабря 2010 г. и аналогичные акции в других городах, в том числе в Санкт-Петербурге, Новосибирске и Ростове-на-Дону, продемонстрировали, что агрессия и насилие могут быть эффективным способом давления на обескураженную и оторвавшуюся от народа власть.

* * *

Отсутствие цели, как и неправильный ее выбор, или общей идеи либо непримиримые противоречия цели и идеи неизбежно губительным образом сказываются на обществе и государстве. Они начинают руководствоваться разными интересами. Государство вырождается в сообщество чиновников, лишенных чести и моральных устоев, стремящихся к скорейшему обогащению любой ценой. Общество превращается в население, озабоченное собственным пропитанием и неясным будущим.

Последствия уже видны невооруженным взглядом. Влияние России в Азиатско-Тихоокеанском регионе, как и во всем мире, в предстоящее десятилетие останется довольно ограниченным. Не имея ни цели, ни идеи развития на предстоящие годы, Россия обрекает себя на положение сырьевого придатка Китая. Даже разработав долгосрочную стратегию, располагая огромными ресурсами, Россия не успеет создать достаточно мощную промышленную базу для внешнеэкономической активности в этом регионе в ближайшие десятилетия. Главным фактором станет выход страны на тихоокеанский рынок нефти. Возможно, заметную роль сыграет возрождение Северного морского пути.

Принципиальное значение для развития России будут иметь перемены во всей политико-экономической структуре общества. Что касается Китая, то его роль в регионе во многом зависит от политических изменений и социально-экономической обстановки в стране. Он вынужден поддерживать внешнеэкономическую активность, поскольку формирование культуры потребления и емкого внутреннего рынка займет много лет.

³¹ Альтернативная криминальная вертикаль. Массовое убийство в станице Кушевская показало, что в регионах банды не менее сильны, чем в 90-е // Независимая газета. 2010. 30 дек. С. 7.

*А. ГРУЗДЕВ,
аспирант Института стран Азии и Африки
МГУ имени М. В. Ломоносова,
советник Управления Президента Российской Федерации
по внешней политике*

«ФИНАНСОВЫЕ ПЛАТФОРМЫ» МЕСТНЫХ ПРАВИТЕЛЬСТВ И ИХ РОЛЬ В КРЕДИТНОМ БУМЕ В КИТАЕ (2009—2010 гг.)

Глобальный финансовый кризис, разразившийся в 2008 г., стал серьезным экзаменом на прочность для большинства экономик мира. Не обошел он стороной и Китай, который в последние годы выступает одним из локомотивов мирового экономического развития. В результате кризиса темпы роста ВВП Китая в 2008 г. оказались наименьшими с 2001 г. — 9%¹. В 2009 г. снижение продолжилось до 8,7%².

В условиях нарастания негативных тенденций Постоянный комитет Госсовета КНР 5 ноября 2008 г. принял решение о проведении активной финансовой и умеренно мягкой денежно-кредитной политики, направленной на расширение внутреннего спроса и стимулирование устойчивого экономического роста. Одновременно была утверждена антикризисная программа, предусматривающая реализацию десяти ключевых задач, в том числе повышение уровня доходов населения, масштабное строительство жилья для малоимущих, создание объектов сельской инфраструктуры, расширение транспортной сети, форсированное освоение инновационных технологий, ускоренное восстановление районов, пострадавших от землетрясения в провинции Сычуань³.

На выполнение этой программы было решено выделить в течение двух лет (до конца 2010 г.) дополнительные инвестиции в размере 4 трлн юаней (около 586 млрд долл.). При этом предполагалось, что за счет центрального бюджета будет обеспечено лишь около 1/3 необходимых ресурсов (1,18 трлн юаней), остальные средства должны аккумулировать местные правительства, предприятия и финансовые структуры.

Такая практика софинансирования при реализации пакета антикризисных мер уже применялась в Китае в 1998 г., и она вновь подтвердила свою эффективность. Региональные правительства всех уровней оперативно отреагировали на призыв центра: менее чем за месяц на местах были сформированы собственные инвестиционные программы на сумму свыше 18 трлн юаней, в дальнейшем эта цифра возросла почти вдвое, до 30 трлн юаней⁴ — это в 10 раз больше суммы, на которую рассчитывал Госсовет КНР, и сопоставимо с ВВП страны за 2008 г. (30,07 трлн юаней).

¹ Китай: [электронный ресурс]. 2009. 22 янв. www.china.org.cn. В конце 2009 г. темпы роста ВВП за 2008 г. были пересмотрены в сторону повышения до 9,6%.

² Синьхуа. 2010. 25 февр. www.xinhuanet.com.

³ Постоянный комитет Госсовета КНР принимает меры по расширению внутреннего спроса и стимулированию экономического роста // Интернет-портал Госсовета КНР. 2009. 9 нояб. www.gov.cn. (здесь и далее ссылки на китайские источники даны в русском переводе).

⁴ Анализ деятельности китайских «финансовых платформ» местных правительств // Банкир. 2010. № 6.

С учетом ограниченных возможностей центрального и тем более местных бюджетов основная нагрузка по реализации антикризисных мероприятий легла на банковский сектор — ключевое звено финансовой системы Китая. В связи с этим китайские власти предприняли ряд шагов по стимулированию активности кредитных учреждений.

В частности, были отменены введенные в 2007 г. в отношении коммерческих банков количественные ограничения объемов кредитования, в сентябре—декабре 2008 г. пять раз снижалась базовая процентная ставка, четыре раза — норма обязательного резервирования. Одновременно был разработан ряд нормативных документов, направленных на поощрение участия кредитных учреждений в финансировании приоритетных государственных проектов, средних и мелких предприятий, сельского хозяйства.

Кроме того, Госсовет КНР объявил о временном прекращении взимания с 9 октября 2008 г. подоходного налога с депозитов физических лиц (был введен в ноябре 1999 г.)⁵, что должно было увеличить приток денежных средств на сберегательные счета, тем самым расширив кредитные возможности банков. Народный банк Китая временно прекратил выпуск трехлетних облигаций, а также сократил периодичность эмиссии годовых и трехмесячных облигаций. В результате уже в I квартале 2009 г. среднемесячный объем кредитования вырос на 1,5 трлн юаней, а по итогам полугодия было выдано кредитов на сумму 7,37 трлн юаней — на 2,5 трлн больше, чем за весь 2008 г.⁶

Одна из особенностей китайской бюджетно-финансовой системы состоит в том, что Законом КНР «О бюджете» установлен запрет на осуществление любого рода заимствований местными правительствами⁷. Таким образом, региональные власти фактически лишены права получать кредиты в коммерческих банках и выпускать долговые обязательства. Еще в 1998 г. в условиях хронического недофинансирования со стороны центрального правительства и крайне узкой доходной базы упомянутые ограничения породили феномен, получивший название «финансовые платформы местных правительств».

Согласно определению Госсовета КНР, под «финансовыми платформами» понимают экономические субъекты (компании), созданные местными правительствами путем внесения в уставный капитал бюджетных средств и других государственных активов (земля, права на акционерный капитал, различного рода сборы), имеющие статус самостоятельного юридического лица и преимущественно осуществляющие финансирование правительственных инвестиционных проектов⁸. Речь идет в основном об объектах общественного назначения, городской инфраструктуре, административных зданиях.

Таким образом, «финансовые платформы» объединили функции по привлечению финансовых ресурсов, строительству и последующему управлению созданными объектами, а также возврату заемных средств. Фактически, создавая такие компании, региональные правительства на вполне законных основаниях получили значительный ресурс для наращивания капиталовложений в развитие местной инфраструктуры.

⁵ Госсовет временно приостанавливает сбор подоходного налога в отношении сберегательных вкладов физических лиц // Новости Китая: [электронный ресурс]. 2008. 8 окт. www.chinanews.com.

⁶ Там же. 2010. 15 янв. www.chinanews.com.

⁷ Закон КНР «О бюджете», ст. 28. www.people.com.cn.

⁸ Циркуляр Госсовета КНР от 10.06.2010 г. № 19. www.gov.cn.

Благодаря антикризисной программе Госсовета количество «финансовых платформ» стало стремительно увеличиваться, причем не только на уровне провинций (раньше такие компании находились в основном в подчинении правительств провинций), но и на нижестоящих уровнях. Представляя интересы местных правительств и, по сути, выступая проводниками их инвестиционных идей, эти компании с 2008 г. стали постоянными и весьма крупными клиентами китайских банков⁹. Это обусловлено тем, что большинство «платформ» практически не имеют собственного капитала¹⁰, за исключением средств и активов, переданных им правительственными структурами при регистрации. Поэтому банковские кредиты становятся основным, а порой и единственным, источником денежных средств для таких финансово-инвестиционных компаний.

Одна из ключевых проблем, связанных с анализом деятельности «платформ» и степени ее влияния на банковскую систему, — весьма противоречивая и не всегда полная статистика, особенно когда речь идет о низовых звеньях экономической системы. При этом возникает впечатление, что ни центральные власти, ни банки-кредиторы, ни даже местные правительственные структуры не имеют точного представления о реальном количестве «финансовых платформ» и масштабах их деятельности.

Яркий пример — доклад руководителя Аудиторского управления КНР Лю Цзяи о результатах исполнения в 2009 г. бюджета центрального правительства, с которым он выступил 23 июня 2010 г. на 15-й сессии Постоянного комитета ВСНП 11-го созыва. Главный аудитор страны сообщил, что по результатам проверки, проведенной в 18 провинциях, 16 городах и 36 уездах, было установлено: в этих административных единицах в общей сложности функционируют 307 «финансовых платформ». Объем их накопленной задолженности оценивается в 1,45 трлн юаней¹¹. Но в январе 2010 г. зампреда Комитета по финансам и экономике ВСНП И Чжунлю заявил, что в стране действует более 3000 инвестиционных компаний местных правительств, которые только в 2009 г. получили в китайских банках кредиты на общую сумму свыше 5 трлн юаней¹².

⁹ Народный банк Китая и Комиссия по надзору за банковской деятельностью всячески способствовали этому процессу, в частности издав в марте 2009 г. директивы, поощряющие создание местными правительствами инвестиционных компаний и предоставление им банковских кредитов.

¹⁰ В рамках антикризисных мероприятий Госсовет КНР 25 мая 2009 г. выпустил циркуляр о смягчении требований к доле собственных средств компании при инвестировании в капитальное строительство. Так, нормативы в отношении инфраструктурных и жилищных объектов были снижены: при строительстве аэропортов и портов — до 30%, железных и шоссежных дорог — до 25%; при строительстве обычного коммерческого жилья и жилья для малоимущих семей — до 20%. Этот шаг был продиктован тем, что в условиях глобального финансового кризиса китайские инвесторы все чаще сталкивались с нехваткой собственных средств для осуществления капиталовложений, а в соответствии с действующим законодательством любой инвестиционный проект может быть утвержден властями лишь при условии, что организация, отвечающая за его реализацию, помимо заемных ресурсов будет вкладывать собственные средства в установленном размере. Упомянутое решение стало дополнительным катализатором роста как количества инвестиционных проектов, так и числа кредитных заявок со стороны «финансовых платформ».

¹¹ Задолженность местных правительств приближается к 2,8 трлн юаней, максимальный уровень долгового бремени достиг 364,77% // Финансы и экономика: [электронный ресурс]. 2010. 24 июня. www.caijing.com.cn.

¹² Скрытую задолженность местных правительств необходимо сделать прозрачной // 21 век: деловой вестник. 2010. 27 янв. www.21cbh.com.

Такие значительные расхождения свидетельствуют о том, что в стремлении максимально «демпфировать» удар мирового финансового кризиса китайские власти на какое-то время выпустили из сферы своего внимания развитие этих инвестиционных структур и их широкомасштабное сотрудничество с банковским сектором. Тем не менее в связи с возрастающей активностью финансовых компаний заинтересованные министерства и ведомства начали обобщать и систематизировать сведения о деятельности этих структур, чтобы восстановить свой контроль над указанной сферой.

Первые данные, опубликованные Комиссией по надзору за банковской деятельностью Китая, показали, что в июне 2009 г. в стране уже насчитывалась 8221 правительственная «финансовая платформа», из них около 60% — на уездном уровне. В последние годы суммарный объем долговых обязательств этих компаний также стремительно увеличивался: если в начале 2008 г., по данным надзорных органов, он не превышал 1 трлн юаней, то к концу 2009 г. составил 6 трлн юаней, причем 93% этой суммы было представлено банковскими займами¹³. Позднее, в апреле 2010 г., председатель Комиссии по надзору за банковской деятельностью Лю Минкан внес серьезные коррективы в первоначальные оценки, заявив, что объем только ссудной задолженности «финансовых платформ» в конце 2009 г. достиг 7,38 трлн юаней, увеличившись за год на 70,4% (3,05 трлн юаней)¹⁴.

Из этого можно сделать вывод, что на инвестиционные правительственные компании пришлось $\frac{1}{3}$ сгенерированных в 2009 г. китайской банковской системой кредитов¹⁵. Вместе с тем, если признать эти цифры достоверными, то картина получается совершенно фантастическая: в кризисном 2008 г. «платформы» фактически стали локомотивом развития банковского сектора Китая, обеспечив 67% прироста портфеля китайских кредитных учреждений¹⁶.

Несмотря на расхождения в оценках общего объема выданных «платформам» банковских займов, несомненно одно: правительственные финансовые компании внесли существенный вклад в экономическое развитие страны в кризисный период. Большинство крупных проектов в области инфраструктурного строительства реализовывались при непосредственном участии этих структур. Благодаря этому вклад инвестиций в обеспечение экономического роста в 2009 г. составил 94,8%¹⁷.

Однако центральные власти начинают испытывать серьезную обеспокоенность в связи со стремительным и во многом бесконтрольным развитием «финансовых платформ» и их нарастающей, как снежный ком, задолженностью. В 2009 г. доля кредитов таким компаниям в портфелях основных банков страны в среднем составила

¹³ Тревоги о 5 трлн юаней // Новый век. 2010. № 6.

¹⁴ Задолженность «финансовых платформ» местных правительств, вероятно, превышает 7 трлн юаней — Комиссия по надзору за банковской деятельностью проводит всестороннюю проверку // Новости Юга. 2010. 11 мая.

¹⁵ Согласно данным Народного банка Китая, в 2009 г. финансовые учреждения КНР выдали кредиты на общую сумму 9,59 трлн юаней.

¹⁶ Рассчитано по данным Отчета Народного банка Китая о состоянии финансовой системы Китая в 2008 г. (www.pbc.gov.cn).

¹⁷ Вклад трех ключевых факторов в прирост ВВП в 2009 г. // Интернет-портал Государственного статистического управления КНР. 2010. 2 февр. www.stats.gov.cn.

10–15%, а в «лидерах» оказался Государственный банк развития (69%), специализирующийся на оказании финансовой поддержки правительственным программам¹⁸.

Большинство инвестиционных проектов, реализуемых местными «финансовыми платформами», представлены низкоприбыльными объектами общественного назначения с длительным сроком реализации¹⁹. Поэтому возникает вопрос об источниках погашения образовавшейся ссудной задолженности. Согласно оценкам экспертов Китайской международной финансовой компании (СІСС), лишь 30% полученных «платформами» кредитов они могут погасить самостоятельно (за счет собственных средств)²⁰. Прогнозы Комиссии по надзору за банковской деятельностью еще менее оптимистичны — 24%²¹. Очевидно, оставшуюся часть кредитов придется возвращать за счет средств фактических собственников этих компаний — местных правительств или центрального правительства — либо списывать, что обернется колоссальными убытками для банков.

Согласно данным Комиссии по надзору за банковской деятельностью, уже в конце 2009 г. среднее соотношение задолженности «платформ» и доходов местных правительств достигло 97,8%, а в некоторых случаях превысило 200%²². В соответствии с расчетами профессора Северо-Западного университета (США) В. Ши задолженность местных «финансовых платформ», накопленная за 2004–2009 гг., составляет 11,4 трлн юаней, что соответствует $\frac{1}{3}$ ВВП страны за 2009 г.²³ и почти в три раза превышает суммарные доходы местных бюджетов²⁴.

В связи с этим в 2010 г. проблема урегулирования долговых обязательств местных финансовых платформ была объявлена одним из приоритетов финансовой политики центральных властей. На разных уровнях звучали заявления о необходимости более осмотрительно подходить к выделению кредитов для реализации региональных инвестиционных проектов. Комиссия по надзору за банковской деятельностью инициировала проверку активов кредитных учреждений, связанных с «финансовыми платформами», в результате были выявлены массовые нарушения. Наиболее распространенным из них оказалось предоставление банкам правительственных гарантий в разных формах по займам инвестиционных компаний.

Такие действия противоречат Закону КНР «О гарантиях». В 2006 г. уже предпринималась попытка навести порядок в этой сфере: Госкомитет по развитию и реформам, Минфин, Минстрой КНР, Народный банк Китая и Комиссия по надзору за банковской деятель-

¹⁸ Анализ деятельности китайских «финансовых платформ» местных правительств.

¹⁹ В частности, в 2010 г. деятельность 130 из 175 гражданских аэропортов Китая оказалась убыточной, общий размер финансовых потерь оценивается в 1,68 млрд юаней.

²⁰ Анализ деятельности китайских «финансовых платформ» местных правительств.

²¹ Некоторые банки ограничили выдачу кредитов «финансовым платформам» местных правительств // Финансовые новости: [электронный ресурс]. 2010. 21 окт. www.caing.com.

²² Задолженность «финансовых платформ» местных правительств, вероятно, превышает 7 трлн юаней — Комиссия по надзору за банковской деятельностью проводит всестороннюю проверку.

²³ *Shih V.* China's 8000 Credit Risks // *The Wall Street Journal*. 2010. Feb. 8. online.wsj.com.

²⁴ Специальный доклад о кредитах «финансовым платформам» местных правительств // *Orient Securities*. 2010. May 25.

ностью выпустили совместный циркуляр, запрещающий выдачу так называемых «связанных кредитов» — займов, получаемых «финансовыми платформами» в банках для реализации инфраструктурных проектов под гарантию возврата за счет бюджетных средств²⁵.

Но проблема не была решена. Этому есть логичное объяснение. Банковские учреждения в своей кредитной политике традиционно отдают предпочтение финансированию правительственных проектов, считая их наименее рискованными, так как гарантом, пусть номинально, выступает государство, которое, по их мнению, ни при каких обстоятельствах не может стать банкротом, следовательно, выданный кредит так или иначе будет погашен. Руководствуясь этим принципом, банки, заключая негласные договоренности с местными властями, охотно кредитовали «финансовые платформы», несмотря на очевидные нарушения законодательства и сопутствующие финансовые риски.

Местные чиновники, стремясь в первую очередь обеспечить плановые показатели экономического развития региона, легко давали необходимые поручительства, не слишком заботясь о возможных последствиях для бюджета. Зачастую гарантии носили крайне неформальный характер в связи с тем, что в руководящий состав большинства «финансовых платформ» традиционно входят чиновники, курирующие территориальные отделения коммерческих банков и имеющие мощный ресурс для принятия кредитными учреждениями «правильных» решений.

В ходе проверок были установлены факты нецелевого использования заемных средств. Так, на фоне кредитного бума многие инвестиционные компании пользовались временными послаблениями в денежно-кредитной политике и нередко получали в банках деньги впрок. Часть этих средств в дальнейшем размещали на депозитных счетах, вкладывали в недвижимость или направляли на фондовый рынок. По данным аналитика Народного банка Китая Ши Лэя, в первом полугодии 2009 г. около 1,2 трлн юаней средне- и долгосрочных кредитов (16% от общего числа выданных за этот период ссуд) были использованы заемщиками для спекуляций на фондовом рынке и инвестиций в сектор недвижимости²⁶.

Кроме того, отдельные «платформы» направляли полученные кредиты не только на капиталовложения, но и на формирование так называемого «фонда собственных средств» проекта. Дело в том, что в соответствии с действующим законодательством инвестиционный проект может быть одобрен, если для его финансирования используются не только заемные средства, но и собственные ресурсы компании. Однако вследствие упомянутых нарушений многие проекты на 100% реализовывались за счет банковских кредитов. Иногда в попытке замести следы «платформы» пополняли собственный капитал за счет кредитов, оформленных на аффилированные компании.

В стремлении привлечь максимальный объем денежных средств инвестиционные компании шли на различные ухищрения, получая займы под проект сразу в нескольких банках, зачастую под одно и то же залоговое обеспечение или гарантию. Порой банк выдавал один общий кредит под пакет разноформатных проектов. Распространена и обратная ситуация, когда решением местных властей заемные средства сразу нескольких «платформ» объединялись для финансирования одного крупного проекта.

²⁵ Игра в связанные кредиты // Финансы и экономика. 2006. № 10.

²⁶ Финансы и экономика. 2009. 27 авг. www.caijing.com.cn.

Все это значительно снижало возможности банковских учреждений эффективно управлять кредитным портфелем и одновременно увеличивало рискованность займов «платформ». Выявилась и серьезная проблема с залоговым обеспечением таких кредитов. По данным Комиссии по надзору за банковской деятельностью, залоговая стоимость обеспечения ссуд, выданных «финансовым платформам», составляет лишь 49,4% от общего размера задолженности²⁷. Более того, залог в значительной степени представлен низколиквидными активами, которые практически невозможно реализовать (правительственные здания, учебные заведения, парки и пр.).

Другой распространенный вид обеспечения — земельные участки. Этот вид актива характеризуется значительными рисками вследствие высокой вероятности колебаний цен на землю. В случае неблагоприятных изменений на рынке недвижимости (вполне возможных на фоне принимаемых властями мер по сдерживанию строительного бума в Китае) стоимость такого залога может резко снизиться.

Падение цен на землю негативно скажется и на платежеспособности местных правительств, поскольку в последние годы весомую часть их доходов образуют именно поступления от передачи права пользования земельными участками. Так, в 2009 г. доля этих средств в бюджетах местных правительств составила 43,7%, в 2010 г. — 66,5%²⁸. Кстати, в основном именно за счет этих средств и погашается задолженность многих «финансовых платформ». Учитывая, что поступления от передачи права пользования земельными участками часто становятся первичным и одновременно вторичным источником погашения кредита «платформы», а также обеспечением по такому займу, потенциальный риск «невозврата» довольно велик.

Как можно видеть, сформировавшаяся в последние годы ссудная задолженность «финансовых платформ» — это бомба замедленного действия, которая, если ее своевременно не обезвредить, может серьезно подорвать устойчивость китайской банковской системы и экономику отдельных регионов страны. Осознавая опасность такого развития событий и необходимость исправить сложившуюся ситуацию, Госсовет КНР 10 июня 2010 г. издал циркуляр № 19 «Об усилении управления финансовыми платформами местных правительств», во многом определивший дальнейшую судьбу этих компаний²⁹. Основная цель документа — установить четкие «правила игры» в отношении деятельности «платформ», а также определить зону ответственности правительственных структур при погашении задолженности таких компаний.

Циркуляр предписывает провести еще одну всестороннюю проверку деятельности созданных инвестиционных компаний, но теперь это должны делать правительства всех уровней, которые обязаны принять оперативные меры по устранению выявленных нарушений. По итогам ревизии долговое бремя компаний должно быть разделено на три вида:

²⁷ 21 век: деловой вестник. 2010. 30 нояб. www.21cbh.com.

²⁸ Что стоит за 2,7 трлн юаней поступлений от передачи права пользования землей? // Новости Юга. 2011. 11 янв.

²⁹ Интернет-портал Госсовета КНР. 2010. 13 июня. www.gov.cn.

— задолженность, образовавшаяся при реализации проектов общественного назначения и подлежащая погашению в основном за счет бюджетных средств;

— задолженность, образовавшаяся в ходе реализации приносящих операционный доход проектов общественного назначения и подлежащая погашению в основном за счет собственной прибыли;

— задолженность, образовавшаяся при финансировании коммерческих проектов.

Компании, которые занимаются преимущественно проектами общественного назначения, не приносящими коммерческий доход, отстраняются от инвестирования в такие проекты. Их дальнейшее финансирование должно осуществляться непосредственно из бюджета. Сами же компании, если в их функции, помимо финансирования, не входило строительство и управление созданными объектами, после урегулирования накопленной задолженности подлежат ликвидации.

Таким образом, Госсовет предпринял попытку дисциплинировать местные власти, фактически лишив их «волшебного кошелька» в виде «платформ», активно использовавшихся для финансирования затратных и низкоприбыльных проектов общественного назначения. Впредь «финансовые платформы» местных правительств имеют право инвестировать только в создание объектов общественного назначения, приносящих стабильный доход, а также в чисто коммерческие проекты. При этом кредиты, которые объективно можно полностью погасить за счет собственных средств заемщика, по результатам проверки должны быть переведены в категорию «обычных корпоративных кредитов»³⁰.

С учетом изложенных нововведений банковским структурам предписано провести тщательный анализ всех действующих кредитных соглашений, заключенных с «финансовыми платформами», на предмет оценки финансового состояния заемщика, источников погашения займа, достаточности и достоверности собственного капитала, качества залогового обеспечения и поручительства. Особое внимание должно быть уделено целевому использованию кредитных средств: впредь ссуда может выдаваться лишь под конкретный инвестиционный проект, а заемщиком может выступать только официально уполномоченное юридическое лицо. При этом в качестве обеспечения по кредиту могут приниматься исключительно активы, связанные с проектом, или права на будущую прибыль от него. Названные ограничения призваны противодействовать распространенному нарушению в деятельности «платформ». Суть его в том, что инвестиционная компания, стремясь привлечь максимальный объем заемных средств под проект, оформляет кредиты не только на себя, но и на специально создаваемые дочерние структуры, не связанные с проектом и выступающие своеобразным «финансовым буфером».

Циркуляром № 19 предусмотрены и другие меры, направленные на минимизацию банковских рисков при финансировании правительственных инвестиционных компаний. В частности, подчеркивается

³⁰ Вероятно, центральные власти настолько обеспокоены возможными негативными последствиями бурной деятельности «платформ», что предпринимают шаги по снижению ажиотажа вокруг этой темы, максимально сужая кредитный портфель, который может быть связан с правительственными инвестиционными компаниями.

обязательность внесения местными правительствами при создании финансовых компаний взносов в их капитал в установленном законодательством объеме, при этом запрещается передавать государственные активы общественного пользования (школы, больницы, парки), которые в случае необходимости нельзя реализовать для погашения кредита.

Вместе с тем рассматриваемый правительственный документ содержит ряд положений, способных существенно осложнить жизнь китайских банкиров. В частности, речь идет о введении ограниченной ответственности соответствующих правительств за деятельность подведомственных компаний — строго в объеме вносимых ими денежных средств и активов. Фактически теперь кредитор лишается негласно существовавших гарантий безусловного погашения кредита даже в случае неплатежеспособности заемщика.

Кроме того, в очередной раз установлен прямой запрет правительствам всех уровней, правительственным структурам и дотируемым учреждениям, финансируемым за счет бюджетных средств, прямо или косвенно выступать поручителями по кредитам инвестиционных компаний (если иное не предусмотрено отдельными решениями Госсовета КНР). Это фактически делает ранее выданные банкам гарантии юридически несостоятельными и дает местным чиновникам полную свободу в принятии решения относительно исполнения своих обязательств в качестве поручителя по кредиту.

Комиссия по надзору за банковской деятельностью 17 декабря 2010 г. издала собственную директиву — «Об усилении контроля и управления кредитными рисками местных финансовых платформ». Документ обязывает банки разделять привлекаемые «платформами» кредиты на пять категорий в зависимости от финансового состояния заемщика, характера проекта, под который выдаются средства, и качества обслуживания кредита³¹. Для каждой категории вводятся соответствующие коэффициенты риска, которые рассчитывают на основе уровня покрытия кредита. Для полностью покрытых займов коэффициент риска составляет 100%, в основном покрытых — 140, покрытых наполовину — 250, непокрытых — 300%. Эта мера направлена на более объективное отражение степени рискованности предоставления займов «финансовым платформам» местных правительств.

Раньше коммерческие банки не выделяли кредиты местным «финансовым платформам» в отдельную категорию, относя их к стандартным корпоративным кредитам с коэффициентом риска 100%. Установление новых, повышенных коэффициентов вынудит банки увеличить отчисления на создание резервов под возможные потери. Это, в свою очередь, приведет к снижению показателя достаточности

³¹ Принцип разделения кредитов на пять категорий был впервые введен в экспериментальном порядке 20 апреля 1998 г. директивой Народного банка Китая «О классификации кредитов в зависимости от степени риска» и в полном объеме стал применяться с 1 января 2002 г. В соответствии с упомянутой классификацией выделяются следующие виды ссуд: стандартные кредиты; кредиты под наблюдением; субстандартные кредиты; сомнительные и безнадежные кредиты. Последние три категории традиционно относят к так называемой «плохой задолженности», или «токсичным» активам. Упомянутой директивой Комиссии в эту классификацию были внесены уточнения с учетом некоторых особенностей кредитов, выдаваемых местным «финансовым платформам».

капитала, следовательно, ограничит возможности банковского сектора по наращиванию объемов кредитования. По некоторым оценкам, за счет более высоких требований к резервам и пересмотра рискованных коэффициентов уровень достаточности капитала четырех госбанков может снизиться на 1,4 п. п.³²

Таким образом, на банки возлагается серьезная задача по всестороннему анализу финансового состояния заемщиков-«платформ», источников погашения, достаточности и достоверности собственного капитала, платежеспособности контролирующих их местных правительств, а также по оценке проекта на предмет его соответствия государственной политике макрорегулирования, национальным и отраслевым планам развития, земельному законодательству и многим другим требованиям. Смогут ли банковские учреждения эффективно осуществлять такую проверку в условиях активного противодействия местных властей, заинтересованных в сохранении прежних комфортных условий существования? Что в итоге возобладает: осторожность и чувство самосохранения или естественное для любой коммерческой структуры желание извлекать максимальную прибыль, не всегда считаясь с сопутствующими рисками?

* * *

По данным Комиссии по надзору за банковской деятельностью, к середине 2010 г. объем непогашенной ссудной задолженности «финансовых платформ» достиг 7,66 трлн юаней, увеличившись за шесть месяцев лишь на 6,67% (280 млрд юаней). Ее доля в суммарном объеме кредитных активов банковской системы составила 17,2%³³. Много это или мало? Если предположить, что основная часть задолженности представлена долгосрочными кредитами с усредненной ставкой около 5,5%, то лишь сумма подлежащих уплате в 2010 г. процентов составила 406 млрд юаней.

Как будут обслуживаться эти займы — сказать сложно. Регулятор отводит банкам три года на выделение неработающих активов, их оздоровление или списание. Приняты меры по ограничению заемной деятельности правительственных инвестиционных компаний. В 2010 г. заметно сократилось количество вновь выданных кредитов «финансовым платформам», некоторые коммерческие банки вообще прекратили кредитовать новые проекты, продолжая финансирование лишь в рамках действующих соглашений.

Вместе с тем, согласно расчетам Комиссии по надзору за банковской деятельностью, для погашения каждого второго кредита, выданного «платформам», банкам придется привлекать вторичный источник, так как собственных средств заемщика окажется недостаточно. Еще около $\frac{1}{4}$ всех кредитов отнесено к категории «проблемных» — почти

³² Обзор действий Комиссии по надзору за банковской деятельностью по усилению контроля за кредитными рисками «финансовых платформ» // Финансовые рынки: интернет-портал Индустриального банка Китая. 2010. 22 дек. fm.cib.com.cn.

³³ Там же.

2 трлн юаней. Если предположить, что все они действительно станут «невозвратными», то, по оценкам компании Fitch Ratings, доля неработающих активов в портфелях банков увеличится сразу на 4 п. п.³⁴

Очевидно, центральные власти не допустят такого развития событий и государство возместит часть финансовых потерь, связанных с неплатежеспособностью «платформ». Наверное, это оправданно. В конце концов, во многом именно правительство подталкивало банки к активному кредитованию «платформ» для стимулирования экономического развития в кризисный период, фактически возродив систему «политического» кредитования.

В 2010 г., когда Госсовет начал проводить политику по сдерживанию темпов роста кредитования, в первую очередь применительно к правительственным инвестиционным компаниям, банки вновь оказались между молотом и наковальней. Центральные власти давили на руководство кредитных учреждений, призывая ограничить финансирование «платформ». В то же время чиновники на местах оказывали не меньшее давление, но с диаметрально противоположной целью — продолжить сотрудничество с банками в прежнем объеме.

Сами «финансовые платформы» тоже стали элементом этой системы «политического» кредитования. Будучи номинально независимыми юридическими лицами, фактически они лишены самостоятельности и в своей деятельности практически полностью подчинены создавшим их правительствам. В большинстве случаев именно последние выступают инициаторами того или иного проекта. Соответственно они и диктуют «правила игры». В такой ситуации не всегда можно говорить об экономической целесообразности и эффективности осуществляемых инвестиций.

Кроме того, зачастую «финансовые платформы» служат лишь источником денежных средств, своеобразным «кошельком», а непосредственным освоением средств и строительством объекта обычно занимаются специализированные строительные фирмы. Поэтому «платформы» нередко отстранены от процесса реализации проекта, управления заемными средствами, а порой — и от извлечения прибыли.

По оценкам экспертов, пик выплат по кредитам, выданным «платформам» в 2009 г., придется на 2012–2013 гг. Удастся ли банкам, действуя в соответствии с новыми требованиями надзорных органов, обеспечить своевременный возврат выданных средств? Определенную тревогу вызывает то, что до сих пор не опубликованы данные о заемной деятельности «платформ» за второе полугодие 2010 г. и за весь 2010 г. Сама тема «платформ» на несколько месяцев практически исчезла с первых полос китайских газет.

Аудиторское управление Китая 1 марта 2011 г. неожиданно объявило о начале ревизии «финансовых платформ» и правительственной задолженности в масштабах всей страны. Означает ли это, что вскрылись новые обстоятельства, требующие дополнительного изучения? Будут ли вновь пересмотрены в сторону увеличения объемы накопленной задолженности правительственных компаний? Ответить на эти вопросы можно будет лишь после опубликования результатов проверки.

³⁴ China: Stimulus Hangover? // Fitch Ratings. 2010. Oct.

Г. ЦАГОЛОВ,
доктор экономических наук,
член-корреспондент РАЕН,
профессор Международного университета в Москве

ВЕЛИКАЯ КИТАЙСКАЯ КОНВЕРГЕНЦИЯ

(О новой книге Э. П. Пивоваровой
«Социализм с китайской спецификой»*)

Выдающиеся экономические успехи Китая признаны всеми. Ныне это вторая после США экономика мира и первая по размерам экспорта. За Китаем, как когда-то за Англией, твердо закрепилась слава «мировой фабрики». Но если раньше китайские товары ассоциировались с низким качеством, то в последнее время они известны как «недорогие, но качественные». В стране с нуля создана собственная автомобильная промышленность, и уже два года Китай занимает на этом богатейшем рынке первое место, обогнав США и Японию и производя в год около 19 млн машин.

В задачи текущего 12-го пятилетнего плана входит превращение страны в мировой инновационный центр. Число ученых в Китае достигло 1,5 млн человек — не уступают США, а среди производимых товаров растет доля высокотехнологичной продукции. Компьютер «Тяньхэ» («Млечный путь») — самый быстродействующий в мире. Китайцы уже провели пробный запуск истребителя пятого поколения J-20 и направляют в космос людей. Китай — мировой лидер в сфере изготовления изделий солнечной энергетики, которая сейчас находится на стадии, сравнимой с той, в которой 12–15 лет назад пребывала индустрия мобильных телефонов. Рекордные золотовалютные резервы Китая превысили 3 трлн долл.

Страну изобороздили высокоскоростные железные дороги и ультрасовременные автобаны. Жизненный уровень китайцев за годы реформ вырос в 9 раз. И хотя по душевому ВВП Китай значительно отстает от развитых стран Европы и Америки, а бедность все еще охватывает десятки миллионов человек, постоянное улучшение ситуации не вызывает сомнений. Средняя продолжительность жизни возросла до 73 лет, а в Пекине и Шанхае она и того больше.

Бурный рост китайской экономики основан на высокой доле инвестиций в ВВП — свыше 40%. А они опираются на высокую норму сбережений, достигающих почти половины ВВП. В разгар кризиса китайское правительство стимулировало свою экономику, затратив на это 600 млрд долл., что компенсировало потери на внешних рынках и отток из страны иностранного капитала. В самом тяжелом 2009 г. рост ВВП Китая составил 8%. В то время

* Пивоварова Э. П. Социализм с китайской спецификой. М.: ФОРУМ, 2011. — 352 с.

как Европа и Америка увязли в долговых и прочих проблемах, Великий Дракон становится главным двигателем мировой экономики.

Между тем среди экономистов и социологов нет единства взглядов на причины грандиозных успехов китайской экономики. Еще меньшая ясность наблюдается в интерпретации продолжающихся в Поднебесной уже на протяжении трети века реформ, в определении существующего в стране общественного строя. Ряд ученых считают состоявшиеся там перемены «вторым изданием нэпа». Другие связывают наблюдаемый позитив с «переходом от социализма к капитализму», третьи, включая китайских теоретиков-экономистов и руководителей КПК, называют происходящие метаморфозы «социализмом с китайской спецификой».

Свою оригинальную и аргументированную позицию по этой проблематике высказывает известный китаевед, главный специалист Института Дальнего Востока РАН, доктор экономических наук, профессор Э. П. Пивоварова. Работу отличает высокий уровень политико-экономического анализа, позволяющий делать выводы, важные для всей общественно-экономической науки. В предисловии к книге директора ИДВ РАН академика М. Л. Титаренко говорится: «Перед нами крайне поучительный и глубокий труд, который позволяет многое понять в опыте социального развития Китая и жизненности поиска путей строительства общества социальной справедливости» (с. 5).

Нэп или не нэп?

Из книги следует, что схожесть нэпа в России с реформами в Китае не вызывает сомнений. Но все же китайские преобразования принципиально отличаются от нэпа.

По времени. В Поднебесной они продолжаются уже свыше 30 лет и рассчитаны на период, охватывающий «жизнь десятков поколений людей».

По классовому подходу. Китайские политики и экономисты широко используют труды Маркса и Ленина, но рассуждения об эксплуатации человека человеком они отвергают, а главными критериями эффективности перемен выступают развитие производительных сил и улучшение благосостояния большинства людей. Как замечает Э. Пивоварова: «Уже на XVI съезде КПК (ноябрь 2002 г.) было официально заявлено о возможности приема в партию лиц из числа предпринимателей, так как последние, „наряду с другими трудящимися, также являются строителями социализма с китайской спецификой“» (с. 61). Сегодня это стало обыденным явлением, а каждый пятый миллиардер страны, которых уже свыше 100, входит в состав влиятельного Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП).

По пониманию социализма. В Китае частные и капиталистические формы собственности представляются органическими атрибутами «китайского социализма». Это явный отход от классического понимания социализма.

Впрочем, многие западные и российские аналитики придерживаются иного мнения. Они уверяют, что успехи Китая объясняются переходом от социализма к капитализму, или «от плана к рынку». В результате тщательного и многолетнего изучения обширного фактического материала, критического осмысления китайской и западной литературы Пивоварова приходит к выводу, сформулированному в аннотации к работе: «За последние 30 лет в ходе рыночных преобразований в КНР произошел решительный отход от традиционных норм социализма в сторону допущения на благо развития производительных сил и улучшения на этой основе жизни людей не только

единоличных, но и частных хозяйств, распределения не только по труду, но и по капиталу, формирование регулируемой на макроуровне рыночной экономики. Фактически за годы реформ Китай создал конвергентную по своей сути „смешанную экономику“, ибо ни в классический, ни в „нэповский социализм“ эта экономика не вписывается, но в ней присутствует в качестве необходимой составляющей идея „социального контроля над производством“».

Истоки экономического чуда

Э. Пивоварова выявляет идейные истоки китайских преобразований. Еще в период маоизма несколько представителей высшего эшелона лидеров КПК высказывались за необходимость «сохранения некоторых хвостов капитализма» (с. 22). Дэн Сяопин ввел в оборот формулу «социализм с китайской спецификой», включающую частную собственность и капиталистические элементы. В результате начатых под его руководством реформ в стране развился весьма эффективный симбиоз различных экономических укладов при политическом руководстве КПК. По мнению Пивоваровой, этот успех был обусловлен следующим:

- КНР не тратила много сил на разрушение и критику прошлого, а сосредоточила их на созидании нового;

- реформы сразу были направлены на удовлетворение нужд населения, что обеспечило общенародную поддержку уже на первых их этапах;

- руководство КПК не стало осуществлять реформу по каким-либо чужим рецептам, а решило исходить из особенностей своей страны, учитывать численность населения при крайней ограниченности ресурсов;

- в КНР не проводилась обвальная либерализация, а шло поэтапное, апробированное экспериментом продвижение к рынку;

- создание субъектов рынка осуществлялось в КНР не путем разрушения существующих государственных структур, а заполнением имеющихся брешей, для чего не только использовались внутренние резервы, но и привлекались зарубежные капиталы;

- стимулируя хозяйственную инициативу на микроуровне, китайское руководство не выпускало из поля зрения макроконтроль, а временами по мере необходимости и усиливало его;

- практика реформ показала, что самый естественный путь к рынку — сочетание различных форм собственности, типов хозяйств. Это оптимальным образом корректирует структуру инвестиций и производства, приближает их к реальным потребностям народа (с. 11).

Из книги следует, что творческое развитие, а не отказ от марксистской теории, помогало китайцам решать труднейшие проблемы. После смерти Дэн Сяопина бывший госсекретарь США Г. Киссинджер так охарактеризовал его жизненный путь: «Редко встречается такой политический деятель, как Дэн Сяопин, которому удается достигнуть всех целей, поставленных на годы вперед». Реформы Дэн Сяопина были неторопливыми. Начинал он не с ломки политической системы, а с повышения эффективности экономики. И как будто твердо знал, что для верного курса корабля нужны не только паруса частного предпринимательства, но и штурвал государственного регулирования. До конца жизни Дэн не допускал мысли о капиталистическом перерождении страны. Он пользовался таким авторитетом, что руководил китайской «перестройкой», не занимая высших должностей, и, видимо, передал своим преемникам дух преданности коренным интересам своего

народа и вытекающую из него необходимость периодической ротации власти. Нынешний председатель КНР Ху Цзиньтао сменил своего предшественника Цзян Цзэминя в 2003 г., а в 2012 г. уступит свое кресло следующему лидеру.

Практика как критерий истины

В книге подчеркивается, что усилия китайских ученых в перестроечные времена сместились от марксизма как вероучения и нормативизма в сторону эмпирического анализа. После инспекционной поездки по южным провинциям Китая в 1992 г. Дэн Сяопин сделал вывод: «Практика показывает, там, где полностью выявляется роль рынка, экономика обладает могучей жизненной силой, и процесс развития идет довольно хорошо» (с. 59). Китайские теоретики пришли к заключению, что развитие производительных сил следует сделать главной задачей, но обязательными условиями должно быть сохранение социалистической ориентации и поиск способов сделать целью развития удовлетворение интересов людей.

По мнению Пивоваровой, политэкономическая картина китайского общества представляет собой пеструю мозаику, состоящую в основном из уживающихся между собой производственных отношений социализма и капитализма. В книге приведены расчеты числа работающих в различных укладах. В 1978 г. из 95,149 млн занятых в городах и поселках КНР в государственном секторе трудились 78,4%, в коллективном — 21,6, единоличном — 0,16%. К 2009 г. картина заметно изменилась: из 311,2 млн занятых в городах и поселках на государственных предприятиях работало 20,6%, коллективных — почти 2, единоличных — 11,6, частных — 16,5%. В других секторах (на акционерно-кооперативных, смешанных, предприятиях зарубежного капитала, акционерных компаниях с ограниченной ответственностью) было занято в последние годы примерно 17% тружеников городов и поселков КНР (с. 166).

В рамках реформы экономической системы важным направлением стало преобразование государственной собственности путем акционирования. В книге приведены интересные споры по этой проблеме, в частности считать ли эту систему денационализацией, как вписываются в социализм дивиденды и тантьема (виды распределения по капиталу). «Как имущественная система, — полагает автор, — акционерная форма может способствовать регулированию одного из наиболее важных и, как оказалось, наиболее сложных вопросов социалистического общества — соотношения интересов государства, предприятия, рабочих и служащих» (с. 177).

Руководство КПК в середине прошлого десятилетия выдвинуло задачу «превратить акционерную систему в основную форму общественной собственности» и указало на необходимость всемерно развивать смешанный сектор экономики с участием государственного, коллективного и необщественного капиталов. Тогда же на сессии ВСНП было предложено «интенсивно продвигать преобразования в плане перевода госпредприятий на нормативную акционерную систему» и «обеспечивать всемерное развитие сектора смешанной формы собственности, постепенно превращая акционерную систему в главную форму реализации общественной собственности» (с. 197).

В деятельности преобразованных на акционерных началах государственных компаний реализуется принцип «социального контроля над производством». КПК особое внимание уделяла тому, чтобы пайщиками становились рабочие и служащие предприятий. Для этого большинство акционерных фирм создавались по типу закрытых. Это повышало заинтересованность

трудящихся и одновременно служило гарантией, что их имущество не будет захвачено извне. При этом акции рабочим и служащим продавались по самой низкой или льготной цене, хотя нередко учитывалось качество их работы. На акционируемых предприятиях сохранялись собрания представителей рабочих и служащих. В их деятельности особое место занимала охрана социальных интересов трудящихся. Как правило, сохранялись и парткомы, руководители которых нередко становились заместителями председателей правления компании. На практике это помогало быстрее урегулировать конфликтные ситуации и не допускать ущемления прав рабочих и служащих на предприятии (с. 192).

Теоретические поиски и «прорывы»

Появившаяся с началом реформ формула «социализм с китайской спецификой» дала определенную идеологическую установку и открыла немалый творческий простор китайским экономистам. С одной стороны, их поиски направлены на разработку общей теории социализма, с другой — сводили явно не укладывающиеся в «социализм» явления к «китайской специфике». Встречающееся во многих главах книги воспроизведение истории развития этой политико-экономической мысли представляется уникальным материалом и весьма ценным достоинством исследования профессора Пивоваровой.

Хотя идеологи КПК призывали к «дальнейшему раскрепощению сознания» и «искоренению чувства страха», видимо, все же существовало табу на признание того несомненного факта, что страна, оставаясь социалистической, в значительной мере уже восприняла некоторые ценности и черты капитализма. Но о перерождении социализма в симбиоз с капитализмом не говорили.

Формула «социалистическая рыночная экономика» не выдерживает критики с элементарных теоретических и методологических позиций. Наличие рынка при социализме, конечно, возможно, но не в качестве основного регулятора или основной черты. Когда рынок восходит на пьедестал, неизбежно развитие капитализма, что и имеет место в Китае.

Этот факт косвенно признают китайские теоретики, говоря, что наличие «небольшой эксплуатации» и антагонизмов не страшно, что классы существуют, но не надо «ставить эту проблему во главу угла». Это верно, но уже с иных позиций, о чем скажем позже.

Истина состоит в том, что в китайской модели сосуществуют два противоположных уклада хозяйства, развивающиеся по принципиально разным законам.

Социализм проявляется в плановости хозяйства, его регулировании в общенародных интересах (а не только господствующего класса). Он выражается и в отчасти действующем в стране законе распределения по труду, в усилиях государства, направленных на создание и поддержание социальной гармонии. Капиталистический уклад основан на рынке и товарном производстве, рождающих прибавочную стоимость, накопление капитала, эксплуатацию человека человеком, беспощадную конкурентную борьбу с ее не только эффективностью, но и анархией производства. То, что в Китае все эти «фрагменты из разных опер» оказались в «одном либретто», не дает права на теоретические упрощения действительности, ибо наука требует видеть за явлениями, видимыми на поверхности, их сущность, более глубокие связи.

Таким образом, утвердившееся понятие — «социализм с китайской спецификой» — далеко не безупречно. В данном случае «китайская специфика» означает не национальные особенности страны, а мощные пласты

капитализма, привитые к социализму и дополняющие его с позитивным эффектом для общества в целом.

Миллиардеры с китайской спецификой

Одним из следствий развития различных по формам собственности типов хозяйства стало существенное изменение структуры и социальное расслоение китайского общества. Наличие гигантской пропасти между его бедными и богатыми слоями стало неоспоримым фактом. Мы провели собственный анализ самых богатых людей Китая, результаты которого полностью подтверждают основной лейтмотив книги Пивоваровой.

Число миллионеров и миллиардеров в этой стране систематически растет. Первых насчитывается 534,5 тыс. человек, вторых — 115. Китайских миллиардеров в стране называют «да куань» (большие деньги). Они не похожи на российских олигархов, получивших общенародную собственность даром и по распределению. Совокупные состояния китайских миллиардеров (230,4 млрд долл.) почти в два раза меньше богатств отечественной «золотой сотни». Большинство китайских миллиардеров составляют изобретатели и новаторы в тех или иных отраслях. Почти все они так или иначе участвовали в модернизации ранее отсталого аграрного континента. Немало среди них и вернувшихся из-за рубежа — «хуацяо».

Самый богатый человек Китая 42-летний Робен Ли имеет состояние 9,4 млрд долл., что поставило бы его на 15-е место в рейтинге русского Форбса. Компьютерщик Ли долгое время работал в США, в одной из первых поисковых систем Infoseek в Кремниевой долине. Получив патент на свое изобретение, он основал бизнес на родине, где успешно применил открытые технологии создания поисковых алгоритмов и составления рейтингов получаемых результатов. В настоящее время Baidu.com — лидирующая поисковая система, занимающая 70% соответствующего китайского рынка.

Успешная карьера бизнес-леди была до недавнего времени довольно редким явлением в консервативном китайском обществе. Теперь это не так. Дочь армейского офицера Йень Чун, накопив первые 4 тыс. долл., в 1985 г. приехала в Гонконг. Там она основала компанию по импорту макулатуры, а через пять лет перебазировалась с мужем в Калифорнию, где основала завод по переработке бумажных отходов. Готовая продукция поставлялась в Китай. В 1995 г. Йень вернулась в Китай, чтобы вместе с братом и мужем открыть производство на родине. В 2006 г. акции компании Nine Dragons Paper стали торговаться на бирже. Ныне это крупнейший в мире производитель упаковочного картона. Сегодня состояние Йень оценивается в 3,5 млрд долл. Когда кто-либо достает из коробки новый DVD-плеер, Йень Чун становится еще чуть богаче.

Магистр лазерной физики Ши Чженгронг организовал фирму Suntech Power, действующую в секторе альтернативной солнечной энергетики. К настоящему времени ученый предприниматель заработал уже более 2 млрд долл. и не без оснований надеется на дальнейшее процветание своего бизнеса.

Китайские богачи не диктуют политику государству и КПК. В их лексиконе нет понятия «олигарх». Скорее наоборот: власти устанавливают правила игры и следят за их исполнением. И если нормы не соблюдаются, следует строгое наказание.

В середине 1990-х в Китае появились последователи Мавроди и его МММ. Был создан инвестиционный фонд с благородной целью: наладить в стране производство одноразовых шприцев. По канонам финансовой пирамиды создатели фонда предложили вкладчикам высокий доход. Деньги потекли рекой. Но китайские правоохранительные органы быстро раскрыли аферу. Трое создателей фонда были отданы под суд и пуб-

лично расстреляны. После этого ни одной новой пирамиды в Китае не возникало. К высшей мере привлекаются и чиновники за крупные взятки. За последние десять лет за коррупцию в Китае было казнено 10 тыс. чиновников, включая бывшего вице-мэра Пекина Лю Чжихуа. Всего же за годы реформ в Китае к уголовной ответственности было привлечено около 1 млн сотрудников партийно-государственного аппарата.

Расслоение, но не поляризация

Факт имущественного расслоения не тождествен тезису о растущей «поляризации» китайского общества. Э. Пивоварова отмечает, что последнее происходит, когда не только богатые богатеют, но и бедные беднеют. Фактические данные свидетельствуют, что в Китае этого нет. «Да, растет имущественная дифференциация, но одновременно растут, хотя и в разной степени, доходы практически всех слоев населения, а количество бедных за годы реформ сократилось на 250—270 млн человек» (с. 208).

Специалисты Всемирного банка отмечают, что из всех стран успешнее всего с проблемой нищеты справляется Китай. Государство увеличивает объемы инвестиций в сферы социального страхования и здравоохранения. Правда, значительная часть населения, особенно сельского, не охвачена пенсионной системой. Но в городе ею пользуются 235 млн человек, системой страхования по безработице — 127 млн человек (при увольнении с работы можно до двух лет получать деньги — небольшие, но жить на них можно), системой медицинского страхования в городах — 165 млн человек, страхования от несчастных случаев на производстве — 149 млн человек. В деревнях имеются те или иные «социальные обеспечения»: бедным семьям доплачивают из местных бюджетов. В итоге бедность постоянно снижается.

Растет и средний класс китайского общества. К нему следует отнести 23% населения, примерно 300 млн человек, чей годовой доход составляет около 12 тыс. долл. Между тем еще в 2004 г. к среднему классу принадлежало лишь 12% населения страны. Рост среднего класса Китая основан на быстром развитии экономики страны, ускорившем накопление общественного богатства, в результате чего появилась группа с доходами высокого уровня. Другими факторами служат рост числа образованных людей и увеличение городского населения. Многие зарубежные и китайские эксперты прогнозируют, что через 20—30 лет доля среднего класса в Китае достигнет 60%, а его численность — 800—900 млн человек. По абсолютной численности среднего класса Китай уже сегодня занимает первое место в мире.

Стратегия открытости

Важнейшим слагаемым строительства «социализма с китайской спецификой» в КНР считают «открытость внешнему миру». С начала реформ речь шла не просто о расширении внешнеэкономических связей, а о том, чтобы, используя принципиально новые для себя способы сотрудничества, заставить КНР конкурировать на мировом рынке, превратить хозяйство страны из довольно замкнутого, обеспечивающего удовлетворение нужд собственными ресурсами, в экономику «открытого типа». Это расходилось с прежним девизом «опоры на собственные силы», хотя полностью и не противоречило ему.

Экспортную политику в КНР стали строить с учетом мировой конъюнктуры: усилия направлялись на стимулирование опережающего роста вывоза

готовой продукции, постепенное повышение в ее общем объеме доли фондо- и наукоемких товаров, достижение соответствующего мировым стандартам качества все большей части экспортируемых изделий. «При создании баз экспортного производства государство прибегало и к директивной переориентации некоторых предприятий на выполнение экспортных заказов, выделяя при этом достаточно крупные инвестиции» (с. 274).

Соответствующие преференции предоставляли при привлечении иностранного капитала. «Помимо таможенных и налоговых льгот при ввозе высоких технологий, важнейшим условием функционирования совместных предприятий стала их преимущественная направленность на внешний рынок» (с. 274). При этом иностранные инвестиции строго контролировались: они допускались в предпочтительные для КНР отрасли при прямом административном ограничении в тех отраслях, где их использование представлялось экономически нецелесообразным.

В 1980-х годах в соответствии с решениями Госсовета на юго-восточном побережье страны созданы «специальные экономические зоны», где появились тысячи предприятий смешанного капитала. По замыслу китайского руководства, особые экономические районы и приморские города, «соединяясь на морском побережье в одну линию», должны образовать «переднюю полосу, открытую для внешнего мира». Таким образом не только будет ускорено экономическое развитие приморских районов, но и осуществлено «подтягивание» внутренних районов путем заимствования передовых достижений техники, распространения опыта научного управления, передачи экономической информации, подготовки кадров и т. п. К 2006 г. общее число предприятий с участием иностранного капитала достигло 555 тыс., а сумма привлеченного за 1979–2006 гг. иностранного капитала превысила 1,5 трлн долл. (с. 276).

Политика открытости вызывала опасения реставрации капитализма. Распространенным стал тезис о том, что в особых экономических зонах «все, кроме пятизвездного китайского флага, стало капиталистическим». Признавая «наличие оснований» у тех, кто говорит об угрозе капиталистического перерождения страны, Дэн Сяопин успокаивал: «Открытие ряда городов на континенте, разрешение кое-каким компонентам проникнуть туда в качестве дополнения к развитию социалистической экономики идет на пользу развитию социалистических производительных сил. Так, иностранные инвестиции в Шанхае не означают, что весь Шанхай осуществляет капитализм. Основой в Китае остается социализм» (с. 297).

Исследование внешнеэкономического аспекта приводит Э.Пивоварову к заключению: «Китай научился за годы реформы проводить гибкую политику на мировой арене без ущерба своим принципиальным национальным интересам» (с. 302). Лишь после тщательной 20-летней подготовки страна в 2001 г. вступила в ВТО.

Социализм или конвергенция?

Как видно, название обсуждаемой книги не вполне совпадает с основным выводом, сформулированным в конце работы: «Пытаясь охарактеризовать модель „социализма с китайской спецификой“ на фоне всего исторического опыта развития экономической мысли, можно сделать заключение не только о значительной эволюции идей социализма в китайской концепции, но и о существенном приближении ее к выросшим на эволюционной почве теориям „конвергенции“, „смешанной экономики“, идей „институционализма“,

при всех различиях которых объединяющей их является идея сближения двух общественных систем и необходимости „социального контроля над производством“. Как показывает анализ, тот общественно-экономический строй, который сегодня называется в КНР „социализмом с китайской спецификой“, является конвергентной по своей сути „смешанной экономикой“, где очень разнообразны по уровню развития производительные силы, где сосуществуют различные по формам собственности типы хозяйств и соответствующие им отношения по производству и распределению материальных благ, где с принятием идеи „трех представительств“, расширяющей „социальную опору“ руководства страны, в определенное соответствие с „многоцветным“ базисом приведена и политическая надстройка...» (с. 325).

Не следует ли из этого, что термин «социализм с китайской спецификой» полностью оторван от действительности или утратил смысл? Нет, замечает автор книги. В Китае была найдена такая форма экономических отношений, которая способствовала наиболее быстрому развитию производительных сил страны и отвечала коренным интересам подавляющего большинства ее миллиардного народа.

Однако в классическом смысле социализма в Поднебесной уже нет. Там утвердился симбиоз социализма с капитализмом, давно называемый в экономической науке *конвергенцией*. В таком смешанном обществе не может не быть серьезных противоречий, ибо под одной крышей одновременно действуют разные законы и регуляторы: общественные и частные, плановые и рыночные, социалистические и капиталистические. И считать эту систему социализмом — значит поступаться истиной. С тактической и политической точек зрения такую позицию можно понять. Но она не имеет под собой прочного теоретического фундамента.

С прежних позиций такое конвергентное общество не может быть долговечным, так как в нем заложены непримиримые антагонизмы. Но в Китае именно такой умело поддерживаемый баланс приводит к оптимальным результатам на протяжении уже трети века. И, по их прогнозам, продлится ещё столетия. Дэн Сяопин и его последователи в поиске оптимальных форм устройства для своей страны пришли к смешанному обществу. До них к конвергентной гавани, но с другой стороны, пришвартовались Швеция и многие другие успешные страны.

Может быть, это политэкономическая модель новой, наиболее прогрессивной формации, идущей на смену капитализму и социализму? И не являются ли китайцы своим примером прообраз желательного социального устройства мира? Не исключено, что так. Ибо рано или поздно отстающие от других государства и их правители задумаются о цвете «кошки, хорошо ловящей мышей».

* * *

Китайский перестроечный опыт подчеркивает недостатки наших «демократических преобразований». К началу резких перемен в нашей стране китайский опыт реформ уже существовал, но мы свысока смотрели на «эту слаборазвитую страну», старались равняться на глянцевый Запад и руководствовались ложными либерально-рыночными догмами.

Великая китайская конвергенция стала для нас не только немым укором, но и уроком, который нужно усвоить, чтобы, не копируя его полностью, а принимая за основу, составить соответствующую нашим реалиям программу вывода страны на траекторию гармоничного, быстрого и стабильного развития. Именно на эти размышления наталкивает читателей новая книга Э. Пивоваровой.

М. ЮДКЕВИЧ,
кандидат экономических наук,
проректор, замдиректора Института
институциональных исследований НИУ ВШЭ

АВНЕР ГРЕЙФ: МОДЕЛЬ ДЛЯ СБОРКИ

(О книге «Институты и путь к современной экономике:
Уроки средневековой торговли»*)

Если подойти к культуре как к чему-то, что можно измерить непосредственно, исчезает иллюзия размытости и устойчивости. Больше не нужны грубые стереотипы вроде того, что «немцы всегда были воинственно настроены» или что «испаноязычная культура противится развитию». Можно начать анализировать определенные элементы данной культуры в данное время и в данном месте.

Дж. Гранато и др.¹

Институты, культурные представления и функционирование экономики

Вопрос о взаимосвязи институтов и благосостояния общества, а также о роли культуры в этой взаимосвязи, сегодня один из центральных для экономистов. Почему в странах, похожих с точки зрения географических условий и наделенности природными ресурсами, институты могут формироваться и развиваться по-разному? Почему в одних странах возникают институты, обуславливающие рост и процветание экономики, а в других — усугубляющие стагнацию, и почему страны с менее «удачными» институтами не могут напрямую скопировать более успешные модели других стран?

Поиску ответов на подобные вопросы посвящены сейчас усилия многих исследователей, и развитие соответствующего инструментария анализа эмпирических данных дало этому направлению важный дополнительный импульс. В работах Д. Норта, Д. Асемоглу, С. Джонсона и Дж. Робинсона, С. Нака и Ф. Кифера, Д. Родрика и ряда других экономистов не только установлено наличие корреляции между характеристиками развития институтов и экономическим благосостоянием общества, но и предприняты попытки определить причинно-следственные связи между развитием институтов и состоянием экономики².

На первый взгляд, книга Авнера Грейфа «Институты и путь к современной экономике» может показаться пусть интересной, но все же лишь «еще одной

* Грейф А. Институты и путь к современной экономике: Уроки средневековой торговли. М.: Изд. дом ВШЭ, [в печати]. Более ранний вариант этой статьи будет опубликован в качестве предисловия к книге. Автор приносит благодарность коллегам — Я. И. Кузминову, обратившему внимание на параллели высказываемых Грейфом идей с ситуацией в современной России, Т. В. Натхову, подсказавшему ряд примеров теорий, которые возникли на основе анализа конкретных эмпирических кейсов, также А. А. Бальсевич, М. И. Одинцовой и Л. И. Полищуку, высказавшим свои комментарии и замечания к начальной версии текста.

¹ Granato J., Inglehart R., Leblang D. The Effect of Cultural Values on Economic Development: Theory, Hypotheses, and Some Empirical Tests // American Journal of Political Science. 1996. Vol. 40, No 3. P. 625.

² См., в частности: Knack S., Keefer P. Does Social Capital Have An Economic Payoff? A Cross Country Investigation // Quarterly Journal of Economics. 1997. Vol. 112, No 4. P. 1251–1288; Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. Reversal of Fortune: Geography And Institutions In The Making of The Modern World Income Distribution // Quarterly Journal of Economics. 2002. Vol. 117, No 4. P. 1231–1294; Rodrik D. Institutions for High-quality Growth: What They Are and How to Acquire Them // Studies in Comparative International Development. 2000. Vol. 35, No 3. P. 3–31.

работой» в череде книг и статей, опубликованных в последнее десятилетие по данной теме. На самом деле это далеко не так. Во-первых, потому, что работы Грейфа — «Обеспечение исполнения контрактов и экономические институты в древней торговле: коалиция магрибских торговцев», «Культурные убеждения и организация общества: исторические и теоретические размышления о коллективистских и индивидуалистских обществах», «Обеспечение исполнения контрактов и экономические институты в древней торговле: уроки торговой революции» — и многие другие, которые легли в основу этой книги, появились раньше, чем работы тех, кого мы считаем пионерами в этой области. Во-вторых, потому, что Грейф предлагает и развивает свой подход к анализу взаимосвязи культурных представлений, институтов и экономических результатов, принципиально отличный от находящихся в русле формирующегося мейнстрима, однако предлагающий основания для синтеза и интеграции этих подходов. Наконец, потому, что эта книга, описывающая экономические отношения в Средние века, и в этом смысле как нельзя более погруженная в прошлое, вместе с тем развивает инструментарий для анализа настоящего и будущего.

Глубокое убеждение Грейфа, на котором построена и его книга, и лежащие в ее основе исследования, состоит в том, что понимание воздействия, сохранения и изменения нетехнических аспектов общественной жизни (в первую очередь, культурных особенностей) требует изучения микромеханизмов, стоящих за их возникновением, стабильностью и динамикой на уровне взаимодействующих индивидов. Поэтому книга Грейфа стала попыткой идентифицировать и изучить эти микрооснования, пройдя путь от анализа конкретных транзакций, имевших место несколько сотен лет назад, до обобщающих выводов, которые могут быть использованы сегодня в дизайне экономических институтов.

Уроки истории

Хотя мы часто слышим и, пожалуй, не менее часто повторяем сами, что история может дать нам хорошие уроки, что она содержит ценную информацию для будущих поколений, что ее изучение важно и полезно, далеко не всегда экономисты следуют этим советам. Не так много книг, практически полностью опирающихся на средневековую историю, но при этом так много говорящих внимательному читателю о дне сегодняшнем.

Причина такой актуальности подхода Грейфа кроется, по всей видимости, в «индуктивном» подходе к анализу институтов и реализующихся в их контексте контрактных взаимодействий. Достаточно часто молодые исследователи, да и не только они, очарованные идеями институциональной теории и замороженные богатством окружающего их институционального многообразия, начинают с построения всеобъемлющих концепций. Под эти концепции они затем подбирают подтверждающие их примеры. Грейф показывает, насколько продуктивным может быть противоположный подход, когда основанием для общей теории становится глубокий анализ отдельных локальных эпизодов. Кстати, не только Грейф придерживается такого подхода. Д. Норт, и Р. Коуз, Э. Остром и О. Уильямсон также начинали с анализа совершенно конкретных, многим казавшихся мелкими и незначительными, вопросов, из ответа на которые, в обобщении, вырастали фундаментальные теории³.

³ См., например: *North D. Sources of Productivity Change in Ocean Shipping, 1600—1850 // Journal of Political Economy. 1968. Vol. 76, No 5, P. 953—970; Ostrom E. Governing the Commons. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.*

Обосновывая необходимость детального понимания конкретной ситуации и ее исторического контекста, Грейф в каждом из рассматриваемых случаев задается вопросом: «Почему мы наблюдаем то или иное поведение взаимодействующих в данной ситуации агентов, почему агенты ведут себя именно так, а не иначе»? Поиск ответа на этот вопрос приводит его сначала к анализу институтов, обеспечивающих систему стимулов, а затем к поиску исходных принципов, на которых эти институты основаны.

Но нужно ли экономистам, пытающимся построить прогностические теории экономического развития, изучать давно забытые истории обмана, доверия, вероломства, точного расчета и слепой веры купцов Магриба, граждан Венеции, торговцев Генуи, живших 500 лет назад? Да, если из этих случаев можно извлечь современные, далеко идущие уроки. Книга Грейфа с успехом демонстрирует такие возможности.

Трансакция как базовая единица анализа

Итак, Грейф обращается к микроисточкам и разбору микроситуаций (на уровне стимулов индивидов, а не «институтов вообще»). Соответственно базовой единицей в его подходе становится трансакция, которую он определяет как действие, предпринимаемое, когда нечто, например товар, социальное отношение или информация, передается между индивидами или другими социальными единицами и воздействует на реципиента извне.

Говоря о первичной роли поведения, Грейф — кстати, вслед за Дж. Коммонсом⁴ и О. Уильямсоном⁵ — делает именно трансакцию базовой единицей анализа. Подход через трансакции естествен для изучения торговых взаимодействий, взаимодействий обмена, когда при всех осложняющих обстоятельствах акторы признают друг в друге независимых агентов. Напротив, в анализе нерыночных структур примат трансакций не так очевиден (исключение составляет общинная экономика: в ней есть обмен деятельностью равных или одинаковых партнеров). В рамках распределительных отношений или регулятивных систем первичность трансакции над институтом весьма сомнительна⁶.

По мнению Грейфа, фокусирование внимания на трансакции при изучении институтов, помимо прочего, позволяет преодолеть разрыв между двумя основными направлениями анализа в неoinституционализме. Экономика трансакционных издержек, основы которой были заложены в работах Уильямсона⁷, базируется на идее, что институты создаются для минимизации подобных издержек. С другой стороны, согласно подходу к институтам как к правилам, развиваемому Нортом, институты — это определяющие факторы трансакционных издержек. На самом деле такой выбор позволяет добиться большего: обратиться к анализу стимулов и индивидуального выбора и оценить роль институциональных ограничений в этом выборе.

⁴ *Commons J.* Legal Foundations of Capitalism. N. Y.: MacMillan Company, 1924.

⁵ *Уильямсон О.* Экономические институты капитализма. СПб.: Лениздат, 1996.

⁶ Оригинальность трактовки понятия «трансакция» отмечает, в частности, Н. Дроздова (см.: *Дроздова Н.* В поисках новой методологии: сравнительный и исторический институциональный анализ Авнера Грейфа // Вопросы экономики. 2011. № 1. С. 101–120). С нашей точки зрения, подход Грейфа в данном случае, скорее, развивает идею трансакции у Коммонса.

⁷ См., в том числе: *Williamson O.* Markets and Hierarchies: Analysis and Antitrust Implications. N. Y.: The Free Press, 1975.

Задачи книги: точка сборки

Ставя своей основной целью проанализировать эндогенное возникновение и динамику различных форм политического и экономического устройства, а не только формы поведения внутри них, Грейф формулирует три задачи, которые должны решить институционалисты для продуктивного исследования взаимосвязи между институтами и благосостоянием:

— *разработка интегративной концепции институтов*, которая будет основана на гипотезах и аналитическом аппарате, взятых из внешне альтернативных направлений институционального анализа;

— *микроанализ влияния институтов на взаимодействие индивидов в рамках отдельных транзакций*, в котором вопрос мотивации следования определенным правилам поведения будет играть важнейшую роль;

— *разработка единого концептуального аппарата и аналитического инструментария для изучения стабильности подобных институтов*, эндогенных институциональных изменений и воздействия институтов прошлого на их развитие в будущем.

Как видно из этих задач, с точки зрения Грейфа, только синтез кажущихся альтернативными подходов к анализу природы и динамики институтов может приблизить нас к определению реального взаимоотношения институтов и благосостояния. Не ограничиваясь пустыми призывами к интеграции и «дружбе между разными школами» институционализма, Грейф предлагает свои способы развязать «гордиевы узлы» институционального анализа. Он затрагивает несколько основополагающих дилемм, пытаясь соединить и примирить то, что по традиции считается несоединимым и непримиримым. Именно поэтому работа Грейфа становится «точкой сборки» целого ряда теорий. В этом еще одна ее — возможно, пока не до конца оцененная — заслуга.

Понятие института: свой среди чужих, чужой среди своих

Первый такой «узел» — давний спор разных течений институционального анализа о «правильной точке зрения на институты». Спор идет между теми, кто исповедует функционалистские взгляды, и теми, кто придерживается структурной точки зрения. Согласно первой позиции, индивиды организуют институты, чтобы достичь своих целей; согласно второй, институты есть нечто большее, нежели отражение суммы волеизъявлений индивидуальных акторов.

Функционалистская, индивидуалистическая точка зрения помещает в центр анализа актора, принимающего решения. Предполагается, что институты отражают цели создающих их индивидов. Следовательно, когда условия, приведшие к их возникновению, начинают эволюционировать, прежние институты также вытесняются более востребованными и актуальными институтами.

Структурная точка зрения основывается, напротив, на холистическом подходе, согласно которому институты структурируют человеческие взаимодействия, формируют индивидов и конституируют социальные и культурные миры, в которых индивиды взаимодействуют.

Хотя большинство экономистов традиционно придерживаются функционалистской точки зрения, рассматривая, вслед за Нормом, институты как правила игры, задающие определенные поведенческие ограничения и струк-

турирующие, таким образом, взаимодействия агентов, а социологи — структурной, это различие не безусловно: среди экономистов — сторонников традиционного институционализма — немало структуралистов, а среди социологов встречаются те, кто изучает институты с функционалистской точки зрения.

По мнению Грейфа, два этих, казалось бы, взаимоисключающих взгляда на институты должны быть соединены друг с другом, поскольку каждый из них схватывает достаточно важную черту реальности — восприятие отдельными индивидами институтов как экзогенных ограничений и возможность общества влиять на институты.

Грейф предлагает рассматривать *институт* как систему правил, убеждений, норм и организаций, которые совместно порождают регулярность (социального) поведения. Что побуждает Грейфа вступать на скользкий путь смешивания в одном определении правил, организаций и убеждений — элементов, относящихся к различным подходам?

Пожалуй, различных определений института существует не меньше, чем самих институционалистов, и приверженность к тому или иному определению зачастую служит для них своего рода лакмусовой бумажкой в отношениях «свой—чужой». Грейф, предпринимая попытку дать единое определение, так или иначе сочетающее элементы разных определений, берется за задачу столь же важную, сколь и рискованную, амбициозную. Объясняет он это тем, что разные определения влекут за собой разные базовые положения и предпосылки относительно природы, динамики и происхождения институтов. Соответственно рассмотрение различных определений институтов как взаимоисключающих сдерживает, с его точки зрения, развитие институционального анализа.

Определение Грейфа помещает в центр исследования мотивацию индивидов, побуждающую их следовать правилам, а также сами убеждения и нормы, открывая возможности для теоретико-игрового анализа. Социальные факторы, которые образуют институт, мотивируют и направляют индивидов так, чтобы они следовали определенной модели поведения, выбирая именно ее среди многих технологически допустимых и социально приемлемых вариантов.

Если в стандартной теории игр правила воспринимаются как данность, а убеждения и поведение мотивируются эндогенно, то из предложенного Грейфом определения вытекает, что причинно-следственная связь может быть обратной. Убеждения и нормы, унаследованные из прошлого, становятся частью начальных условий для процессов, ведущих к появлению новых институтов и новых стратегий поведения. Игры — и, следовательно, институты — выстраиваются вокруг убеждений и норм, унаследованных из прошлого, путем установления поддерживающих их правил и организаций. Блестящий пример такой логики содержится в сравнительном анализе торговых практик купцов Магриба и генуэзцев — коллективистского и индивидуалистического сообществ, в которых для решения одних и тех же задач под влиянием разных культурных убеждений формируются совершенно разные институты.

Модель рационального выбора и ее ограничения

Вторая проблема, с которой часто сталкиваются экономисты, — это ограничения модели рационального выбора и возможность использовать аппарат теории игр. Признавая эту теорию эффективным инструментом анализа взаимодействия индивидов, которые находятся в поле действия институциональных ограничений, задающих доступные им стратегии, экономисты осознают

нереалистичность предпосылок о совершенной рациональности и моделях познания игроков, лежащих в основе большинства формальных конструкций.

Обойти эту проблему, по мнению Грейфа, можно именно в рамках институционального анализа. Теоретико-игровое допущение — правила игры общеизвестны и индивиды способны принимать безошибочные решения в рамках этих правил — связано с когнитивными и информационными аспектами социальных правил. Другими словами, индивиды способны *рационально действовать* (и выбирать) в условиях *известной им (унаследованной) институциональной среды*, а попадая в незнакомую среду, они «теряют свойства актора», либо минимизируя действия (отказываясь от трансакций) в силу очень высокого риска (как они его оценивают и каков он для них на самом деле в силу их неспособности предвидеть результаты действий), либо «прибываясь» к какой-то рутине, содержащей знакомые элементы или вызывающей доверие. Характерный пример — поведение иностранных инвесторов в России.

Подобный подход сочетает в себе идею Норта об институтах, которые облегчают выбор в условиях неопределенности, и идею Веблена о поведенческих рутинах. Таким образом, мы можем применять теоретико-игровые конструкты для анализа институциональных ограничений индивидуального выбора, учитывая фундаментальную роль институтов в структурировании индивидуального поведения. Такой подход, помимо прочего, открывает возможности для развития теории формирования убеждений и институционального обучения правилам и нормам на основе теоретико-игровой концепции обучения.

Государство, насилие и ограничения власти

Еще один вопрос, которым традиционно задаются институционалисты и на который не могут дать однозначного ответа, — это вопрос о природе государства, наделенного достаточной властью для осуществления насилия, но не злоупотребляющего ею. Действительно, если государство, гарантирующее соблюдение контрактов и прав собственности и предоставляющее общественные блага, обладает достаточной властью для осуществления этих функций, что заставляет его воздержаться от предоставления защиты или конфисковать частную собственность, тем самым подрывая основания рыночной экономики?

На примере опыта города-государства Генуи периода XI—XII вв. Грейф показывает, что две концепции государства — как «стационарного бандита», обладающего монополией на принуждение, и как механизма обеспечения общественных благ, выгодных экономическим агентам, — не всегда способны объяснить исторический опыт. Он обращается к процессу построения эффективного государства как процессу институционального развития, заставляющего индивидов вести себя исключительно как экономические агенты.

На ранних этапах своего развития государство, по мнению Грейфа, не располагает независимыми ресурсами и должно опираться на поддержку социальных структур, унаследованных из прошлого, пытаясь использовать их экономические и военные ресурсы для решения своих задач — достижения экономического процветания и политической стабильности. Сложность этой ситуации связана с тем, что такая совместная мобилизация ресурсов для решения новых задач может подорвать существующие самоподдерживающиеся институты или соглашения, регулирующие отношения между этими социальными структурами, не предложив ничего взамен. На примере функционировавшего в Генуе института *подеста* Грейф показывает, как

государство может справляться с такой задачей и с какими долгосрочными институциональными последствиями это связано.

Опять пример из недавнего прошлого: в России эпохи Ельцина наблюдался «недостаток» государства (нехватка ресурсов, жесткая институциональная «связанность» их использования, дефицит лояльности собственных агентов). Результат — совместная мобилизация ресурсов с крупным бизнесом, апогеем которой были президентские выборы 1996 г. и работа ОРТ. Примечательно, что такая практика сохранилась и в России эпохи Путина, только в результате резкого изменения веса сторон она реализуется в виде полукоррупционного фаворитизма (государство привлекает ресурсы формально независимых фирм, обеспечивая им преференции в рамках повторяющихся игр). Альтернативная практика совместной мобилизации ресурсов (использование средств западных стран и займов международных финансовых организаций) накладывала более серьезный и явный отпечаток на экономическую политику 1990-х, но в 2000-х полностью сошла на нет.

Стабильность институтов и их динамика

Еще одна классическая проблема, которую рассматривает Грейф, связана с соотношением стабильности институтов и их динамики. Если институциональная теория убедительно объясняет, почему институты стабильны и каков источник такой стабильности (обсуждению этих факторов посвящен, например, ряд известных работ П. Дэвида), она, как правило, предлагает не самое убедительное объяснение природы их динамики и динамических процессов вообще. Напротив, если теория объясняет динамику институтов, то она не проясняет причины их стабильности.

Подход к понятию и природе институтов как социальных факторов, обеспечивающих когнитивные, координирующие, информационные и нормативные основания индивидуального действия в рамках транзакций, позволяет понять, что заставляет институты сохраняться в изменяющемся окружении. Если ситуация меняется, утверждает Грейф, поведенческие реакции остаются неизменными до тех пор, пока те, кто видит перемены, действием не донесут новую информацию до других. При этом нормы делают институционализированное поведение устойчивым к изменениям внешнего окружения, а дефицит когнитивных ресурсов и внимания трансформирует такое поведение в соответствующие рутины.

Это определение позволяет рассуждать и о причинах эндогенной динамики институтов. Действительно, Грейф не останавливается на определении института как равновесия в конкретной игре (как это делает, например, Э. Шоттер⁸), а рассматривает и те факторы (включая культурные представления), которые делают это равновесие самоподдерживающимся.

Более того, рассуждая об институциональной динамике как об историческом процессе, Грейф пытается объяснить (в том числе, на конкретных исторических примерах) определенный «жизненный цикл» институтов. Он задается вопросами, почему успешно функционирующий институт может «культивировать семена собственного упадка» и почему, например, институты, поддержка которых основывается на репутационном механизме, с определенного момента могут начать подрывать сами себя.

⁸ Schotter A. The Economic Theory of Social Institutions. Cambridge: Cambridge University Press, 1981.

* * *

Сравнительный исторический институциональный анализ, предлагаемый Грейфом, четко определяет роль каждого инструмента и ограничения его использования — будь то теория игр или анализ исторических свидетельств. Грейф сочетает эксплицитный аналитический аппарат с контекстуальной, исторической информацией и интегрирует различные направления институциональной теории.

На страницах книги «Уроки средневековой торговли» почти нет прямой критики тех или иных подходов или работ⁹, а присутствует лишь обсуждение ограничений тех или иных альтернативных институциональных теорий, а также оснований для их интеграции.

Часто бывает, что исследователь, опубликовавший некоторое количество статей, решает объединить все свои работы под одной обложкой. Книга Грейфа — не тот случай: все тексты критически переосмыслены, и если практически каждая из статей основана на детальном микроанализе определенного исторического эпизода, то в книге все эти эпизоды, казалось бы не очень связанные между собой, интегрируются в единую теорию. Как ни парадоксально, это хорошая книга и для тех, кто хочет начать изучение институциональной экономики, и для тех, кто знаком с основными направлениями институциональной теории и ищет свои ответы на поставленные в их рамках вопросы.

Грейф не предлагает универсального инструментария, а лишь показывает, каким образом для каждого конкретного случая он строит свою аналитическую модель. С одной стороны, отсутствие такой теории не позволяет нам говорить о наличии инструмента, который можно было бы легко применять к любому интересующему нас случаю. С другой стороны, заинтересованному читателю Грейф дает достаточно пищи для размышлений, чтобы задуматься о построении модели, которая позволит дать ответ на одну из еще не разгаданных загадок. А умению видеть нетривиальные задачи в тривиальных, на первый взгляд, ситуациях, задаваться вопросами о причинах существования, казалось бы, очевидных моделей поведения и контрактов и из ответов на эти вопросы делать выводы о причинных взаимосвязях, объединяющих более общие, фундаментальные явления, у Грейфа можно поучиться.

Все примеры, которые приводятся и обсуждаются в этой книге, относятся к институтам, которые перестали существовать много веков назад, но эта книга еще долго будет оставаться современной и актуальной, потому что она описывает прошлое так, что позволяет нам заглянуть в будущее.

⁹ Исключение сделано, пожалуй, для подробного критического разбора работы Норта, П. Милгрона и Б. Вейнгаста о ярмарках в средневековой Шампани (*Milgrom P., North D., Weingast B. The Role of Institutions in the Revival of Trade: the Law Merchant, Private Judges, and the Champagne Fairs // Economics & Politics. 1990. Vol. 2, No 1. P. 1–23*).

*Т. ОМЕЛЬЧУК,
старший научный сотрудник
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
эксперт фонда «Центр стратегических разработок»*

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДОЛГОСРОЧНОЙ УСТОЙЧИВОСТИ ПЕНСИОННОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ

В настоящее время проблема обеспечения долгосрочной устойчивости пенсионной системы остается одной из наиболее острых в России. Экстенсивный характер осуществленной в последние годы пенсионной реформы в стране отмечал Е. Т. Гурвич¹. Принятые обязательства пенсионной системы настроены на тариф отчислений 26%. При данном тарифе должен постепенно уменьшаться ее дефицит — до 2,5% ВВП к 2020 г., до 1,5% ВВП — к 2040 г. При снижении тарифа взносов в пенсионную систему до 20% дефицит пенсионной системы в 2020 г. составит 3,3%, в 2040 г. — 2,3% ВВП. При этом размер пенсий из-за пониженной индексации сократится на 9%, коэффициент замещения значительно снизится при медленном росте соотношения среднего размера пенсии и прожиточного минимума пенсионера. Существенно возрастет дефицит пенсионной системы, что будет увеличивать государственный долг. В таких условиях долгосрочная устойчивость пенсионной системы находится под угрозой.

Накопительная составляющая и изменение формулы расчета пенсий

Чтобы решить проблему устойчивости пенсионной системы, Министерство здравоохранения и социального развития России предлагает значительно снизить долю накопительной составляющей². Но даже при полной ее отмене страховая часть пенсионной системы останется дефицитной. При уменьшении доли накопительной составляющей дефицит пенсионной системы сократится

¹ Гурвич Е. Принципы новой пенсионной реформы // Вопросы экономики. 2011. № 4; Гурвич Е. Т. Реформа 2010 года: решены ли долгосрочные проблемы пенсионной системы? // Журнал Новой экономической ассоциации. 2010. № 6.

² Итоги пенсионной реформы и долгосрочные перспективы развития пенсионной системы Российской Федерации с учетом влияния мирового финансового кризиса: аналитический доклад / Минздравсоцразвития России. М., 2010. 26 нояб. www.minzdravsoc.ru/docs/mzsr/insurance/6.

на 0,6% ВВП, однако увеличится объем пенсионных обязательств по страховой. Минздравсоцразвития России предлагает снова изменить формулу расчета пенсий, чтобы иметь законодательную возможность в будущем ограничивать пенсионные права³. Станет ли пенсионная система устойчивее, если каждое десятилетие менять указанную формулу?

Вместо существующего прозрачного порядка определения величины пенсии Минздравсоцразвития России предлагает ввести с 2014 г. новый порядок, при котором страховой характер назначения пенсии отсутствует, а ее размер искусственно ограничивается. В результате пенсионная система вернется к уравнительному порядку назначения пенсий, высокие заработки во многом снова уйдут в «тень». При частом изменении формулы расчета пенсий население начинает сомневаться в возможности исполнения пенсионных обязательств государства в будущем и, как следствие, теряет стимулы уплачивать взносы в пенсионную систему. Кроме того, изменение формулы ведет к ущемлению прав различных категорий работников.

На проведение принятой валоризации пенсионного капитала необходимо 1% ВВП в год, она затронет выходящих на пенсию даже через 15 лет. Не решена проблема расчета пенсий для работников, у которых при стаже до 2002 г. нет 60 месяцев подряд или полностью отработанных двух лет в 2000—2001 гг. (права до 2002 г. зависят от продолжительности трудового стажа на 01.01.2002 г. и от заработной платы за 2000—2001 гг. либо за любые 60 месяцев подряд⁴). Для таких работников надо рассчитывать пенсии по любым 12 месяцам подряд до 01.01.2002 г.

Существующая накопительная составляющая пенсионной системы имеет много недостатков, но для совершенствования пенсионного законодательства и создания прозрачных форм отчетности нужен конструктивный диалог всех сторон. Подготовлены предложения по модернизации накопительного компонента пенсионной системы⁵. Пенсионные накопления — единственный способ обеспечить дополнительную пенсию.

Меры по совершенствованию накопительного компонента

Необходимо отделить обязательную накопительную составляющую от добровольной, так как у них различные источники формирования средств. Расширить программу дополнительного финансирования пенсионных отчислений можно за счет работников с государственным софинансированием при изменении его модели — с заявительной на модель «по умолчанию», когда в программу софинансирования автоматически включают всех работников. Работник имеет право в любое время выйти из системы, написав соответствующее заявление, и снова присоединиться к ней. В силу пассивности населения при выборе вариантов размещения своих пенсионных накоплений при этой модели в системе может остаться от 50 до 80% работников. Надо

³ Министерство разработало новую пенсионную формулу / [Интервью статс-секретаря-замминистра Юрия Воронина газете «Коммерсант»] // Сайт Минздравсоцразвития России. 2011. 9 июня. www.minzdravsoc.ru/pensions/razvitie/120; О Стратегии развития пенсионной системы до 2050 года / [Интервью статс-секретаря-замминистра Юрия Воронина «Московскому комсомольцу»] // Там же. 2011. 3 авг. www.minzdravsoc.ru/pensions/razvitie/125.

⁴ Федеральный закон от 17 декабря 2001 г. № 173-ФЗ «О трудовых пенсиях в Российской Федерации», ст. 30.

⁵ Предложения по развитию пенсионной системы в Российской Федерации / Экспертный совет при Общественном совете по инвестированию средств пенсионных накоплений при Президенте Российской Федерации. М., 2011. С. 35—49.

предусмотреть гибкий период получения дополнительных пенсионных накоплений (и выплат материнского капитала) с возможностью наследовать остаток на счете. Максимальный размер государственного софинансирования должен индексироваться в соответствии с ростом прожиточного минимума пенсионера или потребительских цен.

Как показывают расчеты, отчисление добровольных взносов в накопительную часть за счет работника в размере 3% от заработной платы с софинансированием за счет федерального бюджета для работника с заработной платой, соответствующей средней в стране, обеспечивает дополнительный индивидуальный коэффициент замещения (отношение пенсии к последней заработной плате):

— 5,5—6,5% при периоде отчислений 30 лет в зависимости от размера инвестиционного дохода и пожизненном получении добровольной части накопительной составляющей;

— 10,5—12,4% при периоде отчислений 30 лет и получении добровольной части накопительной составляющей в течение десяти лет.

Расходы федерального бюджета на софинансирование взносов работника (за счет доходов от приватизации госимущества и ресурсных доходов Фонда национального благосостояния) составят:

— при 50% участников в системе софинансирования в 2013 г. — 0,38% ВВП, в 2020 г. — 0,27, в 2030 г. — 0,19, в 2040 г. — 0,15% ВВП;

— при 80% участников в системе софинансирования в 2013 г. — 0,61% ВВП, в 2020 г. — 0,43, в 2030 г. — 0,31, в 2040 г. — 0,24% ВВП.

Повышение предельного размера заработной платы для отчисления взносов

В настоящее время средний размер пенсий в северных регионах на 50—80% выше, чем в среднем в стране, а величина прожиточного минимума пенсионера в северных регионах в 1,5—2 раза выше. Из-за низкого предельного размера заработной платы для отчисления взносов в пенсионную систему в будущем большей части пенсионеров Крайнего Севера придется доплачивать до величины прожиточного минимума пенсионера в регионе.

Из 53 стран, представленных в обзоре Всемирного банка, в 22 отсутствует предельный размер заработной платы для отчисления взносов в пенсионную систему. В 31 стране, где установлен такой предел, его средняя величина составляет 300% от заработной платы. Из 30 стран ОЭСР в 9 отсутствует предельный размер заработной платы для отчисления пенсионных взносов. В 21 стране ОЭСР, где установлен такой предел, его средняя величина составляет 237% от заработной платы⁶.

Если предельный размер заработной платы для отчисления взносов в пенсионную систему повысить, чтобы его отношение к сумме средней заработной платы за год возросло со 161% в настоящее время до 230%, то удастся на 8—10% увеличить доходную часть пенсионной системы. При этом пенсионные обязательства и средний размер пенсии вырастут также на 8—10%. Персонифицированный взнос на страховую и накопительную части пенсии можно снизить до 15% (вместо 16% в настоящее время), чтобы суммарные обязательства пенсионной системы не увеличились.

⁶ Уайтхауз Эд. Пенсионная панорама. Пенсионные системы 53 стран / Всемирный банк. М.: Весь мир, 2008. С. 20—25.

Увеличение минимального стажа и введение минимального фиксированного взноса в пенсионную систему

Соотношение численности застрахованных лиц, учитываемой при расчете фонда оплаты труда, и населения, занятого в экономике, в 1990 г. составляло 97,5%, в 1995 г. — 90,8, в 2000 г. — 84, в 2005 г. — 77, в 2010 г. — 68%. Треть населения, занятого в экономике России, относится к категории самозанятого и участвует в формировании финансовых ресурсов пенсионной системы на льготных основаниях или вообще в этом не участвует. *В 2011 г. взнос самозанятого населения составит 18,7% от взноса работника с заработной платой, соответствующей средней в стране.*

Самозанятое население не заинтересовано в уплате взносов в пенсионную систему, так как в общеустановленном пенсионном возрасте обеспечивается минимальный размер регионального прожиточного минимума пенсионера при уплате взносов в пенсионную систему в течение 5 лет. Согласно 102-й конвенции Международной организации труда, минимальный стаж для минимальной пенсии составляет 15 лет⁷. Необходимо увеличить минимальный стаж для получения трудовой пенсии с 5 до 15 лет и ввести минимальный фиксированный взнос в пенсионную систему на уровне взноса от 30% средней заработной платы в стране (в 2011 г. не менее 1800 руб. в месяц). Для льготных категорий работников можно частично финансировать минимальный взнос за счет федерального бюджета. При уплате взносов менее 15 лет будет назначена социальная пенсия (на пять лет позднее общеустановленного пенсионного возраста). При этом *дополнительные доходы пенсионной системы в 2012 г. составят не менее 38 млрд руб. без увеличения объема пенсионных прав.*

Повышение пенсионного возраста

Противники повышения пенсионного возраста часто в качестве аргумента приводят данные о низкой продолжительности жизни мужчин в России⁸. С учетом этого пенсионный возраст нужно повышать прежде всего для женщин — очень медленно, начиная с 1 месяца и постепенно увеличивая до 5—6 месяцев в год, а потом — для мужчин. Таким образом, к 2035—2040 гг. пенсионный возраст для мужчин и женщин может сравняться и достигнуть 63 лет, но будет все равно одним из самых низких в мире. К медленному повышению пенсионного возраста сможет адаптироваться и рынок труда.

Индексировать пенсии при повышении пенсионного возраста необходимо так же, как и в отсутствие такого повышения. Чтобы не увеличивать и даже максимально сократить дефицит пенсионной системы в период выхода на пенсию большей части пенсионеров с увеличенными пенсионными правами, с 2035 г. можно постепенно ужесточить требование к трудовому стажу для получения полной базовой пенсии с 30 до 35 лет; при увеличении продолжительности жизни необходимо удлинить период получения пенсии в формуле ее расчета.

Повышение пенсионного возраста ограничит дефицит пенсионной системы на уровне 0—1% ВВП при размере взносов в пенсионную систему 20—22%, стабилизирует значения индивидуального и среднего коэффициентов замещения. Соотношение среднего размера трудовой пенсии и прожиточного минимума пенсионера в 2035 г. достигнет 310%, в 2040 г. — 350, в 2050 г. — 450%.

⁷ Конвенция № 102 МОТ «О минимальных нормах социального обеспечения» (принята в Женеве 28.06.1952 г. на 35-й сессии Генеральной конференции МОТ).

⁸ Итоги пенсионной реформы... / Минздравсоцразвития России.

Повышение пенсионного возраста до 63 лет для мужчин и женщин к 2035 г. при указанной индексации страховой части позволит снизить нагрузку на федеральный бюджет в 2030 г. на 0,8% ВВП, в 2035 г. — на 1,1% ВВП. При этом средний размер трудовой пенсии увеличится в 2035 г. на 6%, в 2040 г. — на 10, в 2050 г. — на 16%.

Реформирование льготного пенсионного обеспечения

В настоящее время расходы на выплату пенсий льготным категориям граждан до наступления общеустановленного пенсионного возраста составляют 12% всех расходов на трудовые пенсии. Из-за высокой нагрузки на работодателей, связанной с отчислениями во внебюджетные фонды, в ближайшие годы не удастся ввести полный тариф взносов в профессиональные пенсионные системы. Предлагается установить дополнительный тариф на досрочное пенсионное обеспечение в размере 3% от заработной платы для вредных и опасных условий труда на основании Списка № 1 и тариф 2% от заработной платы для Списка № 2 и работающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях с 2013—2014 гг. С 2015 г. целесообразно ежегодно увеличивать эти тарифы на 5%, тогда тариф по Списку № 1 достигнет 13% к 2045 г., по Списку № 2 — 7,6% к 2042 г. При нормативном стаже работы во вредных и опасных условиях 25 лет тариф 7,6% полностью покрывает размер досрочной пенсии для работников по Списку № 2. Для работников по Списку № 1 при нормативном стаже работы во вредных и опасных условиях 16 лет при досрочном выходе на пенсию тариф 13% покрывает размер ее страховой (накопительной) части. При этом базовая часть пенсии в период ее досрочного получения по Списку № 1 может финансироваться за счет средств федерального бюджета.

Суммарная дополнительная нагрузка на фонд оплаты труда в 2013—2014 гг. в виде отчислений за работу во вредных и опасных условиях по Спискам № 1 и № 2 составит 0,36% (0,09% ВВП). Постепенное увеличение дополнительного тарифа взносов на досрочное пенсионное обеспечение одновременно со снижением численности рабочих мест с вредными и опасными условиями труда позволит медленно повышать нагрузку на работодателей. В максимальной степени, в два раза, она возрастет к 2040 г. — до 0,77% фонда оплаты труда (0,19% ВВП).

Досрочное пенсионное обеспечение для работников за выслугу лет можно компенсировать ростом их заработной платы. В случае сохранения права на досрочный выход на пенсию тариф 7,6% от заработной платы может уплачиваться за работников, имеющих такое право, во внебюджетной сфере при нормативном стаже 25 лет. Тариф можно снизить, увеличив нормативный стаж работы до 30 лет; с 2038 г. тариф для финансирования досрочного выхода на пенсию за выслугу лет (и по Списку № 2) составит 6,4%.

При отчислении дополнительного тарифа взносов за работу во вредных условиях на основании Списка № 1 в размере 3% от заработной платы и тарифа 2% от заработной платы для Списка № 2 и работающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях в 2013 г. дополнительные доходы страховой части пенсионной системы превысят 92 млрд руб. Для диверсификации рисков 50% взносов на финансирование досрочных пенсий можно направлять на страховую часть, а 50% — на накопительную.

Таким образом, повысить долгосрочную устойчивость пенсионной системы можно разными способами. Предложенные меры позволят значительно снизить ее дефицит и улучшить пенсионное обеспечение в стране.

**Российский работник:
образование, профессия, квалификация /**
Под ред. В. Е. Гимпельсона, Р. И. Капелюшникова;
Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики».
М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. — 574 с.

Состояние современных экономик все в большей степени определяют два фактора — уровни развития институтов и человеческого капитала. Остановимся на последнем. Международная статистика образования и сравнения на ее основе позволяют не только дать ответы на многие вопросы, но и поставить новые. Один из таких вопросов, может быть самый важный, обусловлен следующим фактом. Население России — самое образованное в мире, если считать по доле с третичным образованием¹, и входит в число мировых лидеров по доле с высшим. Анализ подтверждает: уровни экономического развития и образования населения статистически значимо связаны между собой, как и уровни образования населения и дифференциации доходов, только здесь зависимость обратная. Это порождает естественный вопрос: почему при таком образованном населении мы находимся в шестом десятке стран по уровню экономического развития, а значение индекса Джини по доходам выше, чем во всех европейских странах, включая страны бывшего СССР²?

Попытка ответить на этот и некоторые другие вопросы предпринята в монографии «Российский работник: образование, профессия, квалификация», подготовленной коллективом авторов под редакцией В. Е. Гимпельсона и Р. И. Капелюшникова. В числе авторов, помимо специалистов Центра трудовых исследований (ЦеТИ) и других иссле-

довательских структур НИУ ВШЭ, — ведущие сотрудники Росстата, ЦЭМИ РАН, Института экономической политики имени Е. Т. Гайдара.

Монография продолжает серию исследований ЦеТИ³ и вносит важный вклад в развитие методологии анализа проблем оценки, отдачи и использования человеческого капитала. Авторы поставили задачу проанализировать «как эволюцию человеческого капитала, воплощенного в образовании, профессиях и квалификации российской рабочей силы, на протяжении последних десятилетий, так и его текущее состояние. Главный упор в ...работе делается ...на том, как уже произведенный человеческий капитал взаимодействует с рынком труда и используется при производстве товаров и услуг» (с. 9).

Авторы задают следующие вопросы: «Адекватен ли человеческий капитал, которым располагает российская экономика на старте второго десятилетия XXI в., задачам ее переориентации на инновационный тип развития? Соответствуют ли его количественные и качественные характеристики модели современной экономики, основанной на знаниях? Какова наиболее вероятная траектория его дальнейшей эволюции?» (с. 12). Для анализа привлечены значительные массивы данных и результаты, полученные в различных исследовательских проектах.

Монография начинается с подробного рассмотрения основных направлений эволюции человеческого капитала

¹ В соответствии с международной стандартной классификацией образования к третичному в России относится высшее и среднее профессиональное образование.

² Human Development Report 2010 / UNDP.

³ Коллективные монографии «Нестандартная занятость в российской экономике» (2005 г.) и «Заработная плата в России: эволюция и дифференциация» (2007 г.), другие публикации сотрудников ЦеТИ.

России в 1990—2000-е годы, изменения его количественных и качественных характеристик на протяжении этого периода, а также его экономической ценности. Один из главных выводов состоит в том, что на протяжении 2000-х годов спрос на высококвалифицированную рабочую силу, обладающую значительными запасами человеческого капитала, рос быстрее, чем ее предложение. Это во многом объясняет, почему в российских условиях экономическая привлекательность образования для работников с точки зрения не только их заработков, но и возможностей занятости и ее качества, была и остается высокой.

Следующий вопрос, ключевой для всего исследования, — о величине и динамике отдачи от образования в российской пореформенной экономике. Авторы анализируют различные подходы и причины значительной вариации в оценках отдачи в работах разных исследователей. Для «примирения» полученных результатов применяется метод мета-регрессионного анализа, практически не знакомый отечественным экономистам.

Использование международных подходов к оценке отдачи от образования и зависимостей показателей и характеристик трудоустройства от уровня образования вызвано требованием обеспечить сопоставимость данных при межстрановых сравнениях. Но это накладывает и определенные ограничения, в частности, доходы и трудоустройство работников с образованием не выше начального в России связаны не столько с образованием, сколько с их социальными, психологическими и, возможно, медицинскими характеристиками. Аналогично и высшее образование во многих случаях характеризует личность работника больше, чем его знания, навыки и компетенции. Возможно, исследование этих вопросов могло бы стать интересным дополнением монографии.

Усредненные оценки отдачи от образования в условиях высокой дифференциации регионов по социально-экономическим показателям напоминают «среднюю температуру по больнице», поэтому авторы смещают фокус анализа на межрегиональный уровень. Исследование подтвердило естественное предположение, что различия в показателях «окупаемости» человеческого капитала между российскими регионами очень велики, и, что не менее важно,

выявило высокую устойчивость этих различий во времени. Особый интерес представляет обсуждение возможных причин межрегиональной дифференциации.

Еще одно направление исследований, которому в монографии уделено значительное внимание, — расхождение между полученным образованием и его востребованностью на рабочих местах. Для какой части российских работников уровень образования соответствует сложности выполняемой ими работы, для какой он избыточный, а для какой — недостаточный? Ведет ли «сверхобразованность» к потерям в заработках, и если да, то насколько потери велики? Эти вопросы в условиях непрерывной эскалации спроса на высшее образование со стороны российского населения очень важны, в том числе для выработки адекватной государственной политики в сфере образования.

Другая группа вопросов в рамках этого направления связана с проблемой соответствия специальностей работников «по диплому» их фактическим занятиям. Авторы впервые для России дают количественные оценки доли выпускников высших и средних специальных учебных заведений, работающих не по полученным специальностям, анализируют причины подобных расхождений.

Еще один аспект темы дифференциации заработной платы — различия в оплате труда в зависимости от професий работников. Согласно представленному в монографии анализу, «премия» на один и тот же уровень образования может сильно отличаться в зависимости от профессиональной принадлежности работников, то есть высокий уровень образования сам по себе еще не гарантирует высоких заработков, но обеспечивает их при условии занятия определенных профессиональных позиций.

В работах последних лет часто встречается утверждение, что дефицит квалифицированных кадров грозит стать едва ли не главным тормозом на пути устойчивого развития российской экономики. В монографии эта проблема рассматривается со стороны как спроса на труд, так и его предложения. Авторы пришли к важному выводу: декларируемый «дефицит» во многом виртуальный и вызван тем, что на рынке много неэффективных предприятий, которые не могут воспользоваться имеющимся в экономике человеческим капиталом.

Значительная часть монографии посвящена особенностям российской системы повышения квалификации и подготовки кадров, анализируется активность российских предприятий и работников в данной сфере, проводятся межстрановые сопоставления. В книге сделана попытка объяснить, почему Россия, будучи одним из мировых лидеров по показателям развития формального образования, при этом отстает по показателям подготовки работников непосредственно на рабочих местах.

Авторы объясняют парадоксальное противоречие между ускоренным производством высокообразованных кадров в России и одновременным ростом отдачи от образования. В монографии показано, что рост спроса на квалифицированную рабочую силу опережал ее производство в связи с перестройкой экономики в постсоветский период. При этом авторы прогнозируют, что этот ресурс будет в ближайшее время исчерпан в связи с неспособностью российской экономики генерировать высококвалифицированные рабочие места в соответствии с темпами роста предложения рабочей силы с третичным образованием.

Еще один ключевой вопрос — использование человеческого капитала в России. Согласно представленным в монографии оценкам, каждый четвертый россиянин занимает рабочее место, требующее меньшей квалификации, чем он формально обладает. Ежегодный приток на рынок новых выпускников вузов будет лишь усиливать эффект вытеснения менее образованных работников более образованными. Усиление диспропорции между растущим предложением высококвалифицированной рабочей силы и недостаточностью соответствующих рабочих мест приведет не только к «недоиспользованию», но и к недооценке рабочей силы с высшим образованием. «В условиях глобальной конкуренции и открытых границ человеческого капитал вряд ли будет мириться с тем, что он не полностью востребован и недооценен» (с. 568). К числу критичных для страны последствий неполного использования человеческого капитала относятся снижение внешних требований к качеству подготовки выпускников и, как следствие, ослабление стимулов производителей образовательных услуг повышать качество профессионального образования.

Качеству человеческого капитала и, более узко, третичного и особенно выс-

шего образования в монографии уделено особое внимание. В отсутствие международных сравнительных оценок качества высшего образования авторы рассматривают результаты обследований качества начального и среднего образования. Согласно им, по мере возрастания уровня образования результаты российских учащихся относительно других стран стремительно ухудшаются. Авторы предполагают, что этот «тренд» продолжается и за пределами среднего образования. В качестве аргументов они приводят данные о почти всеобщем охвате высшим и средним профессиональным образованием, что не может не сказываться на среднем уровне подготовки абитуриентов.

Разделяя позицию авторов, добавим, что две особенности системы российского образования подтверждают предположение об относительно низком качестве российского высшего и среднего профессионального образования. Первая заключается в том, что наши молодые люди раньше, чем их зарубежные сверстники, заканчивают школу и поступают на программы профессионального образования. Это означает, что у них за плечами не только меньше лет обучения, но они менее взрослые, чем зарубежные абитуриенты, должны принимать принципиальные для дальнейшей жизни решения в более раннем возрасте. Вторая особенность — очень высокая по международным меркам доля заочных программ: доля учащихся здесь в России в два раза выше, чем в среднем в мире. Это тоже сказывается на качестве подготовки таких выпускников.

В заключение несколько слов о языке. Монография готовилась разными авторами, с разным стилем изложения и способом представления материала. Это не могло не привести к некоторой неровности текста — разделы, написанные вполне популярным языком, соседствуют с узкопрофессиональными текстами. Но редактором удалось обеспечить единство книги в целом, ясность изложения, однозначность используемой терминологии, научность без избыточной усложненности и, наконец, грамотный русский язык, что сегодня, к сожалению, встречается все реже.

*М. Агранович,
к. э. н., руководитель Центра
мониторинга и статистики
образования ФИРО*

E. YASIN**Institutional Constraint of Modernization or Will the Democratization Do Well in Russia?**

The article deals with three possible scenarios of modernization — modernization from above, strong dash (modernization from below) and evolution (modernization from below but without a strong dash). The author points out that the last one is the most preferable for Russia, because step by step adaptation to new institutions mostly eliminates the possibility of a roll back. In the end the author suggests how could the economy develop in these diverse cases during the four ongoing decades.

PROBLEMS OF THEORY

A. SEN

Adam Smith and the Contemporary World

In this paper that is a transcript of a lecture held to commemorate the 250th anniversary of Adam Smith's *Theory of Moral Sentiments* the author who is a Nobel Prize winner in economics reflects on the relevance of this classic. He shows that Smith proposed a historical approach to institutional transformations as opposed to the authors who tried to advance a system of ideal institutions. The importance of Smith's views on impartiality in ethical evaluation of social conditions and in building a just society is also emphasized.

A. SKOROBGATOV

Gifts, Gift Exchange, and Market Exchange as Organizational Alternatives

The paper is dedicated to the gift-exchange as a mode of organization. A local community with a long-term cooperation as a result of the informal enforcement is analyzed as an environment which presupposes dominance of the reciprocity. Among others relations between patron and client, master and slave are considered. The importance of a planning horizon for the rational choice of a means of organization is studied. Reciprocity is analyzed as an element of the relational contracting.

TOOLS OF MACROECONOMIC ANALYSIS

I. PILIPENKO

The Use of Cost—Benefit Analysis for Evaluating Efficiency of Public Investment Projects (*The Case of Sochi-2014 Winter Olympic Games*)

The paper analyzes shortcomings of economic impact studies based mainly on input—output models that are often employed in Russia as well as abroad. Using studies about sport events in the USA and Olympic Games that took place during the last 30 years we reveal advantages of the cost—benefit analysis approach in obtaining unbiased assessments of public investments' efficiency; the step-by-step method of cost—benefit analysis is presented in the paper as well. We employ the project of Sochi-2014 Winter Olympic and Paralympic Games in Russia to evaluate its efficiency using cost—benefit analysis for five accounts (areas of impact), namely government, households, environment, economic development, and social development, and calculate the net present value of the project taking into account its possible alternatives. In conclusion we suggest several policy directions that would enhance public investment efficiency within the Sochi-2014 Olympics.

M. STOLBOV

Statistics of Search Queries in Google as an Indicator of Financial Conditions

The article deals with opportunities and limits of Google search queries statistics as an indicator of financial conditions. The methodological issues and empirical results of the use of such indicators in foreign countries are discussed. It is shown that this statistics should be incorporated in an econometric model of individuals' deposit growth in Russia. A composite indicator of financial situation allowing for shifts in financial expectations of individuals and entities is also proposed. It is proved that such measures may be good complements for traditional indicators to monitor financial conditions, which are based on the interview method.

B. PORFIRIEV, V. KATTSOV

Implications of and Adaptation to Climate Change in Russia: Assessment and Forecast

Comprehensive assessment of macroeconomic implications of climate change in Russia by 2030 including the authors' original evaluations and forecasts is provided in the article. The weather and climate fluctuations impact on dynamics and qualitative indicators of selective industries of the Russian economy is contemplated in depth. Key directions and a set of measures of their adaptation to this impact along with those for reducing the climate change risks to the national economy are analyzed. It is argued that including the climate change factor into the development policy and industry and services' modernization projects in Russia, particularly its consideration while introducing technological innovations are both necessary and economically effective. The role of science and scientific organizations as principal institutions and drivers of adaptation of the Russian economy and society as a whole to climate change is especially emphasized.

THE CHINESE WAY

V. GEL'BRAS

Russia and China: The Inevitability of Crucial Changes

Absolute domination of the state in a national economy defines radical difference of Russia and China from the majority of other countries. Here the similarity of the two countries as a matter of fact comes to an end. China has created the economy focused on export by means of unprecedented investments into fixed capital. In the country for a long time the interests of domestic market and basic requirements of the population have been ignored. Russia grounds its export economy on the development of raw materials and power generation sectors with limited creation of new branches. In contrast to China in Russia the purpose of development has not been formulated, there is no idea uniting the people. In the end of 2009 a basic change in the Russian-Chinese cooperation took place. China persistently tries to transform Russia into a raw appendage of its economy.

A. GRUZDEV

Financing Platforms of Local Governments and Their Role in Credit Boom in China in 2009—2010

The implementation of the anti-crisis program by the PRC State Council led to a credit boom in 2009—2010. The local governments' specially established companies (financing platforms) were among the most vigorous borrowers. The article analyzes the influence of these companies on the banking system stability. The author concludes that the rapid accumulation of the financing platforms debt is mainly due to the revival of political lending and may result in a substantial increase of bad debt.

Льготная подписка для физических лиц на I полугодие 2012 г.

<p>Извещение</p>	<p>НП «Вопросы экономики» ИНН 7727071670, КПП 772701001, р/с 40703810687900000002 в Московском ф-ле ОАО АКБ «Росбанк» г. Москва, к/с 30101810200000000272, БИК 044552272</p> <p>Ф.И.О.: _____</p> <p>Адрес доставки (с индексом): _____</p> <table border="1"> <tr> <td>Назначение платежа</td> <td>Сумма</td> </tr> <tr> <td>Подписка на журнал «Вопросы экономики» I полугодие 2012 г.</td> <td>2520—00</td> </tr> </table> <p>С условиями приема банком указанной суммы ознакомлен и согласен _____ « _____ » 2011 г. (подпись плательщика) (дата платежа)</p>	Назначение платежа	Сумма	Подписка на журнал «Вопросы экономики» I полугодие 2012 г.	2520—00
Назначение платежа	Сумма				
Подписка на журнал «Вопросы экономики» I полугодие 2012 г.	2520—00				
<p>Кассир</p>	<p>НП «Вопросы экономики» ИНН 7727071670, КПП 772701001, р/с 40703810687900000002 в Московском ф-ле ОАО АКБ «Росбанк» г. Москва, к/с 30101810200000000272, БИК 044552272</p> <p>Ф.И.О.: _____</p> <p>Адрес доставки (с индексом): _____</p> <table border="1"> <tr> <td>Назначение платежа</td> <td>Сумма</td> </tr> <tr> <td>Подписка на журнал «Вопросы экономики» I полугодие 2012 г.</td> <td>2520—00</td> </tr> </table> <p>С условиями приема банком указанной суммы ознакомлен и согласен _____ « _____ » 2011 г. (подпись плательщика) (дата платежа)</p>	Назначение платежа	Сумма	Подписка на журнал «Вопросы экономики» I полугодие 2012 г.	2520—00
Назначение платежа	Сумма				
Подписка на журнал «Вопросы экономики» I полугодие 2012 г.	2520—00				

Для оформления подписки через Редакцию: 1) вырежьте бланк квитанции (или распечатайте его с нашего сайта: www.vopreco.ru); 2) **разборчиво** заполните графы «Ф.И.О.» и «Адрес доставки (с индексом)»; 3) оплатите квитанцию в Сбербанке (или другом банке). Оплаченная квитанция является документом, подтверждающим заключение Вами договора подписки. Журналы будут доставляться Вам простой бандеролью по указанному в квитанции адресу. Доставка включена в стоимость подписки. **Телефон для справок: (495) 436-01-43**

Технический редактор, компьютерная верстка — **Т. Скрыпник**
Корректор — **Л. Пушаева**

Учредители: НП «Редакция журнала Вопросы экономики»; Институт экономики РАН.
Издатель: НП «Редакция журнала „Вопросы экономики“». Журнал зарегистрирован в Госкомитете РФ по печати, рег. № 018423 от 15.01.1999. **Адрес редакции:** 119606, Москва, просп. Вернадского, д. 84, корп. 2. **Тел./факс:** (495) 436-01-43. **E-mail:** mail@vopreco.ru

Индекс журнала: в каталоге агентства «Роспечать» — 70157; в каталоге «Почта России» — 10788; в Объединенном каталоге — 40747. Цена свободная.

Подписано в печать 01.11.2011. Формат 70 × 108¹/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 14,00. Уч.-изд. л. 12,4. Тираж 3 460 экз.

Отпечатано в типографии ОАО «Издательский дом „Красная Звезда“». Адрес: 123007, г. Москва, Хорошевское шоссе, д. 38. www.redstarph.ru. Заказ № 5022.

Перепечатка материалов из журнала «Вопросы экономики» только по согласованию с редакцией. Редакция не имеет возможности вступать с читателями в переписку, рецензировать и возвращать не заказанные ею материалы. © **НП «Редакция журнала „Вопросы экономики“», 2011.**